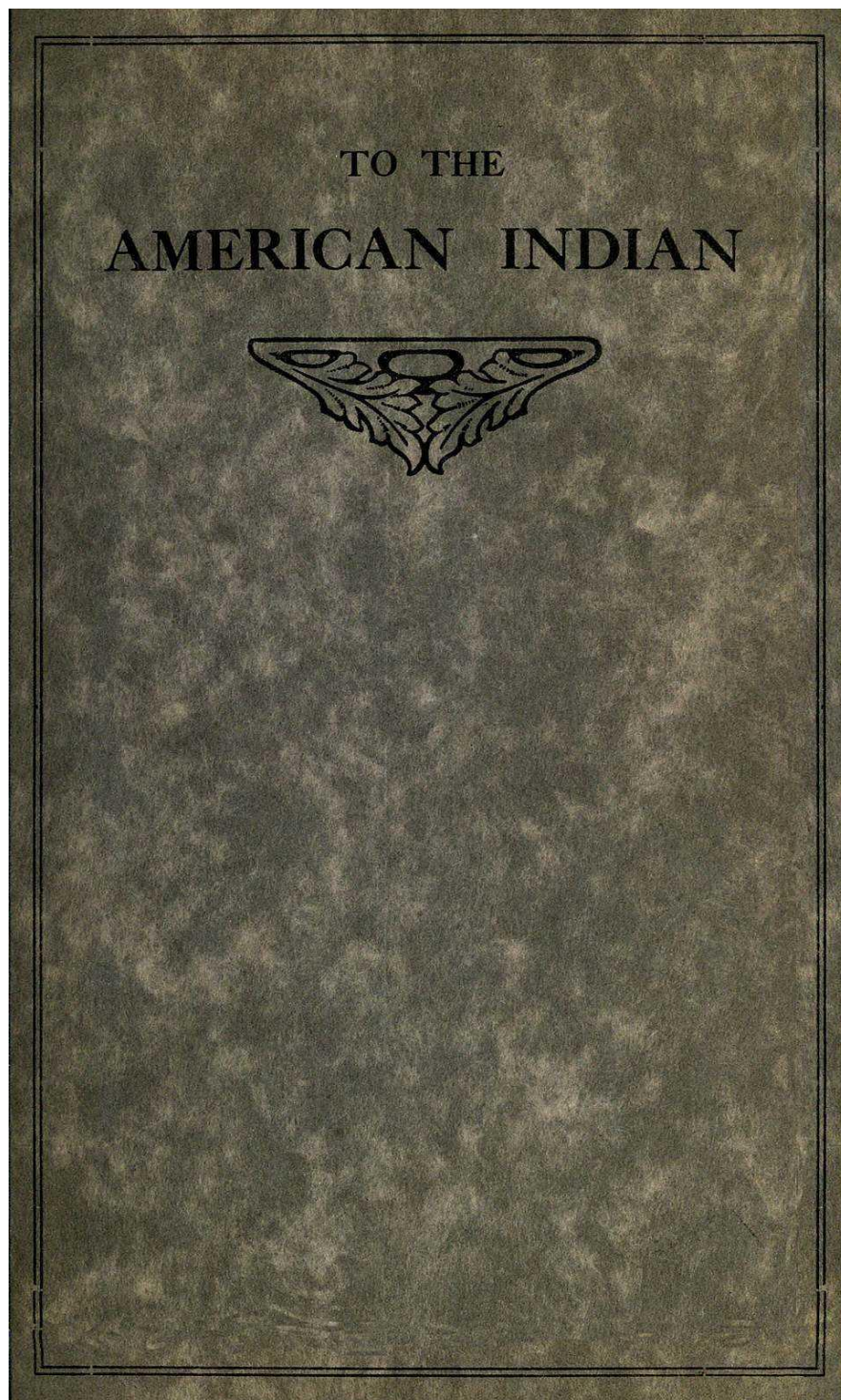

Американскому индейцу

Люси Томпсон

Электронная книга проекта Гутенберга Американскому индейцу

Эта электронная книга предназначена для использования любым человеком в любой точке Соединенных Штатов и большинства других частей мира бесплатно и практически без каких-либо ограничений. Вы можете скопировать его, раздать или повторно использовать в соответствии с условиями лицензии Project Gutenberg, прилагаемой к этой книге, или онлайн по адресу www.gutenberg.org. Если вы находитесь за пределами Соединенных Штатов, вам необходимо ознакомиться с законами страны, в которой вы находитесь, прежде чем использовать эту электронную книгу.

Название: Американскому индейцу

Автор: Люси томпсон

Дата выхода: 2 января 2022 г. [Электронная книга № 67084]

Последнее обновление: 18 октября 2024 г.

Язык: Английский

Оригинальная публикация: Соединенные Штаты: миссис Люси Томпсон, 1916

Авторы: Мэри Гленн Краузе, Шарлин Тейлор, Роберт Тонсинг и команда онлайн-редакторов, распространяющих корректуру в <https://www.pgdp.net> (Этот файл был создан на основе изображений, щедро предоставленных Интернет-архивом / Американскими библиотеками.)

*** НАЧАЛО ПРОЕКТА "ЭЛЕКТРОННАЯ КНИГА ГУТЕНБЕРГА Американскому индейцу

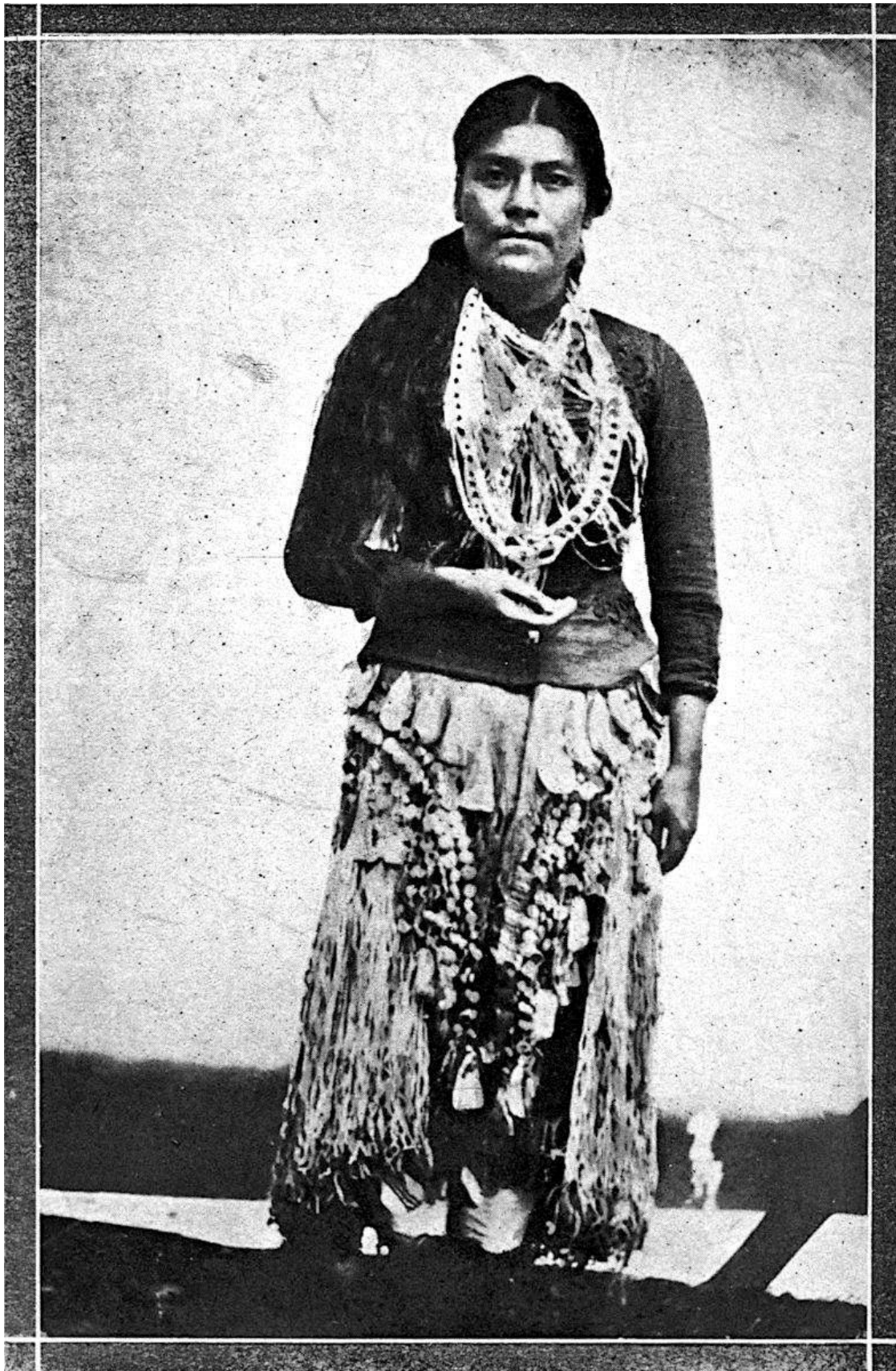
АМЕРИКАНСКОМУ ИНДЕЙЦУ

Миссис Люси Томпсон
(Че-на-ва Вейч-а-ва)

ЭВРИКА, КАЛИФОРНИЯ

АВТОРСКОЕ ПРАВО, 1916

Миссис Люси Томпсон
(Че-на-ва Вейч-а-ва)

ЧЕ-НА-ВА, ВЕЙЧ-А-ВА.

В своем свадебном платье

Милтону Дж. Томпсону, моему любимому мужу, с которым я так приятно провела всю свою супружескую жизнь, я посвящаю эту книгу.

Миссис Люси Томпсон,
Че-на-ва Вейч-а-ва.

Содержание

Глава		Страница
I.	Всеобщая история; Магазин Билла Макгарви	11
II.	Сотворение мира	55
III.	Кочующее племя	59
IV.	Традиции древних белых	64

Глава		Страница
	людей	
V.	Время и имена	69
VI.	Смерть и Страна духов	72
VII.	Через Жемчужные врата Рая	83
VIII.	Погребальные обычаи	93
IX.	Индийский дьявол	97
X.	Танец в шкуре Белого оленя	101
XI.	Танец Ложи	111
XII.	Наш Христос	120
XIII.	Сэмпсон из племени индейцев кламат	124
XIV.	Всемирный потоп индейцев кламат	127
XV.	Первосвященники	133
XVI.	Законы Рыбной плотины	135
XVII.	Старинные дома	138
XVIIIв.	Войны индейцев кламат	142
XIX.	Законы о браке	145
XX.	Два знаменитых спортсмена	153
XXI.	Полковник Печ-ван	162
XXII.	Повествование об индейцах племени Гумбольдт	165
XXIII.	Роман о диком индейце	168
XXIV.	Пророк, который потерпел неудачу	173
XXV.	Учения индейцев кламат о деторождении	176
XXVI.	Дикий индеец из Печ-вана	178
XXVII.	Как богатые пытались стать талантами	181
XXVIII.	Рабы	183
XXIX.	Дикий индеец из Мо-рек	185
XXX.	Как исполнилось желание девушки из Кортепа	188
XXXI.	Наш табак	190
XXXII.	Наши русалки	192
XXXIII.	Сказки	193

ПРЕДИСЛОВИЕ.

Поскольку было так много сказано и написано об американских индейцах, в том числе о моем племени, индейцах кламат, среди белых людей, что является предположениями, а не фактами, я считаю необходимым сначала рассказать вам, кто я такой, за что, пожалуйста, не критикуйте меня как эгоиста.

Я чистокровная женщина с реки Кламат. На нашем языке мы называем эту великую реку Оздоровительной-вер-рой, и я ношу тату на подбородке, что было обычаем у наших женщин на протяжении многих поколений. Я родился в деревне Пек-ван и принадлежу к высшему сословию, или тому, что мы называем высшими законами брака. Мой народ знает меня как Талта. Моя девичья фамилия была Че-на-ва Вейч-а-ва, Че-на-ва - мое настоящее имя. Мой отец, тоже Талт, взял меня в очень раннем возрасте и начал обучать всем тайнам и законам моего народа. Мне потребовались годы, чтобы научиться, и испытание было тяжелым. Меня сделали Талтом и дали истинное имя Бога, Творца всего сущего, и научили значению каждого предмета, который используется на наших фестивалях, а также всем законам, управляющим нашим народом. Я могу понимать каждое слово, каждый кивок и жест, сделанные на нашем языке. Поэтому я чувствую, что нахожусь в лучшем положении, чем любой другой человек, чтобы рассказать истинные факты религии и значение многих вещей, которые мы использовали в память о событиях прошлого. В этой книге я постараюсь рассказать все просто и правдиво, без малейшего приукрашивания фактов, и добавлю многие из наших сказок и рассказов матерей для их детей. Я также дам названия многим вещам на моем родном языке.

Миссис Люси Томпсон
(Че-на-ва Вейч-а-ва)

Эврика, Калифорния,
июнь 1916 года.

АМЕРИКАНСКОМУ ИНДЕЙЦУ.

ГЛАВА I.

МАГАЗИН БИЛЛА МАКГАРВИ.

Старый магазин Кламат Блаффс, или форт, а в последние годы и почтовое отделение Кламата, были построены в 1855 или 1856 году человеком по имени Снайдер. Он использовал его как торговый пункт как для индейцев, так и для солдат и путешественников. Он был построен из

грубых колотых бревен и прочно сложен из двойных стен с распиленными блоками толщиной в четыре дюйма, размещенными между стенами, и был пуленепробиваемым, сотверстиями для иллюминаторов, чтобы несколько белых мужчин могли защититься от множества индейцев. Этот магазин расположен в двадцати четырех милях вверх по реке от ее устья и примерно в восемнадцати милях вниз по реке от Вейчпека или места впадения в реку Тринити, и примерно в сорока милях ниже Орлеан-Бара на реке Кламат. Орлеанский бар когда-то был административным центром округа Кламат. Старый склад находится на северном берегу реки, на отмели, которая образовалась в древние времена и достаточно высока, чтобы защитить его от любых паводков. Это красивое солнечное место, расположенное на пути движения вверх и вниз по реке Кламат.

Северная сторона реки в основном покрыта прериями вдоль берега, и старая индейская тропа проходит именно по этой стороне. Белые взяли на вооружение индейские тропы и улучшили их, чтобы по ним ходили все. Этот старый магазин также является центральной площадкой для индейцев нижнего Кламата, поскольку здесь, неподалеку, они устраивали священный танец из шкуры Белого оленя, который является поклонением их Богу. Здесь с незапамятных времен собирались самые богатые и выдающиеся индейцы, как мужчины, так и женщины всего племени верхний и нижний кламат, включая хупа, реку Смит и наших индейцев на побережье вплоть до Тринидада.

Этот знаменитый старинный магазин посещали белые мужчины, чьи имена войдут в историю, такие как генерал Крук и многие другие армейские офицеры, а также многие богатые бизнесмены. Всем им нравилось задерживаться в этом прекрасном месте, где тепло светит солнце и приятный морской бриз обдувает его в течение всех летних месяцев. К этому месту ведет тропа с севера, из Кресент-Сити, Рек-уоя и других мест. Это не горнодобывающая страна, поскольку ниже устья реки Тринити нет рудников, за исключением речного гравия или низких отмелей, которые были вымыты из верховьев рек Кламат и Тринити, где находятся все богатые золотоносные россыпи. Эти шахты были причиной того, что в первые дни старый склад был центральным местом остановки мужчин, направлявшихся на шахты и обратно. Осенью 1876 года я насчитал там более трех тысяч индейцев на танцах в Белых оленьих шкурах. Среди них было пять разных языков: нижний кламат, верхний кламат, хупа, река Смит и река Мэд. Некоторые из них могли говорить на двух, некоторые на трех, в то время как другие могли говорить только на одном. Таким образом, можно видеть, что этот старый магазин Кламат Блафф, или почтовое отделение Кламата, как его теперь называют, был местом многих убийств, и этот магазин будет часто упоминаться в моих работах.

Примерно в 1861 году Снайдер продал товар Биллу Макгарви, веселому ирландцу. Именно Билл Макгарви назвал меня Люси, но он всегда называл меня моим индейским именем Че-на-ва. Билл Макгарви держал на складе много виски, всегда в плоских пинтовых бутылках, которые он продавал по доллару за бутылку как белым, так и индейцам. Он доставал только по одной бутылке за раз, продавая ее индейцам, чтобы в любой момент, когда они начинали ссориться, он мог сказать им, что все пропало. У Билла Макгарви было много взлетов и падений на пути его трейдинга, среди них и я расскажу о некоторых из его переживаний.

Однажды в магазин пришли трое индейцев, приведя с собой молодую индианку приятной наружности, и хотели занять тридцать долларов и оставить девушку в залог. Он некоторое время обсуждал это, индейцы сказали, что им нужна эта сумма, чтобы договориться с другими

индейцами, что они вернутся, заплатят ему и заберут девушку через тридцать дней. Поэтому он решил отдать им деньги, не подумав должным образом о том, как он будет заботиться о девушке. После того, как они ушли, он начал думать о ситуации, в которую попал, поскольку был холостяком. Поэтому он приготовил для нее комнату, а когда дело дошло до готовки, он подумал, что заставит ее мыть посуду и подметать в доме, но она не будет делать никакой работы по дому, пока он ей за это не заплатит. Макгарви попытался поспорить с ней по этому поводу и сказал, что он должен обеспечить ее едой и приготовить ее, а также обставить комнату и кровать для сна и что она должна навести порядок в доме. Она ответила, сказав ему, что он делает только то, что должен делать, и что она не будет работать, пока он не заплатит ей за это. Макгарви должен был прислуживать ей все тридцать дней так безраздельно, как если бы она владела им как рабом. Она могла уходить и кончать, когда ей заблагорассудится, всегда возвращаясь вовремя, чтобы он не мог пожаловаться, сказав ему, что если он так скажет, она все время будет оставаться в доме. Он сказал, что этот опыт спустя годы стал для него уроком общения с индейцами. По истечении тридцати дней они пришли с деньгами, заплатили ему и забрали девушку.

В другой раз он захотел запастись зимними припасами, и в то время он получил свои товары в Кресент-Сити (Кау-лапу) и отправился в деревню Кортеп, которая находится примерно в шестистах ярдах выше магазина и на том же берегу реки, чтобы посмотреть, не сможет ли он нанять их, чтобы они спустились по Кламату и вышли в море в Кресент-Сити на своих каноэ, так как у них было большое новое каноэ. Он нанял пятерых из них, всех индейцев Кортепа, чтобы они доставили его товары в устье реки и хранили их там до тех пор, пока они не соберут все до того, как океан станет слишком бурным, поскольку приближались зимние месяцы.

Ранним утром пятеро индейцев из деревни Кортеп (это был городской поселок племени кламат) отправились вниз по реке и, достигнув устья, не остановились, чтобы оценить погоду, а вышли в море. Океан был очень беспокойным, волны вздымались высоко, и когда они попали в буруны, их лодка перевернулась, и все пятеро утонули. Это вызвало серьезные неприятности у Билла Макгарви. Родственники утонувших индейцев обсуждали это в течение трех или четырех месяцев, а затем решили пойти к Макгарви и потребовать плату, причем большую ее часть - индейскими деньгами. Макгарви сказал, что после подсчета это составит в нашем золоте около полутора тысяч долларов. Он отказался платить, сказав им, что он не несет ответственности за утопление, что он всего лишь нанял их, чтобы доставить его товар по воде, что они утонули не по его вине и он не будет платить. С этими словами они ушли.

Через два или три дня поздно вечером он услышал, как маленькие камешки стучат по навесной крыше кухни в задней части магазина. Он прислушался, но больше ничего не услышал, поэтому подошел к двери кухни, огороженной высоким, крепким забором из штакетника, а напротив кухонной двери в этом заборе была калитка, и когда он выглянул за дверь, там стояла высокая, стройная, приятной наружности индианка, которая всегда была другом Макгарви, и не только ему, но и всем белым. Эта женщина была моей близкой родственницей, что дало мне возможность узнать это правильно. Она поманила Макгарви подойти, и когда он подошел к ней, она сказала ему, чтобы он приготовился для себя и двух других мужчин, находившихся в магазине, защищаться, поскольку индейцы Кортеп будут там очень рано на следующее утро и убьют его, если им не удастся сдержать индейцев. Затем индианка украдкой прокралась к себе

домой, в то время как Макгарви и двое его друзей, Джек Паупоу и Джордж А. Белые сразу же начали готовиться к своей обороне так хорошо, как только могли. Они набрали столько воды, сколько у них было емкостей для ее хранения, закрыли двери, заперли их изнутри на засовы и открыли иллюминаторы. Под магазином находился большой подвал, как раз на уровне земли снаружи. И действительно, рано утром следующего дня их пришло двадцать пять или тридцать человек, с лицами, выкрашенными в черную боевую раскраску, и они выкрикивали "Боевой клич". Но Макгарви и его друзья были готовы держать их на расстоянии в течение нескольких часов, пока не пришел молодой индеец, который был большим другом белых и другом Макгарви на всю жизнь, и, подойдя к двери магазина, попросил впустить его. Они открыли дверь и пустили его. Этот индеец по имени Со-пин-итц (Соломон) жил неподалеку и все еще жив. Пробыв некоторое время в магазине, он вышел, обсудил это с индейцами и объявил перерыв до следующего дня, в течение которого Макгарви пытался договориться с ними; и, наконец, сказал им, что это слишком много денег, что он никогда не держал столько денег в магазине и что единственный способ, которым он мог заплатить эту сумму, - это послать в Кресент-Сити и позвать туда своих друзей, чтобы они помогли ему. Наконец индейцы согласились на это, и все они разошлись по домам. Макгарви написал письмо своим друзьям в Кресент-Сити с просьбой помочь ему, рассказал им о ситуации, в которой он оказался, и попросил их заступиться за него, иначе они трое будут убиты индейцами. Он также написал письмо правительственному чиновнику, командующему индейской резервацией Смит-Ривер, в котором рассказал ему о своем затруднительном положении и попросил прислать ему на помощь отряд солдат, а затем поспешно отправил письма индейцем по почте. Индеец, не зная содержания писем, поспешил как можно скорее доставить их другу Макгарви в Кресент-Сити. Друг, прочитав их, также поспешил доставить одно из них командиру, в то время как офицер, в свою очередь, договорился отправить десять солдат с офицером в магазин Макгарви. Они прибыли в магазин утром пятого дня после объявления перемирия. На рассвете солдаты спустились с холма к северу от магазина, улюлюкая и вопя во весь голос, после долгого и утомительного марша, длившегося почти день и ночь, по неровным горным тропам, вверх и вниз по склону, через кустарник и лес, причем только часть расстояния они преодолевали по открытой местности, двигаясь около пятидесяти часов.

По прибытии солдат индейцы были встревожены, зная, что их обошли и что Макгарви послал за солдатами вместо того, чтобы послать за деньгами, чтобы заплатить им, и сделал это, послав одного из своих людей доставить сообщение. При таком повороте дел индейцы успокоились и ждали своего часа, поскольку они никогда не спешат заключать соглашение.

После того, как солдаты пробыли там несколько дней, они получили приказ оставаться до дальнейших указаний. Именно тогда Макгарви нанял несколько человек для строительства пристройки к магазину. Он был возведен в западном конце магазина, примерно двенадцати футов в ширину, восемнадцати футов в длину и восьми футов в высоту до карниза. Он возвышался над крутым берегом небольшого ручья, который протекает недалеко от западной оконечности магазина. Это создало удобные помещения для солдат, где они были бы защищены от палящих лучей летней жары и дождей зимних месяцев, а также от любопытных глаз индейцев. Здесь солдаты оставались около восьми месяцев, весело проводя время, поскольку у Билла Макгарви было вдоволь виски, чтобы утолить их жажду, по доллару за бутылку после каждой получки. Макгарви в некоторых случаях сам довольно свободно употреблял виски, становясь пьяным и неистовым. В таких случаях его друг Соломон, индеец, заходил в магазин и следил за порядком, запирая двери и никого не впуская.

Джек Паупоу и Джордж Уайт разошлись по домам. Джек Паупоу был кузнецом по профессии и работал в Кресент-Сити. Он был старым первопроходцем Кресент-Сити и реки Кламат. Он вернулся в Кресент-Сити, в то время как Уайт отправился вверх по реке к месту, известному как Биг-Бар, таким образом, оставив Макгарви с солдатами, поскольку теперь все было тихо. Пока солдаты были там, все шло гладко, и все думали, что неприятности прощены и забыты, а солдатам приказано возвращаться к своему командованию.

Но индейцы деревни Кортеп начали разрабатывать другой план мести своим погибшим родственникам, но отказались от Макгарви и выбрали на этот раз человека по имени Брайсон, который был управляющим шахтой Кламат Блаффс, расположенной всего примерно в двухстах ярдах вверх по реке от магазина. У Брайсона была шахтерская хижина, в которой он жил, работая на шахтах, выше по течению от реки, подальше от паводка. Шахта находилась недалеко от реки. Он поднимался по тропе к своей хижине на ужин около двенадцати часов, когда один из индейцев Кортета застрелил его на месте из одного из старых дульнозарядных ружей; этого индейца звали Лотч-кум. Затем все индейцы ушли в лес, чтобы убраться с пути белых и дружественных индейцев. Из-за этого снова начался скандал, и Макгарви забаррикадировал свой магазин, пока дружелюбные индейцы не пришли ему на помощь. Первой приехавшей семьей были Вейч-а-ва (мой отец) и его брат (мой дядя).

В то время они разбили лагерь в устье ручья Тектаха, примерно в четырех милях вниз по реке от магазина, и как только они услышали об убийстве Брайсона, они направились к своему дому в деревне Пекван, примерно в миле выше магазина, а по дороге домой зашли в магазин и остановились, чтобы узнать подробности убийства. Макгарви договорился с Уоррот (моим дядей) отправиться вверх по реке и уведомить белых, Т. М. Брауна, шерифа округа Кламат, и солдат, расквартированных в Кэмп-Гастоне в долине Хупа, примерно в двенадцати милях вверх по реке Тринити от ее слияния с Кламат. После того, как Уорротс передал сообщение во все пункты, он ночью тайком вернулся в свой дом в Пек-ване, чтобы другие индейцы не узнали, что он выполнял это поручение против них. На следующий день после возвращения Уоррот к ним пришли шериф и другие белые мужчины. Джордж А. Уайт, который, как уже говорилось, был калекой, начал выходить на крыльцо магазина, когда кто-то из разгневанных индейцев сказал ему: "Меласс Уайт, ты не можешь драться, ты калека" (Меласс было его индейским именем).

Уайт вернулся в магазин и купил одну из первых винтовок Генри. (Тот самый, которым Уорротс позволил Макгарви защищаться, и который мой брат привез из Орегона, когда был там с белыми людьми, и был единственным, который можно было найти на Кламате в том виде и марки в то время). Как только индейцы Кортета увидели ружье, они сразу поняли, что Уорротс отдал его белым, чтобы те стреляли в них, и это заставило их поклясться отомстить Уоррот и его брату. При дальнейшем расследовании они также выяснили, что Уорротс был в Хупе и рассказал об убийстве Брайсона. Т. М. Браун, который несколько лет был шерифом округа Кламат, а также первопроходцем реки Кламат, был довольно хорошо знаком с привычками и обычаями индейцев реки Кламат, и он посоветовался с дружественными индейцами и согласился заплатить им за их услуги, если они доставят виновного индейца Лотч-кума живым или мертвым. Итак, Попугаи отправились на поиски Лотч-кума и продолжали наблюдать за разными местами, чтобы найти, где он прячется. Местность была сильно заросшей лесом, и Лотч-кум почти год скрывался из виду, но, наконец, Уорротс нашел место, где он прятался: в ручье примерно в восьми милях вниз по реке от магазина и примерно в одной миле вверх по ручью от реки, в массивных бревнах красного дерева, в большой куче бревен. Сначала он

услышал лай маленькой собачки Лотч-кума в кулачках и, терпеливо понаблюдав некоторое время, увидел, как вышел Лотч-кум. После этого он вернулся к себе домой в деревню Пек-ван, затем посетил деревню Сир-э-гоин и рассказал им, что нашел тайник Лотч-кума. Когда они были готовы, трое из них, двое других, из деревни Сер-и-гоин, Монмонт Джек и Марехус Чарли, во главе с Уорротами, приблизились к месту, где прятался Лотч-кум. Они начали внимательно следить за ним, так как могли видеть его следы на мягкой грязи и песке в русле ручья; и им пришлось нести вахту около десяти дней. Наконец они увидели, как он крадется к ручью, где начал купаться. Уорротс вскинул винтовку к плечу, прицелился и выстрелил, Чарли и Джек стреляли следующими. Лотч-кум упал на землю, но продолжал подниматься и снова падать, пытаясь убежать, когда все трое подбежали к нему так быстро, как только могли, вытащили свои длинные тяжелые ножи и отрубили ему голову, положили ее в мешок и с триумфом отнесли обратно в старый магазин. Внутри они выложили его на прилавок, что удовлетворило белых за убийство Брайсона. Брайсона похоронили в красивом месте немного к северо-востоку от магазина, почти без отметин, указывающих на место, где он должен был спать, и все снова погрузилось в мир и тишину между индейцами и белыми. Но индейцы Пек-ван были разделены между индейцами и белыми, некоторые из них были дружелюбны к белым, в то время как другие встали на сторону индейцев Кортеп. Уорротс был индейцем племени Пек-ван и родным братом Вейч-а-ваха. Шериф и правительственные чиновники вручили трем индейцам, убившим Лотч-кума, письма с очень высокими рекомендациями за их службу и за расположение всех белых. (Я много раз видела эти письма с подписями, когда была девочкой.)

Теперь деревня Кортеп и часть деревни Пек-ван начали строить планы убийства Уоррота, и поскольку эти индейцы считали его хорошим и верным другом белых, это должно было быть сделано таким образом, чтобы обмануть белых и не дать им понять, что это делается в отместку за участие, которое он принял в убийстве Лотч-кума. Поэтому они выжидали удобного случая, но все это время Уорротс слышал об их планах от своих друзей, и он пошел к шерифу и правительственным чиновникам и сказал им, что друзья Лотч-кума планировали убить его, и все они пообещали ему, что никому не будет позволено причинить ему вред. Шериф Браун попросил его встретиться с ним в Тринидаде, поскольку Тринидад в то время находился в округе Клатат. Уорротс приехал и изложил ему факты, шериф пообещал ему защиту, и Уорротс вернулся домой. Примерно через три недели его брат Вейч-а-ва и вся семья, кроме меня (мне было около восьми лет), ушли, тем самым враги Уоррот получили шанс осуществить свои планы. Ранним утром Уорротс спустился к ручью, который был совсем недалеко, чтобы искупаться, и там он встретил маленького мальчика, сына Пек-ван Ма-хэтч-ус. Он поговорил с мальчиком, искупался в ручье и вернулся в дом, когда увидел другого индейца, идущего вверх по речной тропе из деревни Кортеп, и когда он проходил мимо мальчика, Уорротс увидел, как тот остановился, заговорил с мальчиком и дал ему кусок хлеба, который тот съел. Затем мальчик подошел к деревне Пек-ван, в то время как индеец, который был из деревни Кортеп, продолжал подниматься вверх по реке. Когда мальчик добрался до своего дома, ему стало плохо, и примерно через тридцать минут он умер. Очевидно, индеец дал ему кусок отравленного хлеба, который и убил его. Они не обратили внимания на того, кто раздавал хлеб, но вместо этого возложили всю вину за смерть мальчика на Уоррот, и как только церемония и похороны закончились, они набросились на Уоррот и застрелили его у дверей его парилки, убив его. На следующий день Уорротса похоронили на кладбище его родных в деревне Пек-ван. Никто из белых никогда не делал попыток наказать кого-либо из индейцев или помешать им убить его. Это награда, которую он получил за то, что был верным другом белых в трудную минуту. Его брат

со своей семьей был вынужден покинуть свой дом в деревне Пек-ван и переехать в деревню Сир-и-гоин, где жили друзья и помощники Уорротов, Мермис Джек и Сир-и-гоин Чарли. Прожив там некоторое время, мы переехали в Хупу, чтобы быть дальше от наших врагов и там, где у нас могло быть больше шансов на защиту. Я занял должность у Агента, которую, по их словам, я занял с честью для себя и удовлетворением для них. Мермис Джек и Сир-и-гоин Чарли прожили много лет, но никогда не были дружны с друзьями Лотч-кума. Мермис Джек, наконец, умер внезапно и таким образом, что это убедительно указывало на то, что ему подсыпали яд в пищу. Сир-и-гоин Чарли умер естественной смертью в 1886 году.

В 1876 году Билл Макгарви умер в старом магазине, который так долго носил его имя. Некоторое время он неважно себя чувствовал. В большой комнате в западном конце здания магазина у него был большой каменный камин, установленный много лет назад, и он использовал эту комнату как свою спальню, а также гостиную. В этой комнате он принимал ванну, когда упал замертво перед камином. В тот же вечер его подруга-индианка умерла в своем доме, который находился недалеко от магазина. У Макгарви на окнах были наружные ставни, которые закрывались изнутри, и он их закрыл, и утром, поскольку он не открыл магазин, его индийский друг Соломон ждал открытия магазина допоздна, когда у него возникли подозрения, что что-то не так. Он отодвинул ставень на окне с южной стороны магазина, чтобы увидеть все в комнате, где спал Макгарви, и там перед большим каменным камином лежал Макгарви, замерзший при смерти, а рядом с ним стояла ванна, в которой он принимал ванну. Когда индейцы услышали о его смерти, они все сказали, что Билл Макгарви и Молли вместе перешли на другую сторону. (Молли была близкой родственницей всех моих предков.) Билл Макгарви был похоронен рядом с Брайсоном, в квартире над магазином, а магазин перешел в руки Джеймса Макгарви, брата Билла. Джеймс Макгарви заявил, что он был единственным оставшимся в живых братом, что впоследствии было признано ложью, однако он приобрел магазин и управлял им в течение нескольких лет. Он хранил виски и продавал его индейцам и белым. Индейцы напивались, устраивали драки и убивали друг друга, пока он, наконец, не связался с ними, устроив скандал из-за того, что один индеец нашел на тропе пистолет, принадлежавший белому человеку по имени Джим Дуглас. Макгарви думал, что он быстро заставит индейца отдать пистолет, и он отправился в деревню Ва-тек, которая расположена недалеко от магазина, и когда он оказался в нескольких ярдах от Рэя - нет, индейца, он выхватил пистолет и начал стрелять в него. Выстрелы Макгарви были неистовыми, и индеец выхватил свой пистолет и выстрелил в Макгарви, попав ему в спину с левой стороны, чуть не задев позвоночник, и прошел навылет через тело в области живота, после чего тот упал на землю. Белые люди пришли ему на помощь и отнесли его в магазин, а индейцы, стоявшие в ряду, ушли и отправились вверх по реке в другие деревни с пистолетом, который был у них при себе. Это вызвало настоящий ажиотаж, и индейцы, которые были дружелюбны к обеим сторонам, посоветовались с белыми, и их попросили вернуть те пистолеты, из которых стреляли в Макгарви, и вернуть пистолет законному владельцу. На следующий день они вернулись и вернули пистолет Джеймсу Дугласу, и он дал им пять долларов, чтобы они передали их тому, кто его нашел. Примерно через три недели Джим Макгарви встал и начал ходить, а вскоре отправился в бар "Орлеан", где был мировой судья, и попытался под присягой выдать ордер на арест индейца, но судья отказал в выдаче ордера, сказав ему, что он сам начал скандал, выстрелив первым, находясь в состоянии алкогольного опьянения. За несколько лет до этого округ Клатат был стерт с карты, будучи поглощен округами Гумбольдт и Дель Норте, оставив этот старый магазин Klamath Bluffs в округе Гумбольдт.

Джим МакГарви продавал виски индейцам и доставлял им столько неприятностей, что это привело к нескольким смертельным исходам. После того, как эта проблема была улажена и Джим МакГарви залечил свои раны, он продал магазин Питеру Кейну и переехал вниз по реке Клатат, в примерно в трех милях от устья реки, и поселился в устье небольшого ручья недалеко от берега реки, забрав с собой все свои несправедливо нажитые деньги и свою красивую маленькую индианку, которая прожила с ним много лет и на которой он никогда не был женат по какому-либо закону. Она была опрятной и хорошо готовила, но МакГарви разозлился на нее за то, что она плакала из-за смерти ее матери, и ударил ее по затылку. От этого она начала сходить с ума, и в конце концов он бросил ее, и она превратилась в буйствующую маньячку и умерла, не оставив детей. Ее тело было доставлено обратно на место ее рождения и похоронено вместе с родственниками на семейном кладбище, в то время как Джим МакГарви прожил на своем месте несколько лет, а затем умер.

Теперь у Питера Кейна был магазин, а еще он держал виски и неряшливый дом. Он продавал виски индейцам и сам напивался, доставляя неприятности всем вокруг. Однажды осенью он сказал, что у него есть два пятигаллоновых бочонка виски и что у индейцев поблизости есть четыреста долларов и что он вытянет из них все это за два бочонка виски. Его продажа им стала причиной гибели четверых из них. У Питера Кейна была индианка из Редвуд-крик. Она говорила на языке хупа и родила ему троих детей. Однажды одна из маленьких девочек, которой было около семи месяцев, заплакала, и Кейн грубо схватил ее за шею, притянул к себе, одновременно встряхивая, он вышел через кухню и бросил ребенка плашмя на землю лицом вниз, затем повернулся и пошел обратно в магазин, проклиная ребенка и его мать. На следующее утро мать собрала свои вещи и отправилась к себе домой на Редвуд-крик. Добравшись до реки Клатат, которую ей предстояло пересечь, она перешла ее вместе со своими детьми и почти добралась до другого берега, когда Кейн обнаружил, что она уходит. Как только он обнаружил, что она уходит, он вбежал в магазин, схватил свою винтовку, побежал по берегу к кромке воды и начал стрелять. Он несколько раз выстрелил в нее, пули пролетели совсем рядом, но не задел ее. Ночью она отправилась к себе домой, примерно в двадцати милях отсюда, по неровной горной тропе и большую часть пути через густой лес. Она так и не вернулась. Индейцы, помешавшие ему последовать за ней той ночью, были единственным, что удержало его от того, чтобы убить ее. Ему стало слишком жарко, и он продал магазин К. Х. Джонсону, а потом отправился к индианке на Редвуд-крик и остался там с ней. Этот негодяй схватил ту же самую маленькую девочку за ноги и разбил ей мозги о большой столб из красного дерева, так говорили все. Женщине снова пришлось спасаться бегством. Она уехала в долину Хупа, где могла получить хоть какую-то защиту, и Кейн не осмелился последовать за ней туда. Его занесло на побережье, где он прожил несколько лет, но в конце концов он заболел и умер в окружной больнице. Женщина, с которой он жил и которая родила ему детей, осталась в Хупе и воспитывала других детей. Можете ли вы ожидать, что дети, рожденные от таких отцов в таких условиях, вырастут хорошими и уважаемыми мужчинами и женщинами? Многие из них являются заслугой своих индийских матерей, в то время как те, у кого хорошие, уважаемые отцы и кто родился в браке, имея рождение, которым они могут гордиться, превосходят среднестатистических, становятся лучшими мужчинами и женщинами.

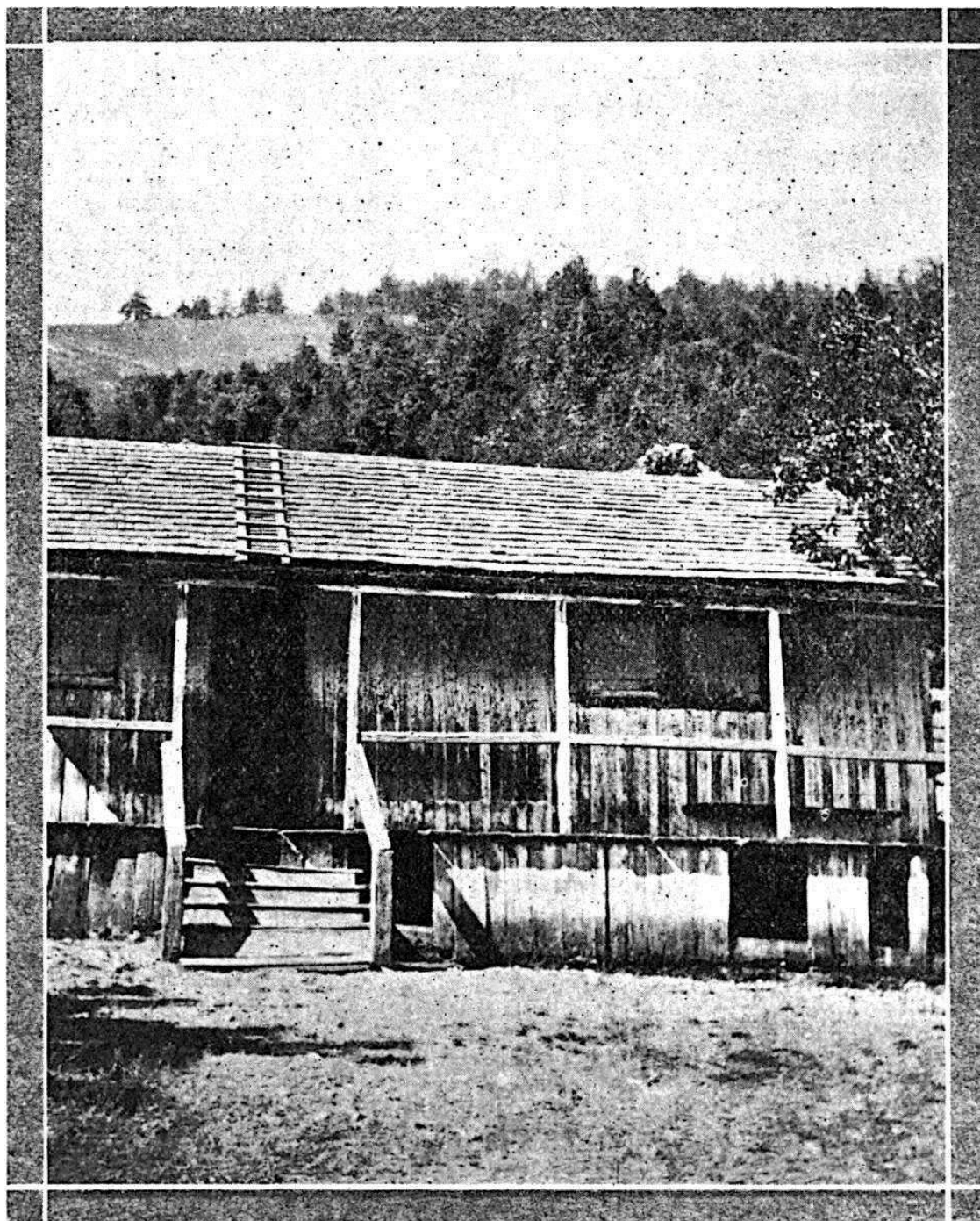
Я годами упорно боролся с торговлей виски, которую вели беспринципные белые люди, и делал все, что мог, чтобы остановить это, и нажил себе при этом злейших врагов. И все же это происходит прямо на глазах у некоторых из тех, кого правительство США наняло для того, чтобы

подавить это. Похоже, им заплатили за то, чтобы они держали глаза закрытыми и не видели этого.

Когда К. Х. Джонсон стал владельцем магазина, он почистил его, построил пристройку к нему и запасся большим запасом провизии, подружился с индейцами, не держал никаких опьяняющих напитков и никому не позволял пить в магазине. Он дал индейцам хороший совет, чтобы все смотрели на него как на друга среди них, и он никогда не вмешивался ни в одну из их жен, но относился к ним с уважением, так что все могли приходить и уходить, торговать и общаться с совершенной легкостью и свободой. Многие из них делились с ним своими проблемами, и он терпеливо выслушивал и всегда старался дать им хороший совет и не допустить возникновения у них неприятностей, насколько это было в его силах. Мистер Джонсон держал этот магазин более двадцати пяти лет, и индейцы никогда не угрожали ему и не предлагали причинить ему какой-либо вред каким-либо образом. Он начал с помощи поселенцев, и ему удалось добиться от правительства открытия почтового отделения в магазине, которое он назвал Klamath Post office, пока был почтмейстером. Он управлял почтовым отделением вместе с магазином и стал хорошим чиновником, всегда стремясь сделать все возможное для клиентов офиса. Было очень мало случаев, когда поступали жалобы на неправильную отправку почты. Он руководил Почтовым отделением около двадцати двух лет, и за это время многие индейцы отправляли письма и получали другие, и он обычно читал за них их письма и делал большую часть их корреспонденции за них. Он руководил офисом до самой смерти. Мистер Джонсон имел обыкновение хранить немалый запас патентованных лекарств и выступал в роли врача для индейцев, если кто-нибудь из них заболел, часто навещая их и давая лекарства, если считал, что таким образом сможет их вылечить. В серьезных случаях он советовал им обратиться к белому врачу, что они иногда и делали.

Поскольку мистер Джонсон никогда не держал виски, будучи противником продажи его индейцам, его соседи теперь воспользовались бизнесом по производству виски и начали получать его в больших количествах и продавать индейцам и смешанным кровям, из-за чего все еще продолжались ссоры. Похоже, что так будет продолжаться до конца. Хорошо известен факт, что мистер Джонсон зарабатывал деньги в магазине, и когда он заболел, за ним ухаживали белые мужчины до самой его смерти. Говорили, что не было найдено денег выше небольшой суммы. Запасы товаров истощались до тех пор, пока их не осталось совсем немного. Читатель может догадаться, как это произошло, поскольку мистер Джонсон никогда не терпел неудачи и всегда платил за свой товар, причем его кредит соответствовал всему, что он заказывал. Он был отцом одной дочери, ее матерью была индианка из племени кламат. Эту дочь он всегда считал своим ребенком и позаботился о том, чтобы после его смерти ей досталось все, чем он владел, но она никогда не получит ничего, кроме малого. Он был похоронен на ровном месте рядом с могилой мистера Брайсона самым прискорбным образом.

Человека по имени Оскар Чэпмен по прошествии нескольких недель отправили руководить магазином до тех пор, пока не будет урегулирован вопрос с наследством. Почтовое отделение было перенесено из магазина, и Чэпмен продолжал управлять магазином около года, держал виски на продажу и управлял игорными столами в магазине. Он связывался с женщинами, как замужними, так и незамужними, за что был застрелен в засаде. Коронер был прислан из Аркаты, чтобы позаботиться о теле, и привез его в Аркату для захоронения.

МАГАЗИН БИЛЛА МАКГАРВИ.

Затем туда послали человека по имени Уильям Лоусон, чтобы он возглавил магазин, он пробыл там несколько месяцев и больше оставаться не захотел. Ему был отдан приказ продать все, что он сможет, а остальное упаковать в коробки, а то, что осталось, отвезти на лодке в устье Кламата и хранить там для сохранности до какого-нибудь будущего времени. Таким образом, старый магазин в Клат-Блаффс демонтирован и теперь стоит там незанятым.

После смерти мистера Джонсона правительство отправило двух матрон на реку Клат, чтобы они заботились об интересах индейцев. Они сразу же начали присматривать за этим магазином

и составили на него протоколы. Поступил приказ, что никто не может купить его или открыть как торговый пункт, не предоставив предварительно залог в размере десяти тысяч долларов, однако им управляли разные люди, его продавали несколько раз, и никто никогда не давал никаких облигаций более пятидесяти лет.

Вокруг этого магазина сплетено много историй, и я расскажу довольно много из них, используя это место как центр для начала, поскольку именно здесь индейцы нижнего Кламата танцуют в Белых оленьих шкурах, а на небольшом расстоянии над магазином расположена одна из их священных лож. У них есть истинное имя Бога, которое используется в ложе только тихим шепотом, и за пределами ложи, когда трое или четверо из них находятся в тайном месте, и тогда только шепотом, когда они сжигают определенные корни и травы, которые придают сладкие и приятные запахи их Богу. Пока проводится фестиваль, все трудности улажены. Люди более низкого происхождения в настоящее время притворяются, что совершают богослужение, но за последние несколько лет превратили это в плачевное дело.

БРАК

В высшем браке Талта женщина наиболее красиво одета в день своей свадьбы. Платье из оленьей кожи, сплошь усыпанное бусинками и ракушками, которые звенят и дребезжат при ее грациозной поступи. Ее волосы разделены пробором посередине, распущены по бокам и обмотаны шкурой выдры. Эту кожу хорошо выделывают или дубят, а затем нарезают полосками примерно в один дюйм, удерживая таким образом волосы так, чтобы они свисали до бедер или ниже, в зависимости от их длины. Вокруг ее шеи обвиты нитки самых красиво расположенных бус, среди которых самые ценные; они свисают до талии, почти полностью закрывая грудь. Выделанная шкура оленя, сделанная настолько белой, насколько это возможно, накидывается на плечи, застегивается на шее и ниспадает на спину. Это делает ее очень красивой. Она так быстра в движениях, что приходится внимательно следить за ней, чтобы разглядеть все ее действия, в то время как она говорит тихо. Таких выдающихся браков очень мало, и редко можно увидеть такое прекрасное зрелище невесты. Индейцы всегда смотрели на девочек, рожденных от этих браков. Когда эти девочки проходили мимо или их встречали дети других родов, последние всегда сходили с тропы и пропускали их.

У индейцев кламат никогда не было вождя, как у других крупных племен, но ими управляли мужчины и женщины такого происхождения, которые стали членами ордена.

Другая система - "наполовину замужняя", когда женщина забирает мужа к себе домой, чтобы жить с ней. Благодаря этому браку она является абсолютным боссом мужчины и полностью контролирует всех детей. Она имеет право поправлять своего мужа во всех его действиях и может отправить его на охоту, рыбалку или работу так, как она сочтет нужным, поскольку он является ее рабом, поскольку обычно они оба принадлежат к классу рабов. Забавно слышать, как они используют этот термин в отношении белых мужчин, которые женятся на белых женщинах, у мужчины нет собственного дома, а женщина забирает его к себе домой. Они говорят, что белый мужчина наполовину женат точно так же, как наши люди наполовину женаты, и что белый мужчина не может уйти в любой момент, поскольку он не хозяин, потому что женщине принадлежит все. У них есть третья форма брака, которая относится к среднему классу. Все племя считает эти браки хорошими, и дети, рожденные от этих браков, занимают хорошее положение во всех сферах жизни. Брак заключается путем частичного обмена, такого как передача взамен лодки, места для рыбалки или любого другого имущества личного

характера. Эта церемония скорее обычная, чем внушительная. С приходом белого человека он свел этот брак к простой форме прямой покупки, назначив цену, как за лошадь, корову или любую другую покупку. Древнеиндийский закон предусматривал обмен ценными предметами, и часто женщина не шла к мужчине, за которого выходила замуж, и не жила с ним в его собственном доме, пока они не прожили в браке один, два или три года.

К приходу белого человека индейцы кламат были очень большим племенем, их насчитывалось несколько тысяч. Он облагал налогом все ресурсы страны, в которой они жили, чтобы все они могли прокормиться, поэтому всем этим владел тот же способ, которым сейчас владеет белый человек. Земля была разделена границами ручьев, хребтов и реки. Все открытые прерии для сбора семян трав, таких как индийская пшеница, которая похожа на рожь, помимо других видов семян; дубовый лес для сбора желудей, сахарная сосна для сбора кедровых орехов, орешниковые равнины для сбора орешников и рыбацкие места для ловли лосося.

Самые бережливые и бережливые семьи стали владельцами этих мест, и их право собственности не оспаривалось, и эти владения передавались из поколения в поколение по завещанию. Со временем это привело к тому, что у многих из них не осталось собственности, с помощью которой они могли бы зарабатывать на жизнь, и многие из их соплеменников стали рабами богатого класса. Они заставляли рабов работать и спасали их от голодной смерти, и таким образом возникла система “полуженщины”. Некоторые из этих индейцев, родившихся рабами, еще живы, и они всегда готовы рассказать белому человеку все индейские легенды так, чтобы они соответствовали их собственным случаям. Они вообще не могут рассказывать истинные легенды, так как ничего не знают о таких фактах. Богатые следили за тем, чтобы у мужчин были жены, а у девушек - мужья, строили им дома, а некоторые семьи были очень добры к своим рабам. Когда они болели, они видели, что у них есть врачи и надлежащий уход. Некоторые семьи были скупы и чересчур снисходительны к своим рабам, не ухаживали за больными, позволяли им умирать и заходили так далеко, что бросали их в яму, оставляя их там страдать и голодать, пока они не умирали. На такого рода обращение смотрели свысока те, у кого были более гуманные чувства, и они иногда предотвращали подобные бесчеловечные действия. Большинство врачей - женщины, и они обладали огромной властью, особенно те, кто занимал высокое положение в семье, и искусством излечивать почти все болезни. Несколько врачей были мужчинами, и они использовали разные виды корней и трав, и их трудно превзойти как врачей при очень многих видах болезней. Они могут вылечить укус гремучей змеи, и ни один из них никогда не умрет от этого укуса. Я знал многих людей, которых в разное время укусила гремучая змея, они вылечились и дожили до глубокой старости. Для этого лечения они используют соленую воду из океана и корень или луковицу того, что вы называете ламинарией, которую добывают из океана. Они растирают луковицу ламинарии и делают из нее припарку, накладывают ее на рану и смачивают соленой водой, одновременно давая пациенту выпить столько соленой воды, сколько он сможет. Пациента держат совершенно неподвижным и не разрешают двигаться больше, чем это необходимо. Они перевязывают конечность или место укуса, чтобы предотвратить свободную циркуляцию крови по этим частям.

В остальном они одинаково хороши. При родах они готовят женщину к рождению ребенка, а при рождении ребенка у них есть пожилая женщина, которая заботится о матери и ребенке. После рождения ребенка пуповину перерезают и перевязывают, затем берут черную часть большой улитки, которая имеет маслянистое вещество, и кладут ее на пупок. Ребенку накладывают повязку, которая остается там некоторое время. Я никогда не встречал индейца из

древнего племени, у которого был бы разрыв, и все же они ничего не смыслят в хирургии. Если с женщиной во время родов случается что-то серьезное, они не знают, что делать, чтобы спасти ее. Если женщина рождает близнецов, и это мальчик и девочка, они пытаются воспитать их обоих, но если это два мальчика или девочки, они выбирают одного из них и растят его, в то время как другим пренебрегают и морили голодом до смерти, и когда он умер, они прошли через все формы горя, плача и оплакивая потерю ребенка точно так же, как если бы они пытались воспитать его. Если с матерью случается что-либо, что приводит к ее смерти при рождении ребенка или после, а ребенок еще младенец, они берут кедровые орешки с сахаром или лещину, растирают их в мелкую кашицу и смешивают с теплой водой, получая из нее молочную субстанцию. Они могут растить ребенка на этом препарате так же хорошо, как если бы его кормили грудью матери. В старину каждая семья очень заботилась о том, чтобы иметь под рукой хороший запас кедровых и лещинных орехов.

Индейцы были хранителями древесины сахарной сосны, которая росла на высоких горных хребтах на северной стороне реки, и индейцу, который умышленно уничтожал какую-либо часть этой древесины, грозил очень крупный штраф, а также смерть. Сахар с этих деревьев также использовался ими в качестве лекарства при различных заболеваниях. Мидии с соленой водой, которые они собирают и которые цепляются за камни недалеко от морского берега, являются для них пищей, и они собирают и едят их свежими, отваривая. Они также сушат их и относят вверх по реке в свои дома для зимнего использования. В августе и части сентября эти мидии отравляются фосфором, в некоторые годы сильнее, чем в другие. Иногда целые семьи отравляются, употребляя их не в сезон, и в этом случае они используют сахар, который добывают из сахарной сосны и который является верным лекарством, если принимать его вовремя. Это заставило индейцев очень высоко ценить сахарную сосну и предавать смерти даже члена своего собственного племени, который каким-либо образом причинил вред дереву.

В первые дни, когда белый человек появился среди индейцев, он взял с собой индианку, и осенью того года, когда она захотела собрать немного кедровых орехов, белый человек пошел с ней, взяв свой топор, и срубил дерево, так как не мог на него взобраться, и сказал женщине: "Вот они, что ты собираешься с этим делать?" Сначала женщина жаловалась и в конце концов сказала, что белый человек все испортит. Тогда индейцы начали рубить деревья. За последние несколько лет эти деревья стали очень ценными в глазах белого человека, и белый человек стал жаловаться на то, что индейцев следует арестовывать и наказывать. Некоторые из них зашли так далеко, что говорят, что индейцев следует расстреливать за то, что они вырубают этот прекрасный лес на орехи. Я предоставляю читателю самому решать, кого следует наказывать за вырубку огромного количества этих прекрасных сахарных сосен.

Индейцы также очень бережно относились к лепешкам из лещинного ореха, поскольку орехи используются по-разному. Орехи собирали и хранили, поскольку их можно было хранить долгое время, их можно было растолочь в муку, положить в теплую воду и сделать хорошей заменой молока, которое можно было использовать для слабых, болезненных детей, а в некоторых случаях и для больных людей, нуждающихся в питании и имеющих слабый желудок. Орешник используется во всех их корзинах, так как каркас всех корзин сделан из палочек орешника. Ухаживая за орешником на равнинах, они вылезают в засушливое лето или в начале осенних месяцев и сжигают кусты орешника, тогда следующей весной из старых корней пускают молодые побеги. Следующей весной, в мае месяце, когда набухает сок и начинают расти побеги, женщины выходят и собирают эти молодые побеги длиной от одного до двух футов.

Некоторые из этих палочек достигают высоты трех футов, и их собирают для изготовления больших корзин, а также деревянных корзиночек. Они собирают эти палочки тысячами и относят их домой, где женщины, дети и мужчины все вместе сдирают кору с палочек. Они берут пригоршню в правую руку, затем кладут конец одной из них в рот, захватывая ее зубами, а левой рукой поворачивают так, чтобы очистить кору вокруг конца, и, когда они приступают к очистке коры, они одним быстрым рывком снимают палку, и кора отслаивается одним усилием. После очистки их раскладывают на солнце, на ровном месте, тонкими слоями и дают побелеть и высохнуть, а когда они высохнут, их собирают и сортируют по размеру и длине, связывают разного размера в пучки и откладывают для использования, иногда через три-четыре года, прежде чем из них сложат корзины. Маленькие палочки используются для изготовления очень тонких корзиночек. Читатель может легко понять, почему лещину сохранили, а не уничтожили, поскольку она имела для них большую ценность во многих отношениях. Они делали из него плетни для привязывания своих лодок и других вещей. Дубовую древесину они очень тщательно берегли, так как собирали с нее желуди поздней осенью, в октябре и ноябре. Дуб давал им посох жизни, так как именно из желудя они пекли весь свой хлеб и кашу, и этот хлеб они могли брать с собой в дальние путешествия на охоту. Они заворачивали большой комок теста и, поместив его в прохладное место, хранили в течение нескольких дней, прежде чем оно начнет портиться или прокисать. Из этого теста они готовили свою кашу, беря кусочек размером с чайную чашку и кладя его в одну из корзиночек, наполняя ее почти до краев водой, затем брали несколько камешков для мытья, взятых из реки или ручья, и клали их на огонь, пока они не станут горячими, часто докрасна. когда они брали две палочки и вытаскивали их, опускали в корзину и быстро перемешивали все лопаткой, сделанной специально для этой цели, они вскоре доводили кашу до кипения, а если класть другой камень и еще немного помешивать, то корзинка с кашей вскоре готовилась. Они называют эту кашу Ка-го, и она очень питательна и придает большую выносливость. После того, как корзиночка с кашицей будет отставлена в сторону на тридцать-сорок минут, ее затем раскладывают по маленьким корзиночкам, изготовленным специально для этого и по размеру соответствующим желудку. Подает один человек, раздавая кашу вместе с кусочком вяленого лосося, оленины или других продуктов, которые можно приготовить для употребления в пищу. Желудь служит источником хлеба для всех индейцев реки Клатат.

Вся дубовая древесина принадлежала зажиточным семьям и была разделена линиями и границами так же тщательно, как белые обследовали ее сегодня. Из этого легко видно, что индейцы бережно хранили дубовую древесину и никогда ее не уничтожали.

Древесина дугласовой пихты, по их словам, всегда вторгалась в открытые прерии и вытесняла другую древесину, поэтому они постоянно сжигали ее и делали все возможное, чтобы она не покрыла все открытые земли. Наши легенды рассказывают, что когда они прибыли в страну реки Клатат, там были тысячи акров прерий, и из-за того, что они выжигали все, что могли, в стране росло все больше и больше древесины.

Древесина красного дерева, которую они используют для изготовления своих каноэ и строительства домов. При изготовлении каноэ они взяли бревно красного дерева, длина и размер которого соответствовали каноэ, которое они хотели сделать, и раскололи бревно пополам, придавая сначала форму днищу каноэ, затем переворачивая его и откалывая

верхушку, пока не опустят ее в нужное место, когда начнут придавать форму ограждениям; после этого они выкопали внутреннюю часть, оставив ей определенную толщину, и это они измерили, поместив одну руку снаружи, а другую внутри, медленно двигая обеими руками вдоль — и удивительно, насколько равномерной оказалась толщина во всех частях. Они вырезали сиденье на корме с местом, где можно поставить каждую ногу на бортик перед сиденьем, чтобы можно было опереться, гребя длинным и узким веслом, заостренным на конце, чтобы им можно было грести или толкать каноэ. Они, безусловно, являются экспертами по плаванию на каноэ по реке Клатат, как мужчины, так и женщины. У их каноэ нет киля, только круглое гладкое дно с закругленными носом и кормой. Большая ветка орешника продевается через отверстия в углах носа и очень туго натягивается поперек, чтобы каноэ не раскололось в случае сильного удара о камни, что часто случается, когда они скрежещут о камни в неровных местах реки. Эти каноэ перевозят тяжелые грузы, гораздо большие, чем может показаться на первый взгляд; иногда от сорока до ста пятидесяти мешков муки за один раз. При изготовлении каноэ индейцы всегда оставляют на дне, примерно в двух футах позади носа, выступ около трех дюймов в поперечнике и около двух дюймов в высоту, с отверстием глубиной около одного дюйма, которое они называют сердцем каноэ, и без него каноэ было бы мертвым. Когда я была молодой женщиной, ни один индеец не стал бы пользоваться каноэ, если бы в нем не осталось души, чтобы сделать его живым, поскольку пользоваться им было небезопасно, если не закрепить его таким образом, как принято у моряков называть судно. Каноэ из красного дерева используются на расстоянии ста миль вверх по реке Клатат, но красное дерево используется только на расстоянии около тридцати миль вверх по реке для строительства домов, после этого расстояния для домов используют красную ель. Красное дерево — мягкая, легкая в обработке древесина, не подверженная растрескиванию на солнце и идеально подходящая для изготовления каноэ. После того, как они закончили делать каноэ, они берут стружку и сухую щетку и обжигают его как внутри, так и снаружи, а затем счищают сухие части, что делает его очень легким и сухим. После использования каноэ в течение нескольких дней, и если на нем появятся легкие трещины, его вынимают, тщательно высушивают и смазывают смолой, полученной из елового дерева. При этом они сначала замазывают трещины смолой, затем кладут на смолу горячие камни, которые расплавляют ее и заполняют трещины. После такой обработки каноэ прослужит долгие годы.

Их инструменты для обработки древесины были очень грубыми, и работать приходилось очень медленно. В качестве топоров и клиньев они использовали лосиный рог. Они обрезали рог до нужной длины с помощью кремня, а затем использовали гранитную породу, к которой прилипал кварц, делая ее очень грубой, и с помощью этого они придавали рогу нужную форму. После этого они смазывают их жиром и раскладывают так, чтобы огонь высушивал жир, пока он не станет очень жестким и его можно будет использовать годами, прежде чем он износится. Для своих молотков они брали гранитный камень и, долбя по нему, могли обточить его примерно до одного фута в длину, затем обточить так, чтобы на одном конце он был около четырех дюймов в поперечнике, а на другом — около двух дюймов в поперечнике, в то время как в середине они доводили его примерно до одного дюйма, делая так, чтобы его можно было легко удерживать, используя большой конец как часть молотка. С помощью этих грубых инструментов они рубили деревья, мастерили свои каноэ и дома, а с помощью огня помогали во многих отношениях. Они могли бы расколоть бревно на плиты и получить красивые пиломатериалы, только грубые и разной толщины, и таким образом построить очень теплый и удобный дом. При строительстве дома они выравнивали участок земли площадью от тридцати до сорока квадратных футов, затем,

начиная с центра квадрата, они выкапывали землю глубиной около пяти футов и от двенадцати до двадцати футов в поперечнике, окружая эту часть, они выкапывали траншею глубиной в два фута и устанавливали в нее плиты или доски торцом вверх, стараясь укладывать толстые плиты в каждом из четырех углов с отверстиями, прожженными на верхних концах. Эти доски были около восьми футов в длину, что оставляло их примерно в шести футах над землей с двух сторон. Для этого они привязали лещиной тяжелую жердь одинакового размера поперек двух фронтовых концов на одном уровне боковых жердей. Они плотно утрамбовали землю вокруг этих досок одинаково со всех сторон. В одном углу двускатного торца у них была очень широкая доска шириной около четырех футов и толщиной около четырех дюймов; они вырезали в этой доске отверстие около двух футов в поперечнике и вокруг него, примерно в двух футах от угла, положили ее в траншею, очень плотно утрамбовав, для двери. Затем они установили поперек верха от четырех до шести очень тяжелых жердей для стропил, причем две верхние жерди располагались всего в трех футах друг от друга, причем одна была немного ниже другой, чтобы создать уклон для стекания воды во время дождя. Затем они обвязали все это ветками орешника, пока все это не было прочно скреплено вместе, и после того, как эта часть была закончена, они установили крышу, используя те же самые тяжелые плиты длиной около восьми футов, сложив их вдвое, чтобы защитить ее от дождя, в то время как центральная часть или гребень крыши - короткие плиты длиной около четырех футов, а в центре они оставляют большую широкую доску, чтобы они могли поднять ее в наклонное положение, чтобы не пропускать дождь и в то же время выпускать дым. После того, как все доски крыши уложены, они кладут большие жерди поверх стыков и привязывают их к нижним с помощью веток орешника, придавая всему этому довольно значительную прочность. Затем они делают отверстие в центре подвала глубиной около одного фута и заделывают его камнями, подходящими для камина, делая его очень ровным, затем насыпают гравий на дно камина толщиной четыре дюйма в глубину. Затем они обносят дощатую стену по всему периметру дома или подвальной части, прочно удерживая их на месте, по образцу обшивки стен белыми людьми. После этого они берут глину хорошего качества, смачивают ее водой до тех пор, пока она не станет подходящей, и штукатурят ею пол подвала, утрамбовывая его до тех пор, пока он не станет толщиной около четырех дюймов, пока он не высохнет, они очень внимательно следят за ним, и там, где он начинает трескаться, они покрывают его большим количеством глины, заполняя трещины. Они заделывают трещины до тех пор, пока пол не станет очень сухим и твердым, и это сделает пол очень гладким. Они выравнивают верхний этаж, который имеет неправильную форму, и устанавливают плиту или столб в четырех местах, противоположных углам дома, на расстоянии примерно одного фута от стены и под одним из стропильных столбов, чтобы обеспечить опору для стропил. Затем они установили внутреннюю перегородку перед дверью, оставив ее примерно на десять футов с каждой стороны от двери, доходящей до крыши и внутренней двери, которая похожа на дверь белого человека. Это место закреплено во всех домах для хранения дров на зиму, в то время как остальная часть помещения предназначена для хранения провизии на зимние месяцы, такой как вяленый лосось, угри, желуди и другие виды продуктов, которые они хранят в больших корзинах, некоторые из этих корзин достаточно велики, чтобы в них мог лечь человек. Некоторые девушки застилают свои кровати в этой верхней части дома на летние месяцы. В доме, где проживает большая семья, эта верхняя часть дома хорошо заполнена корзинами с различными продуктами питания, некоторые из которых хранились там в течение ряда лет. У них есть ставни как на наружных, так и на внутренних дверях, а крыша хорошо выступает по всему дому, что делает дом теплым зимой и прохладным летом. Спускаясь в подвал, они берут бревно толщиной около фута и обрезают нужной длины,

делают в нем зарубки для шагов и устанавливают его на место, и маленькие индейские дети могут подниматься и спускаться по нему, как белки, с меньшим количеством несчастных случаев, чем белые по своим лестницам. Вся семья ест в подвале, и вся готовка делается там, а ночью все убирается, и все женщины и девочки спят в этом подвале, в то время как мужчины и мальчики все идут спать в парилки. Снаружи перед дверью они делают что-то вроде веранды, пол которой сделан из гладких камней, завершая таким образом дом. Проходя через двери, они должны наклоняться очень низко, почти ползком, и выпрямляться при входе внутрь. Внутренняя дверь высокая, и они могут встать, пройдя через нее. Двери в большинстве случаев выходят на реку. Один из этих домов простоят пятьдесят лет, а при некотором ремонте простоят еще долго. В деревне было от десяти до сорока таких домов, и деревни находились на расстоянии от половины до трех миль друг от друга, некоторые по одну сторону, а некоторые по другую сторону реки. Как правило, в каждом жилище имелась парилка, но иногда на два дома приходилось только по одной парилке. Мужчины и юноши ходили из одной парилки в другую, чтобы пообщаться и остаться на ночь. Индейцы, путешествовавшие вверх и вниз по реке, обычно останавливались у старых друзей или родственников и заходили в парилку, обменивались новостями и курили свои трубки до поздней ночи. Нет закона, запрещающего женщинам спать в парилке, но мужчины говорят, что на женщинах слишком много блох, а женщины говорят, что мужчины слишком много болтают, поэтому женщины позволяют мужчинам подметать, собирать дрова и самим разводить костры в парилках. Иногда индеец берет свою жену или любимую дочь в парилку, чтобы переночевать, если погода холодная, но женщины предпочитают спать в жилых домах, так как им там очень удобно и их можно согреть с помощью небольшого костра. Женщины делают что-то вроде матраса из туловища, которое растет на болотах. Они собирают этот тул, дают ему высохнуть и отбеливают, затем берут нитки собственного изготовления и, начиная с середины бечевки, укладывают один из стеблей тула и плотно соединяют их друг с другом. Они плетут тулы плотно друг к другу, укладывая около шести нитей в циновку шириной около трех-четырех футов и длиной от пяти до шести футов, иногда делая их трех-четырёхслойными, которые они могут сворачивать и убирать в сторону днем, а ночью вынимать и разворачивать. На этих циновках довольно удобно спать. Пожилые женщины спят на цокольных этажах, в то время как молодые девушки спят на верхних этажах в теплые месяцы и на нижних этажах со старухами в холодные месяцы. У моего народа была привычка есть только два раза в день, первый прием пищи или завтрак подавался около одиннадцати часов, а вечером, с наступлением темноты, женщины готовили ужин, меню которого менялось в зависимости от времени года.

Как только начинало холодать, мужчины выходили на улицу и набирали большие охапки мелких конечностей и кистей, связывали их в узел, который они взваливали себе на спину и держали обеими руками, а входя, пели песню на удачу во всем, чего бы они ни пожелали, например, в зарабатывании денег, крепком здоровье и многих других вещах. Из этих дров они разводили костер в парилке, и дым, выходящий из щелей, создавал впечатление, что дом был охвачен огнем на короткое время, когда дрова догорали до слоя углей, и весь дым исчезал, а затем мужчины и мальчики раздевались и заползали в них по одному, и примерно через тридцать-сорок минут все выползали из маленькой круглой двери, дымящиеся и покрытые потом, слабые и вялые, выглядевшие так, как будто они едва могли стоять на ногах. Выползши наружу, они ложатся плашмя на каменную платформу, установленную специально для этой цели, и поют те же песни, только на этот раз более заунывно. Они лежат так тридцать или сорок минут, затем встают и, все еще выглядя слабыми, по одному спускаются к берегу реки, ныряют в холодную

воду, некоторое время плавают и плещутся, затем все возвращаются в жилой дом и заходят туда, где женщины готовят ужин, занимают свои места на цокольном этаже, подальше от женщин, пока они готовят, и все вместе будут смеяться и болтать, пока ужин не закончится. Затем мужчины и юноши возвращаются на ночь в парилку и готовятся к большой перекурке, все смеются, разговаривают на разные темы и рассказывают забавные истории. Некоторые из старших обсуждали вопросы индейского законодательства, другие рассказывали, как все меняется, как то и это было раньше и отличается сейчас, как они сражались с другими племенами, когда они побеждали и когда терпели поражение, восхваляя того, кто был лидером, или осуждая другого, того, кто был хорошим генералом, и многое другое, а некоторые были очень интересными собеседниками. Они разговаривали до тех пор, пока не были готовы лечь спать на ночь, а затем подложили себе под головы деревянные подушки. Некоторые из них не пользовались никакими укрытиями и были почти голыми, так как в парилках было очень тепло по крайней мере в течение двенадцати часов после того, как в них был разведен большой костер. Ранним утром они выходили из дома, и каждый на целый день шел своим путем, например, охотился, ловил рыбу или добывал что-нибудь, что могло понадобиться семье. Старики выделяли оленьи шкуры, на многих из которых оставались волосы, и они предназначались для женщин, чтобы использовать их в качестве одеял и для похожих на шали пальто, которые они носили, для мокасин (moh-i) они берут выделанную оленью шкуру и копят ее, а затем превращают в мокасины. Они шьют платья и многое другое из шкур. Другие выделяют меха, которые они используют по-разному. Они используют шкуру рыбака для колчанов со стрелами, а также шкуру молодой пантеры. Пресноводные выдры очень красиво одеваются, чтобы женщины могли завязывать ими волосы. Одни делали кувалды и клинья для будущего использования, другие мастерили луки и стрелы, в то время как некоторые давали указания остальным. Женщины занимались своей работой, такой как растирание желудей, замачивание муки и приготовление из нее хлеба или каши, одни резали свежего лосося и готовили его к приготовлению, другие ходили за дровами для своей части жилых и кухонных помещений, а третьи мастерили корзины для приготовления пищи. Некоторые делали шляпы и корзины, в которых хранили еду, в то время как другие шили красивые платья для ношения и все, что нужно было делать, но мало кто из них сидел без дела, если только это не были очень богатые пожилые женщины. У народа кламат есть тот же сорт табака, который произрастает на большей части территории Соединенных Штатов, и у которого при выращивании появляются маленькие листья. Они подготавливают почву и сажают семена, но не будут использовать те, которые, по их мнению, произрастают в результате культивации. Они очень осторожно собирают растение и сушат его на огне или под палящим солнцем, затем очень мелко измельчают, а затем раскладывают по плотным корзинкам для использования. Он становится очень крепким и часто вызывает тошноту у самых старых курильщиков, к чему они относятся легкомысленно, говоря, что это табак хорошего качества. Все женщины-врачи курят, но другие женщины никогда. Их трубки сделаны из тисового дерева с мыльным камнем в качестве чаши, дерево представляет собой прямой кусок длиной от трех до шести дюймов и больше на конце чаши, где оно соединяется с камнем, на нем есть насечка, так что чаша устанавливается на дерево, делая трубу прямой. Они держат трубку вверх, когда сидят или стоят, и только лежа на спине, кажется, что человек наслаждается дымом с совершенной легкостью, однако они могут обращаться с трубкой, чтобы затянуться в любом положении. Некоторые из этих трубок маленькие, вмещают не больше наперстка табака. Мои сотрудники никогда не позволяют привычке к табаку взять над ними верх, поскольку они могут обходиться без курения весь день или бросать курить несколько дней подряд и ни в малейшей степени не жаловаться. Мужчины

после ужина, направляясь в парилку, берут свои трубки и курят, а некоторые делают две-три затяжки перед сном. Пожилые женщины-врачи будут курить в течение дня и всегда покуривают перед тем, как лечь спать. Все вдыхают дым, выпуская его из легких через нос.

Женщины-врачи создаются и получают образование, которое достигается очень своеобразным способом. Обычно они дочери богатых семей. Большинство из них начинают совсем молодыми, и часто врач берет с собой одну из своих дочерей, которую она выбирает, и начинает с того, что учит ее курить и помогает ей ухаживать за больными, а в нужное время начинает с ней в парилке; в то время как другим снится, что они врачи, и тогда раздается приказ, и в любом случае поздней осенью все будет готово, и день будет назначен. Выбрав парилку (это название белого человека, но оно не имеет того же значения в нашем языке, мы называем его Ур-гирк), они ведут ее туда, одетую в тяжелую юбку, доходящую до лодыжек и сделанную из внутренней коры клена, с обнаженными руками и грудью. Все они идут в парилку, там от пятнадцати до двадцати мужчин и женщин, у нее есть брат или двоюродный брат, иногда двое, которые присматривают за ней. Все начинают петь песни, которые используются по этому случаю, танцевать, подпрыгивая вверх-вниз, медленно обходя вокруг костра и вправо, они продолжают это до тех пор, пока она не станет мокрой от пота настолько, насколько это возможно от воды, и когда она устанет настолько, что больше не сможет стоять, один из ее братьев или двоюродных братьев возьмет ее к себе на спину, обхватив руками за шею, и будет поддерживать, пока она полностью не выдохнется, тогда они вынесут ее из дома. Там ее купают в теплой воде, а затем дают поспать столько, сколько она пожелает, что приводит ее в чувство и возвращает силы. При пробуждении она выглядит отдохнувшей и энергичной, с прекрасным цветом лица. Теперь она может есть все, что ей позволено. Пока она учится на врача, ей запрещено пить воду или есть свежего лосося, вся вода, которую она получает, содержится в желудевой каше или ягодах мансанита, растертых в муку, а затем смешанных с водой, превращенных в нечто вроде кашицы и подогретых. Им разрешается употреблять в пищу все другие виды пищи. Эти танцы продолжаются с перерывами в течение всех зимних месяцев до поздней весны, когда ее уводят далеко в горы и держат там все лето, никогда не позволяя ей пить воду, только смешанную с кашей, и есть свежего лосося. Осенью они привозят ее обратно домой, к реке, когда она будет проходить такое же представление в парилке. Иногда ей будет от трех до десяти лет, прежде чем она будет готова к заключительным выпускным упражнениям, когда ее заберут обратно в какое-нибудь почти недоступное место на высоком пике или на очень высокую скалу, где они будут курить, молиться и поститься от трех до пяти дней. Находясь в этом месте, никто не ест и не пьет, и, покидая его, трубы оставляют скрытыми, чтобы их можно было найти при следующем посещении. В этой поездке с ней будет не более трех или четырех человек, и всегда один из них - старый врач, чтобы ухаживать за ней, а на обратном пути, после того как они частично спустятся с холма до подходящего места, они делают остановку, и все едят и отдыхают. Молодая докторша принимает ванну, распускает волосы и моет их, затем сушит и расчесывает костяным ножом. Эти ножи из оленьей кости размером примерно со столовый нож, в рукоятке просверлено отверстие, через него продета веревочка, которая застегивается вокруг запястья, и при ношении их острие лезвия направлено вверх и упирается в руку, так что человек вряд ли узнает, что носил их. Этот гребень красиво вырезан и украшен клетчатыми черными полосками. Она нежно гладит им волосы, пока они не высохнут, затем протыкает их острием близко к голове, осторожно вдавливая в них лезвие, она продолжает движение расчески, пока волосы не станут идеально прямыми и блестящими, а затем расчесывает волосы посередине лба, затем берет полоски шкуры выдры и завязывает их, позволяя им свисать по бокам головы и перед

каждым плечом. Эта девушка - девственница, настолько совершенная в статуе, активная в движениях и здоровая, насколько Бог может создать ее. Она может переносить трудности и наказания без жалоб и ропота, которые заставили бы медведя заскулить. После того, как все отдохнут, они отправляются домой, что, возможно, займет у них два-три дня, и все это время за ее здоровьем следят, чтобы она была в хорошем настроении и не переутомлялась, а по прибытии домой ей разрешают отдохнуть две, три или четыре недели, когда все будет готово для получения последней степени. На этот раз готовим для этой цели один из больших жилых домов, снимая часть крыши и закрепляя ее так, чтобы все могли прийти и увидеть представление целиком. Время назначено, и известие разослано повсюду вверх и вниз по реке, и в назначенное время они будут там, некоторые приедут за много миль, чтобы увидеть молодого врача и принять участие в присвоении ему последней степени. С заходом солнца разводят огонь в центре гостиной, и с наступлением темноты ее приводят, она проходит через дверь и спускается в подвал, занимает свое место, когда остальные, которые должны помогать ей, занимают свои места, образуя круг вокруг огня, и все начинают петь тихим и монотонным голосом, подпрыгивая вверх-вниз, молодая докторша сначала заботится о себе сама и принимает инструкции от старого доктора, который сидит рядом, но не принимает никакого участия, кроме как инструктировать ее. После того, как это продолжалось от двух до четырех часов, молодой доктору становится очень жарко и он устает, и они пристально наблюдают за ней, пока не приходит время, когда один из мужчин берет ее, поднимает и помогает ей встать, все еще изматывая ее, пока двое мужчин не берут ее за каждую руку и таким образом заставляют ее танцевать, пока она не становится беспомощной и настолько вялой, что больше не может двигаться. Затем они укладывают ее и убирают с дороги, продолжая церемонию до рассвета утра, когда все расходится по своим местам, чтобы поспать несколько часов, затем встают, выходят, принимают ванну, едят и возвращаются по домам. Молодой врач не всегда проходит через это испытание и выходит целой и невредимой, так как иногда ей становилось так жарко, что она никогда не оправлялась от последствий сурового наказания, но это случается редко. Пройдя через это, она признается врачом и может начать заниматься своей профессией. Теперь ей разрешено выходить замуж, если она того пожелает, и большинство из них так и делают, заводят большие семьи и доживают до глубокой старости. Они пользуются большим влиянием в племени, если они успешны как врачи, а некоторые из них очень успешны как врачи, в то время как другие принадлежат к обычному классу. Эти женщины-врачи - провидицы, поскольку, когда их призывают лечить больных, они утверждают, что могут сказать, в чем причина болезни и что ее вылечит. Они сосут тело в том месте, где локализуется боль, и некоторое время поют что-то вроде заклинания, затем снова сосут тело и продолжают это делать в течение четырех или шести часов, если это серьезный случай, будут два врача, а иногда и три, и в этом случае они не придут к согласию относительно причины, если пациент выздоравливает, то одному из них будет приписана большая часть, а иногда и все это. Когда возникает случай болезни, родственники больного выбирают врача и сумму денег или других ценностей, или все ценности, какие только могут, идут к врачу и представляют ей, после чего она примет или отклонит предложение, но если оно удовлетворительное, она приготовится пойти с ними, а если оно будет отклонено, она потребует больше, а иногда она потребует какую-нибудь ценную реликвию, которая, как она знает, находится в распоряжении семьи, иногда предмет, который в течение прошедших лет принадлежал семье самого доктора, и она будет стремиться вернуть его обратно. . Если больной умрет, пока она пытается получить больше, они заставят ее выплатить им все, что они ей положили, но если она примет деньги и уйдет, а пациент умрет, тогда они заставят ее вернуть все, что ей было дано. Если там было два или три

врача, то все они должны вернуть все, что им было дано, и тогда они будут спорить между собой о том, кто из врачей лучший. Некоторые из врачей были очень успешными и почти никогда не теряли пациентов, а также накопили огромное состояние, владея лучшими рыбацкими местами и большими участками земли, где они могли собирать желуди, орешник и семена трав, а также множеством рабов. Они были отличными собеседниками, у них всегда был готовый ответ на любой вопрос, и они были почти заядлыми курильщиками, курили большую трубку и часто. У них было замечательное телосложение. Чтобы дать представление о силе одного из этих самых успешных врачей, я приведу краткий очерк одного из них и ее методов. Этот врач родилась в деревне Кортеп, в богатой семье, существовавшей много поколений назад. Она вышла замуж за мужчину, который родился в деревне Пек-ван, также из богатой семьи, и после замужества на индейском языке ее будут называть Пек-уиш-он, но не в этом случае, поскольку племена называли ее Кау. Она прославилась среди своего народа и выходила из своего дома и садилась на крыльцо каменной площадки перед своей дверью, снимала чепец, приглаживала волосы, закрывавшие лицо и глаза, и сидела так часами, и все, молодые и старые, начинали бояться ее и говорили: "Посмотрите на Кару, от нее кто-нибудь заболеет", и люди так боялись ее, что через два или три дня обязательно кто-нибудь заболеет, тогда они говорили бы, что от Кары заболели они, и если бы они могли заставить ее вылечить больного". Она вылечит больного, поскольку ей редко удавалось вылечить ни одного из своих пациентов. Она лечила и взяла все богатство своих матери и отца в свои руки, помимо всего, что было у ее братьев, сестер и других родственников, за то, что лечила их. Она дожила до довольно преклонных лет и вырастила семью из мальчиков и девочек. У нее было много рабов, земли, мест для рыбалки и денег. Ее сын был самым богатым индейцем во всем племени и был известен как Пек-ван полковник. Я знал девушку, которую этот доктор принял за доктора Билла и которая должна была стать женой одного из ее внуков. Но когда внук и девочка подросли и достигли брачного возраста, он не захотел брать ее в жены, и деньги были возвращены, что освободило ее, и она вышла замуж за другого мужчину, по своему выбору. Эти врачи никогда не принимают участия в родах детей, они также никогда не присутствуют в этих случаях и не принимают в них никакого участия. Пожилая женщина, которая всегда очень приятна, берется за эти дела, берет на себя заботу о женщине, которая вот-вот станет матерью, и готовит ее к задаче родов. У нее есть лекарство, которое она готовит и дает женщине, которое делает свое дело за очень короткое время. Это смола или камедь ели, которая при пожаре или иным образом попала в воды ручьев и пролежала в воде долгое время, что делает ее очень хрупкой и твердой. Они берут кусочек этого продукта и, растерев его до состояния муки, кладут в чашку с водой и дают пациенту выпить, что в большинстве случаев приводит его в хорошее состояние. Это не единственное средство, которое у них есть, поскольку у них есть много средств для применения при различных состояниях пациента; эти женщины также ухаживают за ребенком. Они моют ребенка и одевают его в мягкие меха, такие как кроличьи шкурки или другие мягкие виды меха. Теперь они растирают фундук в муку, кладут его в теплую воду, из которой получается что-то вроде молока, а затем кормят им ребенка, они также берут молоко из материнской груди и дают ребенку, они не разрешают ребенку прикладываться к материнской груди до истечения первых десяти дней, после чего ребенку разрешается делать это до тех пор, пока не придет время отлучать его от груди. Ребенку предоставляется специально изготовленная корзина, в которую ребенка помещают в сидячем положении, сзади к ней пристегнут ремень, чтобы мать могла перекинуть ее через спину, прислонить к стене или уложить плашмя, как она пожелает. Ребенок, если он здоров, будет болтать ножками и смеяться, когда кто-нибудь обратит на это внимание. Размер детских корзинок меняется по мере того, как ребенок становится старше и крупнее, старые

корзинки сжигаются. Эти бабушки называются Na-gaw-ah-clan. У индейцев Клатат есть врачи-мужчины, и они используют много видов корней, трав и некоторых минералов, и когда дело доходит до ран, укусов ядовитых рептилий, хронических заболеваний, женщины страдают такими заболеваниями, как опущение матки и многими другими видами болезней, их вызывают богатые семьи, и им тоже платят вперед, и если они не могут вылечить, они должны вернуть деньги, или если они отказываются прийти и пациент умирает, они должны возместить все, что им предложили. Эти мужчины-врачи передают свои секреты различных видов лекарств, которые они используют, и для чего используется каждый из них, своим сыновьям или близким родственникам, и прежде чем начать практиковать, человек возвращается в горы, в какое-нибудь отдаленное и уединенное место, где есть большая скала или высокий пик, откуда он может в полном одиночестве обозревать всю окружающую местность. Там он молится своему Богу о здоровье, силе и успехе. Он не пьет воду и не ест, наказывает себя, насколько может, и выдерживает напряжение, его нет от восьми до двенадцати дней, а по возвращении он моется, отдыхает и спит, курит трубку в течение трех или четырех недель, а затем готов приступить к работе врача и некоторое время будет работать со старыми врачами, чтобы убедиться, что он не допускает ошибок ни в ведении пациентов, ни в применении различных видов лекарств, которые следует использовать при различных случаях или заболеваниях. Этих мужчин-врачей называют Пе-гирк-ка-гей, а женщин-врачей - Кей-гей. Большинство мужчин-врачей имеют самое высокое происхождение, часто являются членами самых высоких семей и часто являются членами тайной ложи. Только они останавливают женщин-врачей и выдвигают им многие из своих обвинений или отказываются от своих высказываний, таким образом удерживая их в рамках разума, хотя они очень снисходительны к ним и часто позволяют им заходить слишком далеко, прежде чем остановить их. Эти мужчины-врачи помогают начать и обустроить поселения для танца из шкур белого Оленя, и это время, когда все проблемы между отдельными людьми, кланами и деревнями улажены, так что все племя живет в мире. Если кто-то из них не желает улаживать свои трудности, им строго запрещается посещать богослужение, а если они все-таки придут, то потеряют уважение всего племени, к тому же с ними будут жестоко обращаться. Поэтому на случай, если найдутся те, кто не сможет договориться, им лучше держаться подальше, потому что это время и место, где все свободно и должно преобладать хорошее настроение и поведение. Танец из шкуры Белого оленя они проводят раз в два года, если только не происходит чего-то серьезного, что иногда случалось и настолько калечило людей, что они не могли проводить его в течение ряда лет, например, из-за инфекционных заболеваний или других бедствий. В те годы, когда все было в порядке, эти мужчины-врачи собирались где-то в конце июля или первого августа, беседовали, решали вопрос и объявляли, что они мы собирались устроить Танец в оленьей шкуре (О-пьюр-а-вах). Весть была бы разослана всем индейцам вверх и вниз по реке, индейцам племен Хупа и Смит-Ривер и вниз по побережью вплоть до Тринидада, и любой из них из других племен мог бы прийти и посмотреть на танец, и никто из них никогда не подвергся бы насилию. Теперь они начинали улаживать все свои ссоры между собой путем оплаты, в большинстве случаев это делалось путем арбитража, поскольку они выбирали тех, кто был друзьями обеих сторон в споре. Они бы аргументировали это дело и, если бы это было возможно, привели бы их к мировому соглашению, а если бы они не смогли прийти к мировому соглашению, они не смогли бы прийти посмотреть на танцы. Таким образом, события развивались бы своим чередом, и всевозможные высказывания заучивались бы и оспаривались, поскольку те, кто не имел авторитета, строили бы догадки и часто выдавали что-то за исходящее от кого-то из главных людей. Все будут верить, что это правда, пока дело не зайдет достаточно далеко, когда главные объявят это неавторитетным и

ложные высказывания прекратятся. На смену им приходила другая лживая история, и это продолжалось примерно до середины августа, когда Талты собирались вместе и назначали время начала танцев. Они всегда кладут рыбу в первую очередь, так как это часть этого великого фестиваля.

Тот, который управляет вводом рыбной плотины, известен как Шлюз, а рыбная плотина называется Ла-ог-ген. Лок выбирает еще одного из верховных жрецов и одну девушку столь же высокого происхождения, и все трое отправляются в уединенное место на высокой горе, откуда у них может быть хороший вид на окружающую местность, и там девушка разводит небольшой костер и получает инструкции о том, как и что делать. Другому человеку тоже указывают, что делать. Лок разворачивает свои эмблемы, которые представляют собой плотно сплетенный свиток, абсолютно непромокаемый, и достает из него корешки, которые медленно обжигает над огнем, который продолжает гореть девушка. Эти корни сжигаются как благовония, и при горении они издают сладкий запах, и пока они горят, Лок молится и поет Богу, чтобы тот дал ему здоровье и силу преодолеть все трудности, связанные с возведением плотины. Они остаются здесь на два дня и ночь, затем возвращаются вниз по реке, туда, где должна быть построена рыбопромысловая плотина. Там они высаживаются на своей лодке и останавливаются у очень большой скалы, которая находится недалеко от кромки воды, и большого ручья с чистой водой, который впадает в реку прямо у этой большой скалы и немного ниже нее. Посреди ночи девушка собирает дрова, разводит небольшой костер и чинит вещи для Лока и его помощника. Эта девушка - непорочная дева. Она переходит реку, моется и причесывается, используя свой индийский нож вместо расчески, которую носит пристегнутой к запястью, пока ее волосы не станут сухими и блестящими, затем она распускает их, надевая на голову ленту из бусин, которая не дает волосам падать на лицо, доходя только до подбородка, и если в какой-то момент волосы падают ей на лицо, она зачесывает их назад своим индийским гребнем, но никогда не прикасается к волосам руками. После того, как она приняла ванну и оделась, она идет в сторожку, ложится и спит до позднего утра, когда Лок и его помощник приходят в сторожку, ложатся и спят до позднего утра, когда Локки и его помощник приходят в сторожку, когда все трое принимают ванну, а затем едят впервые с тех пор, как начали. Никому из них не разрешается пить воду, и им не разрешат пить ее еще много дней. Некоторые из этих людей начинали выглядеть прекрасно, и когда они выходили, то часто были похожи на ходячий скелет, вскоре к ним возвращалась плоть, хотя иногда они никогда не возвращались в свое нормальное состояние. Эти трое держатся особняком, и никто их не видел и не слышал о них, но все с нетерпением ждут известия. После того, как они поели, Лок и его помощник возвращаются к большому камню, затем Лок разворачивает свой свиток, сжигает еще немного благовоний и отдает приказ своему помощнику отправиться по всем деревням и призвать столько людей выйти вперед и помочь построить рыбную запруду, сколько потребуется, и именно в это время они должны предстать перед Локом. Иногда там бывает от ста до двухсот молодых людей, старые или болезненные не нужны. После того, как все они предстают перед Локом, он назначает каждой партии из восьми или десяти из них ту часть и количество, которые они должны выполнить. После этого они расходятся по домам, запасаются провизией и снаряжением для лагеря, и примерно через тридцать часов прибрежные заросли в этом месте и вокруг него кишат индейцами, а воздух наполнен весельем и шутками.

Ранним утром все они отправляются в путь без еды и срезают небольшие сосны длиной от двух до трех дюймов на концах. Кто-то разведет костер, и пока остальные будут резать и упаковывать его, они возьмут зеленые сосновые жерди и будут проворачивать их через огонь, пока они не подгорят, затем вынут их и легко снимут кору. Пока они еще горячие, они разламывают каждую на две или четыре части, затем другие берут длинные ореховые прутья и пропускают их через огонь, и пока они горячие, разламывают их на две части, затем они берут их и сосновые прутья и складывают их вместе, как циновки, оставляя сосновые прутья примерно в одном-двух дюймах друг от друга, эти циновки, когда они установлены на конце, имеют длину около девяти футов, с пятью или шестью ореховыми прутьями примерно в четырнадцать дюймах друг от друга. После того, как они собрали циновку, они скатывают ее, делая каждую циновку так, чтобы один человек мог взвалить ее на плечо, и в определенное время все они несут их к реке, к месту, где будет построена рыбопромысловая плотина. Другие получают шесты длиной около одиннадцати футов и диаметром пять или шесть дюймов, все они заостряются с одного конца и делаются очень гладкими, с них снимается вся кора. Некоторые получают длинные шесты-балки или прогоны длиной от двадцати до двадцати четырех футов и диаметром около шести-семи дюймов со снятой корой. Девушка, носящая истинное имя Бога, находится в течение дня в сторожке или доме, который используется только в этих случаях. Этот дом всегда содержался в хорошем состоянии, но в нем никто не жил, за исключением этих случаев, а также парилки, в которой Лок спит, пока идет эта работа. Вечером, около сумерек, после того, как все работники разошлись на дневной покой, она тихо выходит и пересекает реку, поскольку помощник Лока в это время наблюдает за ней, и берет каноэ, чтобы отвезти ее туда, где Лок спрятан под большим камнем недалеко от берега реки, и она собирает некоторое количество сухих дров, с помощью которых Лок поддерживает небольшой костер в течение всего дня и на котором он сжигает благовония. Лок держится подальше от всех рабочих, поскольку они не хотят его видеть и избегают этого. Лок отдает приказы своему помощнику, направляя его так, чтобы он мог доставлять заказы различным компаниям рабочих. Этот помощник - тот, кто имеет рождение, но не владеет тайной истинного имени Бога. Лок отдает ему все приказы тихим шепотом, и этого помощника зовут Лок-и.

Как только девушка, которую они называют Нормер, заканчивает, все трое переправляются через реку на южный берег и после высадки все принимают ванну, поблизости есть уединенное место, где девушка принимает ванну, а когда они заканчивают, они направляются в Лах-ва-альт, или дом, где жена Лока и жена его помощника готовят единственное блюдо, которое они едят каждые двадцать четыре часа. После окончания трапезы Лок и его помощник отправляются на ночь в парилку, где старик, которого выбрали за дровами, развел костер, и таким образом в помещении было тепло на ночь. Лок и его помощник выходят покурить, а затем удаляются. Очень рано утром в парилке разводят костер, и Лок с Лок-ни обливаются потом, а затем возвращаются на другой берег реки, Лок идет в свое укромное место и прячется так, чтобы никто не мог даже мельком увидеть его. Девушка также держится уединенно, оставаясь в доме, где живут жены Лока и Лок-ни, и она занята починкой своих платьев, расчесыванием волос и поддержанием себя в очень опрятном состоянии, а в свободное время, которое у нее может быть после этого, она шьет новое платье или юбку из внутренней части коры дикого клена, растущего у реки. Кору отбеливают до белизны, затем нарезают пластинками и подвешивают к ленте, которая проходит вокруг талии, превращая ее в юбку, спускающуюся до лодыжек. Все рабочие, которых называют Нах-келт, готовы работать, как бобы, приводя все в готовность. Никто не ест более одного раза в день, и все должны быть в добром здравии и молодыми,

прежде чем их допустят к работе на рыбозаводе. Со дня начала работ и до их завершения не должно быть более десяти дней. Девушка, Нормер, теперь посылает жену Лока или жену Лок-ни (может пойти любая из них) отобрать для нее десять девочек, все из которых должны быть хорошего происхождения из среднего класса или богатых, и не более десяти, но если десять не удастся заполучить, подойдет меньшее количество. Эти молодые девушки сейчас приходят, и их называют Вау-клур, но они не видят Ничего Нормального. Они остаются со своими сородичами, их сверлят и чинят, чтобы подготовить к последнему дню и окончательной отделке рыбной плотины. Теперь Локки отобрал из нах-келтов, или рабочих, пять или шесть человек, которые будут руководить различными участками работы, и они берут кору мадроне и делают шляпу, которая очень похожа на старомодную шляпу-затычку, которую носят белые люди. Он полосатый и раскрашен по-новому, и эти рабочие очень заметны, когда они переходят с места на место, давая указания рабочим. Теперь эти люди в шляпах-затычках отбирают двенадцать или меньше мальчиков и заставляют их делать ленты из коры, которые они делают очень цветистыми, раскрашивая и вырезая резьбой, а также изготавливают причудливые индийские трубки, вырезая и раскрашивая их очень художественно. Этих мальчиков зовут Чарра, и сделанные ими дудочки и ленты надеваются на длинные тонкие шесты длиной от двенадцати до пятнадцати футов и используются на финише рыбной плотины. С этих жердей снята кора, и они чистые и белые.

Все это время Лок прятался от глаз всех рабочих, и утром пятого дня, очень рано, они с Лок-ни поднимаются на склон горы и выбирают первую из длинных балок или стрингеров, которые нужно установить на северном берегу реки, начиная прямо над большой скалой, под которой он укрывался до сих пор, и когда он выбирает ту, которая ему подходит, он разводит небольшой костер у корней дерева и воскуривает благовония, затем садится у огня и молится Богу, чтобы он благословил их всех. весь народ со здоровьем и достатком. Теперь все рабочие, знающие время, мальчики и мужчины проследили за ходом работ и все ищут стойки, всего их двадцать две, и остальные стрингеры, которых десять, кроме того, который выбирает Лок, итого получается одиннадцать. После того, как Лок закончил свою молитву Богу, он начинает рубить дерево, Лок-ни помогает ему, и вместе они срубают его, и когда оно с грохотом падает, все рабочие громко кричат: “О-о-о”, и весь склон горы отзывается эхом от их голосов. Лок-ни начинает обрезать ветви и сдирать кору, в то время как другие приходят и помогают. Все рабочие разбросаны по разным местам, каждое отделение ищет столбы, а остальные ищут стрингеры и срубают их, и когда падает каждое дерево, все они кричат “о-о-о”. Они снимают кору, обрезают и затачивают столбы. Все эти заготовки готовятся за один день и к вечеру, прежде чем кто-либо сможет поесть или попить воды, их относят к берегу реки. Лок и Лок-ни берут на себя инициативу с помощью стрингеров, веревки, привязанной к большому торцевому концу довольно тяжелого бруса, и начинают спускаться с ним с горы, Лок все время обращается в молитве к Богу, и если брус останавливается, он молится и говорит добрые слова, и поскольку он всю свою жизнь был таким хорошим, что Бог заставляет брус легко двигаться. Когда начинается шлюзование, все остальные следуют за ним со своими бревнами, и все они прибывают на северный берег около захода солнца со всеми тяжелыми деталями каркаса для рыбной плотины. Эти люди, пока они работают весь день, полны шуток, смеются и рассказывают забавные истории, и если кто-то совершил какую-либо подлую выходку и другие знают об этом, над ним подшучивают по этому поводу; они постоянно подшучивают друг над другом, но при этом все они сохраняют добродушие и все они очень остроумны в своих ответах. Все они курят в течение дня, каждый курит свою трубку, и у каждого есть свой собственный

мешок из оленьей кожи, в котором он носит трубку и табак. Теперь все бревна опущены в воду, привязаны к берегу и оставлены плавать, готовые к утру. Мужчины и юноши теперь моются и причесываются, когда все расходится по своим разным местам для кемпинга, на прощание обмениваясь шутками и прибаутками, и съедают свой единственный прием пищи за двадцать четыре часа. Лок обращается к девочке как "мое дитя", "моя дочь" и другими ласкательными словами. После окончания трапезы Лок и Лок-ни идут в парилку, чтобы отдохнуть и выспаться на ночь, а утром, рано, все выходят и готовятся спуститься к реке и переправиться на своих каноэ, которых у них много для таких случаев. Теперь Лок берет камень для вбивания столба, он гранитный и плоский, от двенадцати до пятнадцати дюймов в поперечнике, от двух до четырех дюймов толщиной и весит от пятидесяти до шестидесяти фунтов. Только те, кто использует этот камень, когда-либо имеют возможность исследовать его, и говорят, что он был сделан много поколений назад. Он хранится спрятанным в секретном месте и выставляется на всеобщее обозрение только для этой цели, а все другие инструменты, которые используются для каждой детали и назначения при закладке рыбной плотины (Ла-ог-ген), спрятаны в секретном месте, не все они находятся в одном месте, и одновременно никогда не бывает более двух человек (Лок и Лок-ни), которые знают, где их найти, и передаются от одного к другому. Этот камень они называют Милт-ме-а-лизи и, призывая его, говорят: "Скажи-ях". Другие инструменты называются по-разному, молоток они называют Тек-ван-оре. Лок и Лок-ни вбивают первые два столба, с которых начинается рыбозавод, первый вбивают почти перпендикулярно, и теперь рабочим приходится возводить ступеньку, на которую Лок забирается, поскольку столб длинный и должен быть вбит довольно глубоко в землю. Лок-ни держит шест так, чтобы удержать его на месте, в то время как Лок берет молот и, поднимая его, обращается к Богу, используя слова, обозначающие много лосося и благословляющие всех, и при этом он наносит сильный удар и держит его до тех пор, пока первый столб не будет загнан на нужную глубину, он наносит свои удары не быстро, каждый удар наносится медленно. Второй столб устанавливается под углом со стороны реки вниз по течению от первого, образуя подпорку против течения реки, а также верхние концы сходятся вместе, чтобы оставить развилку или промежность наверху, которая надежно связывается веревкой из орешника, оставляя ее таким образом, чтобы балочные столбы можно было поместить в промежность и надежно привязать. Теперь, когда Лок-ни правильно установил вторую стойку на место, Лок начинает с первой и загоняет ее на нужную глубину, и после того, как это будет сделано, Лок и Лок-ни берут орешник за веревку и привязывают его к первой, оставляя промежность. После этого Лок передает торговый центр другим рабочим и вбивает остальные столбы, следующие два из которых установлены под углом вниз по реке, а два третьих - под углом вверх по реке, чтобы придать ему форму старого забора из рельсов; это также делается с целью закрепления всей конструкции против течения реки. Как только все столбы будут вбиты в замок, установите первую длинную бечеву в нужное место, которое находится на северной стороне реки, затем рабочие вскоре установят остальные и обвяжут их лещиной. Затем по углам для каждой ловушки вбиваются столбы поменьше, по углам вбиваются два столба, один из которых направлен вниз по реке, и они устанавливаются таким образом, чтобы выходить из промежности, в которую помещается шест. Начиная с ловушек, они имеют около двенадцати футов в ширину и четырнадцать футов в длину, так что центр первой ловушки будет находиться в центре первого червя основного каркаса, и это начинается сначала на северной стороне реки. Когда все столбы вбиты для ловушек, которых много по углам и сбоку, а также для защиты от течения реки. Верхние части укладываются и закрепляются, затем шесты загибаются по бокам и торцами по всему периметру каждой ловушки. Мат или плетеные изделия из небольших расщепленных жердей

берут и укладывают, разворачивают, позволяя им сомкнуться вплотную к каркасу конструкции. Эти ловушки устанавливаются со стороны основного сооружения, расположенного ниже по течению реки, так что весь этот мат приходится укладывать с внутренней стороны каркаса ловушек. Затем вся эта циновка очень аккуратно обвязывается лещиной. Эти ловушки не ставятся близко друг к другу, между каждой ловушкой остается пространство примерно в шесть футов, чтобы между ними можно было проплыть каноэ. Эта циновка укладывается по всей длине верхней части основного каркаса, за исключением южной стороны реки, где есть открытое место шириной около двадцати футов, над которым перекинута только основная балка, и его оставляют, чтобы все могли плавать вверх и вниз по реке на своих лодках, а также чтобы много лосося могло пройти вверх по реке. Они устанавливают доски вдоль главной рыбной плотины таким образом, чтобы на всем протяжении реки от одного берега до другого можно было пройти пешком. Они вставляют ворота в нижний конец ловушек для рыбы и по одному в верхний конец каждой ловушки, и в это время вода начинает реветь так, что вблизи плотины это становится оглушительным. Теперь в каждой ловушке так много семей, что верхние ворота закрыты, а нижние открыты. Сейчас мы приближаемся к полудню десятого дня, когда на южной стороне и в конце рыбной запруды и как раз с нижней стороны устанавливается длинный шест длиной примерно в двадцать-двадцать четыре фута, к верхушке которого привязаны все причудливые поделки, сделанные мальчиками, а у подножия этого шеста насыпана горка песка высотой в три-четыре фута и от восьми до десяти футов в поперечнике. Сейчас около четырех часов пополудни, и Лок с Лок-ни вместе с Нах-квирлом, как пчелы, наводят последние штрихи на рыбную плотину. И из всех племен женщины самые встревоженные и переходят с места на место, спрашивая других, как поживает девушка-Нормал, все ли у нее хорошо, может ли она уйти и если уходит, то когда Нормал выходит из своего дома, где ее скрывали от посторонних глаз все эти дни. На ладони правой руки у нее маленькая корзиночка, в которой небольшой кусочек желудевого теста, и она быстро бежит по широкой ровной тропе в восточном направлении на расстояние пятисот ярдов к этому столбу, к которому подбегает лицом к нему, затем, обойдя справа, ставит корзину на вершину холма, вплотную к столбу. Все наблюдают за ней, и как только кто-то ее видит, они все кричат во весь голос. Затем Лок убегает, чтобы спрятаться, так как он не хочет видеть ее в это время. Теперь она поворачивается и идет обратно с той же стремительной скоростью, и в это время все девушки, за которыми она посылала, находятся на своих местах, где они танцуют. Земля полностью выровнена, ее выкопали, оставив углубление глубиной около четырех футов и шириной около двадцати футов, с пологим уклоном к центру. Нормал подходит к танцующим и идет дальше в западном направлении вниз по реке, пока не подходит к женщине, которая была Нормалкой до нее, и говорит ей, где повернуть к реке, где она купается, затем поворачивается и идет туда, где танцуют девушки, садится перед ними и призывает их петь громче и танцевать быстрее. Эти модели стоят прямо, двигая тело вперед и назад за счет действия коленей, поднимая сначала одну ногу, затем другую. Нормер следит за солнцем, и когда оно садится и наступает время для всех собраться, она встает на колени и приказывает танцорам петь громче и танцевать быстрее, после чего они двигаются очень оживленно. Нормер - абсолютная правительница своего народа, поскольку она - дитя собственной чистоты Бога. Затем идет Лок с Лок-ни, вплотную за ним, и третьим идет мальчик Чарра с той же корзиной, которую Нормер оставил у шеста и которая теперь полна воды, и когда Лок подходит к Нормер, все девочки падают и нависают над Нормер, затем Лок и Лок-ни опускаются над ними, затем мальчик, у которого корзина с водой, опускает руку и подбрасывает корзину, воду и все остальное как можно выше в воздух, и вода обрушивается на них ливнем. Когда мальчик подбрасывает корзину с водой в воздух, он и все мальчики опускаются на

остальных, нависая над Нормером, как пчелиный рой над маткой. Это делается для ее защиты, потому что сейчас приходят все работники, у каждого в руках длинный шест, к верху которого привязаны ленты из коры и причудливые резные индейские трубки, сделанные мальчиками, и когда они подбегают, они образуют полукруг вокруг кучи, позволяя длинным тяжелым шестам с грохотом падать на них, что делается так быстро, что очень трудно разглядеть, как это делается, и так же быстро вся куча поднимается с этого места и выстраивается в четыре ряда для следующего хода. В это время, если Нормер была достаточно глупа, она могла приказывать каждому мужчине, женщине и ребенку лечь на живот и обходиться без еды еще двадцать четыре часа, поскольку все должны подчиняться ее командам, какими бы они ни были. Теперь строительство рыбной плотины завершено, и все расходятся по своим лагерям. Нормер идет в сторожку с Лок, в то время как Лок-ни достает и относит ей первого лосося, выловленного из рыбного водоема, и Лок-ни отрезает от середины этого лосося столько, чтобы хватило ей на ужин, в то время как никто другой не может есть лосося до следующего дня. Теперь все замолкает на час, поскольку все они ужинают. Затем сначала один, потом другой начнут интересоваться Нормером и ее здоровьем. Теперь все зависит от Нормал, если она достаточно сильна, она спокойно выходит и убирает землю в тот же вечер, но если слишком устала, она откладывает это до утра. Составив свои планы, она затем отдает приказ запереть дверь, а он, в свою очередь, раздает ее людям и им всем начинайте готовиться. После того, как Нормер очистила землю, она разводит небольшой костер прямо перед танцующими и кладет на него корешки благовоний, затем, когда танцоры подходят и занимают свои места, она сидит там с распущенными волосами, падающими по обе стороны лица, с бусами на шее и на груди, на ней белое платье из оленьей кожи, отделанное бисером и ракушками, все это сделано ее собственными руками, поскольку мы используем только наше собственное изделие. Она не использует никаких перьев. Нормер сидит там, образец красоты, придерживающийся учения, которое передавалось из поколения в поколение, что если она, выполняя свои обязанности, потеряет свою добродетель или ослушается какого-либо из законов своего Бога, то за это она будет поражена насмерть. Теперь начинается танец, и это начало танца из Белой Оленьей шкуры. Это место находится примерно в десяти милях вверх по реке от места, где проводятся танцы в шкурах Белого оленя, но они начинаются первыми в этом месте после завершения строительства рыбной плотины. Нормер начинает это здесь, а потом все расходятся по домам, но Нормер, Лок, Лок-ни, девочки и мальчики остаются здесь, Лок и Лок-ни отвечают за рыбную плотину, и все остаются здесь до тех пор, пока рыбная плотина остается нетронутой, за исключением последнего дня танца из шкур Белого оленя, когда Лок зовет их всех и спрашивает, хотят ли они посмотреть это в последний день, если они решат пойти, ни один из них не должен есть в последний день, и все идут вместе и возвращаются вечером, когда все поедят. Теперь все они веселятся со всеми, кто остается на рыбацкой плотине, Лок и Лок-ни ведут их всех в играх и забавах любой природы. Нормер остается с Лок и Лок-ни, но теперь она выходит на улицу, играет, шутит и получает свою долю удовольствия, и все они регулярно питаются. Это место, где устроена рыбная плотина, называется ими Кап-пелл и представляет собой отмель площадью около двадцати или тридцати акров, достаточно высокую, чтобы река никогда не переливалась через нее, и все же она очень ровная. Это красивое место, расположенное на южном берегу реки Клатат. На этом красивом месте есть две деревни, одна из которых - Кап-пелл, которая была очень большой в минувшие века и в которой проживало очень большое количество индейцев. Другая деревня называлась Сай-а и была очень древней, так как именно там располагался домик. Дом, в котором они останавливаются, называется Лах-ва-алт, а дом, где спят Лок и Лок-ни, называется Ур-гирк.

Я скажу белой расе, что мой народ или любые другие индейские племена, насколько я их знаю, не используют имя нашего Создателя при использовании нечестивых выражений, поскольку мы сочли бы позором делать это, даже думать о подобном. Мы никогда не используем священное имя Бога, только в наших молитвах.

Ниже приведены несколько иногда используемых выражений: Ки-мол-лен-а Та-га-ар-а-ва-ма (плохие разговоры) указание правой рукой с растопыренными пальцами на человека и одновременное произнесение: Ву-со-а, означает, что человек плохого происхождения, и он никогда не простит вам этого. Другой: Char-reck-quick-cal-lah и означает: “Я желаю, чтобы ты был в аду”, и за это они также никогда не прощают.

ГЛАВА II.

СОТВОРЕНИЕ МИРА.

В видении индеец своими таинственными глазами

Видит там, в далеких небесах,

Возвышенная сцена прошлых веков,

Это, несомненно, очарует бардов и мудрецов.

На Своем могущественном Троне, высоко в бесконечных небесных сферах, восседал великий правитель звезд и бесконечных небес, Ва-пек-ва-моу (Бог). Вглядываясь вниз сквозь тьму безрадостного и одинокого космоса, Он создал новый мир, землю, на которой мы живем. Сначала он приготовил почву из земли и положил ее в мешок из оленьей кожи. Он открыл мешок и вытряхнул из него землю; она упала в бездну тьмы, и Ва-пек-ва-моу не мог видеть ничего, кроме непроглядной тьмы. Он повелел, чтобы лучи света проникали сквозь ужасную тьму, и чтобы поочередно наступали ночь и день. Солнце, которое светит днем, и луна, которая светит ночью, чтобы нарушить ужасную тишину этого некогда темного и безрадостного мира.

Глядя вниз со Своего высокого Трона, Ва-пек-ва-моу увидел, что созданный им мир был безжизненной пустошью без человеческой жизни или жизни вообще какого-либо рода. Теперь Он начал преображению мира, и вот, некогда бесплодная поверхность земли покрылась зеленью; леса вздымали свои гигантские ветви к небу; текли спокойные ручьи и великие реки вели свой путь к океану.

Первым живым существом, появившимся на земле, был белый олень (Мун-чай-пок). Белый олень бродил по холмам, горам, в долинах и на равнинах. Он был гордостью и достоинством

животного царства. Вот почему индейцы кламат почитают белого оленя, который так дорог их сердцам, и используют его шкуру как символ чистоты на одном из своих величайших праздников или богослужений, которое по-английски называется “Танец из шкуры белого оленя”. На индийском языке это называется “О-пуре-ах-ва”, что не означает танец, а означает один из их самых священных религиозных праздников.

Следующим живым существом, которое Ва-пек-ва-моу поместил на землю, был красный орел Хай-ван-альт, который с тех пор правил как монарх небес. Индейцы очень высоко ценят перья этого орла и используют их на своих великих праздниках. Для украшения своего головного убора они берут одно-единственное перо, закрепляют его в волосах на затылке, укладывая так, чтобы оно стояло вертикально. Они также используют перья белоголового орлана, Пер-гоун-гиш, и серого орла, Пер-гиш, иногда в качестве замены перьев красного орла.

После того, как белый олень и красный орел были водружены на землю, Ва-пек-ва-моу создал всех остальных животных земли. Одни должны были бродить по равнинам, другие - по лесам, одни питаться травой, другие пожирать других животных и т.д.

Ва-пек-ва-моу не дал нашему народу ни одного дня в неделю или месяц в качестве дня поклонения, но дал им определенное время года, в которое они могут проводить свои религиозные церемонии. Этот сезон богослужебных церемоний обычно начинается в сентябре месяце и длится несколько дней. Это время года, когда вода в реках и ручьях спадает меньше всего, и лето почти готово смениться великолепием осени. Это время года называется “Кне-валь-ла-тау”, восьмой месяц в году, согласно нашему способу исчисления времени.

Когда Ва-пек-ва-моу закончил создавать растительную и животную жизнь на земле, Он создал первого настоящего человека. Он создал первого человека из почвы земли и поселил его в прекрасной долине Чик-чик-альт. Эта долина была расположена в далеком северном климате. Когда был создан первый человек и он стал живым существом на земле, Ва-пек-ва-моу сказал ему: “Ты живой человек”. Бог назвал этого человека Хе-куан-нек. Вдохновленный дыханием жизни, Хе-куан-нек впервые увидел дневной свет в этой прекрасной долине солнечного света, цветов, фруктов и трав. Среди растущих трав была трава уолт-пай, у которой раздвоенный корень. Бог увидел, что этому человеку было одиноко в этой солнечной долине, и он не был доволен своей работой. Ва-пек-ва-моу попросил Хе-куан-нек высморкаться, что он и сделал, и немедленно раздвоенный корень, или уолт-пай, превратился в живую женщину, Кей-и-йурн-нак. Теперь человек был благословлен живым спутником, и какое-то время они жили вместе в целомудренной жизни, полной мира и счастья.

Наша традиция передавалась из поколения в поколение на протяжении долгих веков, первое жилище мужчины и женщины было далеко отсюда, в северном климате. Казалось бы, это далекая земля за океаном от североамериканского континента, расположенного в северной части света, которую мы называем Щекастой.

Мужчина и женщина в долине Чик-чик-альт не знали греха, они были двумя чистыми душами в этой долине вечного солнечного света и цветов.

Одиночество двух человеческих существ осенило Ва-пек-ва-моу, и он решил населить землю людьми. Теперь Он заставил Хе-куан-нек и Кей-и-юн-на заснуть, и пока они спали, Он заставил змею проползти по обнаженному животу женщины, что разбудило спящих, и это открыло им глаза на их наготу, и после этого они познали грех. Более тонкие чувства женщины

пробудились, когда она почувствовала глубокое унижение при виде своей наготы, и она начала связывать листья травы Кур-пу-са-гон, из которых сделала фартук, чтобы одеться. Таким образом, первая одежда, которую надела эта женщина, была из листьев этого чудесного растения. Это растение в изобилии растет вдоль нижнего течения реки Клатат и в прилегающих к ней регионах, и маленькие индийские девочки по сей день любят собирать эти листья, натирать ими лицо и руки и носить их на голове под шапочками. Эти листья имеют очень сильный и неприятный запах.

Ва-пек-ва-моу повелел мужчине и женщине выйти и произвести на свет детей. На женщину пало проклятие, что она должна рожать детей с болью, поэтому каждой женщине после нее на протяжении всех долгих веков приходилось терпеть эти лишения. Первые дети родились: одни со светлыми волосами, светлой кожей и голубыми глазами, а другие с черными волосами, смуглой кожей и черными глазами, и когда они женились, у них были черноволосые пары, у других были светлые волосы, и когда они покидали старую землю Щекасто, они были не такими темными, многие из них были светловолосыми и голубоглазыми.

Ва-пек-ва-моу наложил проклятие на змею, чтобы она ползала на брюхе, пока держится земля.

Божьи законы заключались в том, что каждый мужчина и женщина должны вступать в брак и рожать детей. Этих людей учили подчиняться законам и быть честными. Их становилось все больше, пока они не стали очень многочисленными, и в то время все они говорили на одном языке. Со временем их стало очень много, и теперь Ва-пек-ва-моу заставили наш народ, индейцев, отправиться в свое долгое путешествие вдали от родных мест и земли детства, Щека-щека-здоровье. Мы не знаем, как долго, но они странствовали таким образом в поисках новой земли, оставив после себя только воспоминание о старой земле. Земля, которая больше не претендует на свою собственность в жизни, и, подобно народу в изгнании, они скитались по ней.

ГЛАВА III.

КОЧУЮЩЕЕ ПЛЕМЯ.

Из земли Чик-чик-альт, мистического Эдема давних времен, пришло наше кочующее племя людей, которые давным-давно населяли Северную и Южную Америку; ибо все мы - один народ. Среди них были наши лидеры, мужчины, которые носили в своей тайной груди истинное имя Бога. Эти мужчины и женщины, которых на нашем языке мы называем Талт, были Верховными жрецами и великими правителями, правившими нашим народом. Таким образом, мы были одним из племен, которым никогда не правил один вождь, а наши талты, или Верховные Жрецы. Покидая старую землю, талты уносили с собой раздвоенный корень Уолт-пай (корень, из

которого была создана женщина) и стебель этого корня как божественный жезл силы, выносливости и мужества, который использовался как спаситель племени. С его помощью Талты раздавали пищу своим изголодавшимся членам и приносили мир и отдохновение их уставшим телам. Стебель Уолт-пая оставался совершенно зеленым и все это время цвел, и Первосвященники носили его с собой в свои долгие путешествия и многолетние скитания.

В моем младенчестве меня учили всему хорошему и тому, как стать настоящей и благородной женщиной; что на Небесах есть Бог, который правит всеми, и за все время моих исследований я не нашла ничего лучшего. Когда эти последние два члена закончат свое земное правление, вместе с нами погибнет истинное имя Бога для моего народа. Вместе с ним исчезли с лица земли наши истинные индийские законы, наша возвышенная религия, наши рыцарские подвиги, самые богатые, какие когда-либо видел цивилизованный мир. Также наша славная мужественность и женственность; безнравственные, развращенные, пошатнувшиеся, погрязшие и развращенные высшей расой, мы погибли в ту зимнюю ночь переходного периода. Одним ударом наши законы были разорваны на части; отвратительные болезни, которых мы никогда не знали, подавили жизнь и красоту наших физических тел и лишили наш духовный разум низменных страстей. Ядовитый спиртовой напиток воспламенил мозг, унижая достоинство мужчин и женщин, таким образом, как раса, мы погибли. И эта великая земля, самая богатая, которую когда-либо знал мир, земля наших предков на протяжении стольких тысяч лет. Теперь другая раса борется там, где закончилось наше правление. Наши великие правители уже покоятся навеки, увенчанные лаврами славы первобытных эпох, которые ушли в безмолвие. Как нация, подобная древним египтянам, мы состарились и ушли из жизни; мы видели, как великая цивилизация достигла наивысшего расцвета и ушла в другую страну, которую невозможно вспомнить. Сегодня мы видим другую цивилизацию, наделенную собственным великолепием, возвышающуюся над обломками вечных лет.

Мы все одно племя от истока реки Клатат до ее устья, и вниз по побережью до Тринидада (Чори), и вверх по побережью до Уилсон-крик, который мы называем Ахман. Мы подразделяемся на два подразделения и называем себя По-лик-лас вдоль побережья и вверх по реке до Вейчпека, обозначаемого как низшее подразделение нашего племени. От Вейчпека вверх по реке до ее истока мы называем Петч-ик-ла, верхнюю часть нашего племени. Мы в значительной степени вступаем в смешанные браки, у нас одинаковые законы о браке и религиозные церемонии, и все наши традиции и учения одинаковы. Мы называем Бога Ва-пек-ва-моу, что на нашем языке означает "отец всего сущего", и мы рассматриваем Его не как единого, "что было столь характерной аллегорией белого человека, но как Невидимое Всемогущее Существо, которое управляет этой великой вселенной всевидящим оком, Оно повсюду".

Ва-пек-ва-моу - это общее имя, применяемое к Богу, используемое всеми классами нашего племени, поскольку настоящее имя Бога никогда не произносится. Наши первосвященники, рожденные от королевских браков, проходят посвящение в Святой Ложе и получают истинное имя Бога, но они никогда не произносят его за пределами ложи, оно произносится только внутри, после того как они прошли через долгое и тайное причастие, а затем имя произносится только самым тихим шепотом изо рта в ухо. Это истинное имя талты используют только с глубоким почтением к Великому Создателю, в священных ложах и в освященных уединенных местах далеко в горах, куда они отправляются поклоняться в глубоком уединении, вдали от взглядов любопытных людей. Наша религия была слишком священна, слишком возвышенным идеалом, чтобы из-за него ссориться, поэтому мы хранили молчание на протяжении стольких

мрачных лет и терпеливо сносили оскорбления в адрес королевского общества как язычников. Это истинное имя Бога, столь же великое, как вселенная, никогда больше не будет произнесено. Говорят, что если это произнести громким и резким тоном, то земля содрогнется, вспыхнет могучим пламенем и исчезнет навсегда. Таким образом, с момента сотворения мира талты передавали нашу религию и традиции со старой земли Чик-чик-алт из поколения в поколение. Долг каждого индийского ребенка - быть благочестивым и поклоняться Великому Творцу. Наша священная религия - О-пур-а-уэй (танец из шкуры Белого оленя), где все члены племен в унисон поклоняются и с большим гостеприимством принимают наших гостей.

В наших воспоминаниях о прошлом мы покинули землю нашего рождения (Чик-чик-алт) много тысяч лет назад вместе с нашими лидерами, Талтами, которым на старой земле было дано истинное имя Бога, и унесли с собой раздвоенный корень, или Уолт-пай. С помощью этого божественного жезла они получали пищу, комфорт и покой в течение долгих лет своих утомительных странствий. После того как мы покинули прекрасную долину Чик-чик-альт, в течение многих лет мы скитались по европейской земле, всегда двигаясь на юг, поскольку наше происхождение происходит далеко на севере. По этой земле мы скитались, как изгнанники, мы не знаем, как долго, возможно, прошли столетия, пока мы не достигли катящихся волн океана. Достигнув этой соленой воды, мы сделали лодки или каноэ и гребли по волнам, пока не достигли противоположного берега, благополучно пересекши пролив. Достигнув этого противоположного берега, на этом новом континенте, мы продолжили наши утомительные годы странствий, все дальше, все дальше по этой земле, всегда направляясь на юг, как и раньше. Мы пронесли память через долгие века об опасностях крайнего севера, об огромных айсбергах, о царственных монархах Севера, которые плыли ночью, как корабли-призраки, по морям страны грез, великолепие северного сияния мерцало над заснеженными полями, и через эту страну полуночного солнца прошли наши отважные предки. В этой стране замерзшего Севера остались некоторые из нашего народа, эскимосы; им дали язык, когда они отделились от нашего крепкого племени и эмигрировали по заснеженным полям и с тех пор давным-давно населяют страну вечных льдов и снегов.

Наше племя часто уставало от путешествий, становилось очень недовольным и часто ссорилось между собой. Талты остановились бы, услышав столько ропота, и построили бы ложу, где их члены проводили бы собрания и возносили бы поклонение Богу, чтобы Он направлял их правильно, наделял их силой нести мир среди своего народа, утешать их в их нуждах и давать им пищу. После собрания ложи и молитвы Талт приказывал жезлом Уолта накормить своих людей. Еда доставлялась им в виде желудевого теста, из которого они пекли хлеб или пилинги. Индейцы никогда не увидят, как пила падает на землю, но они найдут ее там, где Талт велел им искать, и каждый будет вынужден собрать свою собственную, иначе они останутся голодными. Пока они стояли лагерем в одном и том же месте, поп-пила приходила к ним, но когда они сворачивали лагерь и отправлялись дальше, поп-пила перестала приходить, и племя сильно проголодалось и снова начало ссориться. Талты остановятся после нескольких дней усталости и голода и построят другую ложу, где их члены будут молиться в священном святилище. После богослужения снова подавалась еда в виде желудевого теста, приготовленного с помощью жезла Уолт-пэй. Иногда Талты покидали лагерь на несколько дней, в течение которых люди становились очень беспокойными и недовольными, и некоторые из людей пытались выполнять обязанности Талтов в их отсутствие, а некоторые из них молились солнцу, некоторые звездам и другим идолам. Талты были бы очень унижены по возвращении, обнаружив, что их народ настолько развращен в своем богослужении, и потребовалось бы много добросовестной

работы, чтобы снова установить среди них мир и порядок. Талты сажали траву Уолт-пай в местах своих остановок во время своих путешествий, и она легко пускала корни и росла, почти на каждой остановке оставались какие-то из наших людей, и Бог давал им язык; они постоянно населяли эту местность и распространялись на другие местности, в то время как наша часть народа путешествовала дальше, пока не достигла своего последнего земного дома на реке Клатат, которую мы называем Health-kick-wer-roo, и здесь мы нашли белую расу (Wa-gas), о которой будет рассказано в другой главе. Таким образом, мы путешествовали по огромному континенту, оставляя позади в местах наших остановок часть нашего народа, которому были даны другие языки. Так смешались наши языки среди племен Америки, и наши племена стали многочисленными, будучи рассеянными по земле полуночного солнца, по вечному льду и снегу, по континенту Северная Америка до экватора и областей вечного солнечного света; и за экватором, по континенту Южная Америка до его самых дальних южных границ, где мы снова сливаемся с областями льда и снега, наши племена были рассеяны. На этой великой земле мы все - единый народ, однако некоторые из наших племен намного превосходили другие. Мы не знаем, сколько веков мы странствовали, или когда мы достигли места нашей последней остановки на реке Клатат и где мы решили, что наше долгое путешествие должно закончиться, и что мы сделаем это нашим последним домом. Деревни Ва-тек, Ва-кер-рах, Кор-теп и Пек-ван были одними из наших первых кемпингов на реке Клатат. Здесь мы разбили наши лагеря и построили наши первые дома давным-давно, и жили в них, и поддерживали их в ремонте из поколения в поколение. Некоторые из этих первобытных домов все еще сохранились в этих старых деревнях, пропитанных романтикой веков и вдохновляющей историей прошлых эпох. По нашему первому прибытию здесь было очень много наших людей, и мы начали разделяться по разным деревням и селиться вдоль реки Клатат и вниз по побережью до Тринидада (Чо-ри) и вверх по побережью до Уилсон-Крик (Ах-ман). Другие племена были расселены Вах-пек-вах-моу по разным местностям, чтобы все люди могли прокормиться вдоволь дичью и едой и чувствовали себя комфортно.

Талты сохранили Уолт-пай в память о сотворении Богом женщины и их путешествиях и установили его в нескольких избранных местах в одиноких горах. Все индейцы талта знают, где растет эта чудесная трава, но с течением веков она также исчезает, поскольку осталось всего несколько индейцев, которые знают, где ее найти. Вместе с ними навсегда исчезают священные обряды и законы древнего народа, а первобытное искусство становится достоянием мистических эпох.

ГЛАВА IV.

ТРАДИЦИИ ДРЕВНИХ БЕЛЫХ ЛЮДЕЙ.

КОГДА индейцы впервые появились на реке Клатат, она уже была населена белой расой людей, известной у нас как Ва-га. Оказалось, что эти белые люди населяли весь континент и были

высоконравственной и цивилизованной расой. Они сердечно приветствовали индейцев в своей стране и научили нас всем своим искусствам и наукам. Индейцы признали права этого древнего народа как первых владельцев земли, и между этими двумя народами никогда не возникало никаких трудностей. Их гостеприимство было чрезвычайно щедрым для благополучия нашего народа, и все они процветали вместе в мире и счастье, в своем стремлении к человеческому существованию. Через некоторое время между двумя расами были заключены браки, но они никогда не были беспорядочными. В течение длительного периода времени две расы жили вместе в мире и почитаемых семьях, войны и ссоры были неизвестны в этот золотой век счастья. Никакие грабежи никогда не совершались в отношении собственности их народа, поскольку белые люди правили с маяком доброты, и наш народ до сих пор поклоняется священным местам, по которым когда-то они ступали. Их мораль была намного выше современных белых людей, их идеалы были высокими и вдохновляли наш народ на величие. После того как мы так долго прожили с этими древними людьми, они внезапно создали своих хозяев и таинственным образом исчезли в далекой стране, мы не знаем, куда. У нас нет никаких воспоминаний об их причинах, по которым они покинули свои древние дома, где жили неисчислимые столетия. Войны не гнали их вперед, ибо мы любили их больше, чем братьев, и между этими двумя народами не было никаких трудностей. Уходя, они направились на Север, откуда мы пришли, и исчезли с нашей земли за северными морями. Это было печальное прощание, когда они покидали эту землю, потому что наш народ оплакивал их потерю, поскольку мы больше не находили таких друзей, как они, таких верных и преданных. В своем прощальном путешествии по этой земле они оставили отметины в виде каменных памятников на вершинах высоких гор и в местах, откуда открывается вид на окружающую страну. Эти ориентиры мы хранили в исправности на протяжении веков в любящей памяти. Я сам видел многие из этих отметин (и часто чинил их), которые они оставили как символ мистических эпох и величия могущественной нации, ушедшей за один сезон. О, как мало мы знаем о глубинах ушедших веков, как широки, как глубоки знания, которые мы ищем; каменный памятник, каменная чаша, сломанный символ, освященное неизвестное место, обитель руин - все это создает золотую страницу, сверкающую бриллиантами, которая наполняет эмоции таинственным стремлением к истине и свету в неизведанных глубинах.

Когда ваг-ас покинули эту землю, они заверили мой народ, что когда-нибудь вернутся к ним. Возможно, с тех пор прошли тысячи лет, а они так и не вернулись, мы напрасно ждали, ибо, похоже, наши заветные надежды тают. Однако некоторые из наших людей все еще надеются на возвращение белого человека. Переданные традиции заставляют нас поверить, что Ва-га вернулись в страну своего рождения, на крайний север, в долину Чик-чик-алт, поскольку их традиции были переданы нам, что их происхождение было в той же самой стране Чик-чик-алт, поскольку они пришли с Севера, когда пришли в эту землю. Когда Ва-гасы впервые прибыли на этот континент, они передали нам предания о том, что когда они впервые пришли, он был населен гигантской расой людей. Ва-гас представляли этих гигантов очень смуглыми, и они пользовались орудиями труда таких размеров, что ни один обычный человек не смог бы их поднять. Это была эпоха, когда по земле бродили крупные животные, и, похоже, все птицы были очень больших размеров. Похоже, что это была первая эпоха, и это была эпоха гигантов. Воспоминания, переданные Ва-га, заключались в том, что эти гиганты были очень жестокими и порочными. Было сказано, что Бог был недоволен ими и уничтожил их, и все они исчезли с лица земли. Также было сказано, что Бог явился Верховному Жрецу Ва-га и сказал им, что он собирается уничтожить расу гигантов и что сами Ва-га выживут на земле как новый народ.

Более мелкие птицы и животные появлялись на земле для использования человеком, так закончилась эпоха гигантов, но Ва-га не передают никаких преданий о том, как они исчезли с лица земли, поскольку мой народ не помнит, чтобы когда-либо видел гигантов. Моя мама говорит, что наш народ в древние времена видел множество реликвий, принадлежащих этим доисторическим гигантам, таких как огромные каменные чаши, каменные плиты и другие орудия труда, настолько огромные, что наш народ не мог их сдвинуть. За века дождей и размывания земли эти орудия были зарыты так глубоко и погрузились в землю, что именно по этой причине мы не можем найти их сегодня. Индийское название расы великанов - Пах-пел-эне, что означает людей, которые все умерли и ушли из жизни.

Предполагается, что когда Ва-га вернулись в Чик-чик-алт, они нашли лестницу в этой прекрасной долине, которая простирается от земли до Небес, и поднялись по ней в Версе-он-сейчас (Небеса), где они обитают с Богом. Все метисы, за исключением нескольких, ушли с Ва-га, и почти все те, кто был на три четверти индейцем, остались с нашим народом. Говорят, что именно по этой причине некоторые из наших людей очень справедливы. Некоторые индейцы все еще надеются на свое возвращение на землю, и считается, что, когда они вернутся, мир и счастье снова воцарятся на этой великой земле и все зло будет изгнано. Когда нынешняя раса белых людей впервые появилась на американском континенте, мы поверили, что это возвращаются Ва-га, и им был оказан сердечный прием, и среди наших племен царила великая радость. Но вскоре, к нашему сожалению, была обнаружена печальная ошибка, когда мужчины начали развращать наших женщин, поить наших мужчин виски и претендовать на нашу землю, на которой наши предки жили столько тысяч лет, но ни одна семья никогда не была изгнана из своего дома на реке Клатмат до сих пор. Мы больше не называли их Ва-га, а Кен-и-ях, что означает чужеземцев, которые не имели права на землю и никогда не могли оценить нашу доброту, потому что они были совсем другим народом, чем Ва-га. У них была развращенная мораль, которая привела к разложению нашего народа и вызвала ужасы неисчислимого опустошения.

Когда индейцы впервые достигли реки Клатмат, там были обширные прерии и поросшие травой участки земли, которые с тех пор поросли лесом и кустарником. Многие прерии ежегодно подвергались пожарам в засушливые сезоны, что не позволяло древесине расти очень быстро.

Река Клатмат впадала в океан у Уилсон-Крик, примерно в шести милях к северу от того места, где она сейчас впадает в океан у Рек-уоя. Между рекой и океаном на всем пути от Рек-уоя до Уилсон-крик были высокие скалистые обрывы, которые удерживали реку в ее русле до Ахмана (Уилсон-крик), где она впадала в океан. Говорили, что река сохраняла это русло до тех пор, пока наш Христос не расколол могучие скалы и воды реки не устремились к океану в Рек-вое, где с тех пор она и впадает в океан.

Передаваемые традиции гласят, что земля к северу от Редвуд-крик, где она впадает в океан, простиралась далеко в море до большой скалы, которая теперь известна белым людям как Реддинг-рок, которую постоянно размывало, в результате чего эта скала выступает из океанских глубин, и ее можно увидеть на многие мили над окружающей территорией суши и моря. Эта скала расположена на расстоянии около десяти миль от берега и называется индейцами Са-куан-оу. Это название в переводе на английский означает пестик для желудей, камень конической формы, вырезанный из гранита и используемый для измельчения желудей и семян

трав в тончайшую муку. Давным-давно Реддинг-рок возвышался над океаном на огромную высоту и издали казался огромным Са-куаном, или пестиком, отсюда и его название. После веков эрозии массивная скала оказалась окруженной водой, и отступающие утесы оставили ее в одиночестве в океане, где большая ее часть раскрошилась и ушла под волны, как это видно сегодня. Индейцы до сих пор называют его Са-куан-оу.

С момента нашего прибытия в эту страну русло реки Клатат почти не изменилось, за исключением ее устья. В старину русло реки было очень глубоким и прозрачным и гораздо уже, чем сейчас, и большие полосы аллювиальной почвы образовывали ее берега, на которых росли пышные травы, и на этих низинах в зимние месяцы паслись большие стада оленей и лосей, спускавшихся с покрытых снегом гор. Руслу крупных ручьев и притоков реки, таких как Блу-крик, (Ур-нер) Тек-тах и Пек-ван, практически не изменились, поскольку они по-прежнему впадают в реку в тех же местах. Там, где река Тринити впадает в реку Клатат, за прошедшие века она практически не изменилась, как и было передано нам.

У нас нет сведений о сильных землетрясениях в наших регионах, но время от времени на протяжении веков происходили небольшие толчки. У нас нет рассказов о каком-либо серьезном ущербе, когда-либо причиненном землетрясениями, и наш народ никогда не испытывал страха перед подземными толчками. Но мой народ рассказывает о огромных приливных волнах, которые захлестнули нашу страну. Говорят, давным-давно один из них пронесся вверх по реке Клатат до устья реки Тринити, на расстояние более сорока миль, и нанес большой ущерб, поскольку смыл дома, и тысячи наших людей утонули и были унесены катящимися волнами океана, от нашего племени осталось так мало людей, что они были почти истреблены. Множество более мелких приливных волн прокатилось по побережью, где разрушения были не столь велики.

Они рассказывают об эпидемиях, которые поднялись вверх по реке и лишили нас жизни, тысячи наших людей скончались бы за один сезон; они умирали бы так быстро, что их нельзя было бы похоронить, и многие тела были бы выброшены в реку. Единственный способ, которым мы могли уберечь все племя от полного опустошения этими ужасными болезнями, состоял в том, чтобы бросить мертвых, покинуть реку и вернуться в высокие горы, где мы построили дома из коры и оставались до тех пор, пока снег и холод не вынудят нас снова отступить в низины. В нашем горном доме мы питались дичью, ягодами, кедровыми орехами, кореньями и травами. Некоторые из наших людей испытывали бы такой ужас перед смертельными болезнями, что отказывались бы возвращаться в свои дома и выдерживали бы жестокие штормы холодной зимы до тех пор, пока не убедились бы, что все опасности миновали. В наших традициях прошедших веков многие из этих эпидемий почти опустошили земли, на которых жили люди. Говорили, что во время одного из таких случаев заражения дети спускались к реке купаться и ложились рядами от шести до двенадцати человек на песок, как будто они были живыми и были положены туда заботливыми руками; но они были в вечном сне, так как инфекция настигла их.

ГЛАВА V.

ВРЕМЯ И ИМЕНА.

У нас есть десять месяцев в течение одного года и четыре сезона следующим образом:—

1-й месяц: Кау-ча-ведьма.

2-й месяц: Нан-а-моча.

3-й месяц: Начк-са-ведьма.

4-й месяц: Чау-на-а-верч.

5-й месяц: Просто-я-рыскаю.

6-й месяц: Каух-чау.

7-й месяц: Шере-вер-сер.

8-й месяц: Восстановление.

9-й месяц: Шер-Мик.

10-й месяц: Богатство-ах-вах.

Пружина: Защелкивающийся ключ.

Лето: Кис-са-но.

Осень: Ка-йок-ка-мук.

Зима: Ага.

Каждый год мы теряем время при подсчете, поэтому начинаем считать или прекращаем считать до тех пор, пока не придет время начать все сначала. Индейцы кламат хороши в счете и могут считать до тысяч. Мы считаем до десяти, а десять сотен равняются одной тысяче. Все наши подсчеты производятся целыми числами; у нас нет дробей. Все женщины должны тщательно подсчитывать при плетении корзин, чтобы узоры получались правильными. У нас есть астрономы, которых зовут Хоу-гетч-нинс, и они внимательно наблюдают за солнцем, которое мы называем Са-chine-wan-now-slay. День мы называем Са-chine; луна, Nas-cha-wan-now-sloy, означает ночное солнце.

Английские имена.	Индийский кламат.
Старуха	Са-пар-в
молодых женщин,	как Юн
девочка	ВВЭР-да

Английские имена.	Индийский кламат.
малыш	Окс
лодке или каноэ	яхта
дом	оч-лам-ilth
прийти в доме	оч-Ла-май
, Как ты мой друг,	я-Я-ки КНЭ-Тор-мер
, или Я	шею
да	в
огонь	Metch
мать	замазывать
отец	Татьяны, или татус
Дед	персик
бабка	Гуч
старик	Ма-мы-мер
юноша	платные girk
большой мальчик	Че-на-мышки
маленький мальчик	может-ва
теща	Ча-выиграть
тесть	пар-ах,
сестра-в-законе	Нетч-нах
шурин	Weitch-тай или тай
дядя	Джим
тетя	инструмент
Кламат Ривер	здоровья-удар-кто-Рой
Редвуд лесоматериалами	Keilth
русалок	Squer-вытачки
кижуч	НЭП-пуоу
Стальноголовый лосось	Squalth
Кинг Салмон	Ах-ПУС
крюк-Билл лосося	Ча-Гун
Гризли	Ник-ведьма
моря или океана	пись-calth

Лысые холмы, которые мы называем Чо-лу, занимают много сотен акров открытой земли, расположенной высоко, откуда можно видеть во всех направлениях, насколько хватает глаз.

В реке Клатат вылавливается еще один вид лосося, английского названия которого я не знаю, но мы называем его Ра-гаук.

В 1850 году мой народ никогда не слышал о современной белой расе, и мы тогда разводили костры из двух поленьев, одного ивового, а другого лиственного.

Мои мать и отец так и не научились говорить по-английски, поэтому я разговариваю с ними только на нашем родном языке.

ГЛАВА VI.

СМЕРТЬ И СТРАНА ДУХОВ.

Есть большая и тихая река, которая течет через темную долину смерти. На берегах этой ужасной и таинственной реки живет старая женщина по имени Се-элт, и она держит рядом с собой большую собаку по имени Чиш-ях (общее название собаки).

Когда умирает индеец, если он вел бесчестную и порочную жизнь, широкая тропа ведет его душу вниз, к берегам реки, к той самой двери, где живет в своем доме старуха. Когда блуждающая душа достигает ее двери, Чиш-ях пытается загнать ее обратно к мертвому телу, но старуха отбивается от собаки, и если ее усилия увенчаются успехом, она берет на себя заботу о несчастной душе и отправляет ее на противоположный берег реки, в тенистую страну бесконечных страданий. Если собаке удастся отбить душу, она возвращается в мертвое тело, где к ней возвращается жизнь и человек снова живет. Это происходит редко и только тогда, когда тело пребывает в состоянии комы и считается мертвым, но через несколько часов выходит из этого состояния и снова возрождается к жизни. Чиш-ях редко бывает успешным, поскольку случай встречается редко. Вот почему индеец никогда не любит ругать собаку или плохо обращаться с ней.

Древние индейцы не любили смотреть на фотографию или делать, чтобы их фотографировали, потому что они говорили, что это отражение или смутный образ ушедшего духа, О-вихря. Им не нравится видеть духов, но они говорят, что часто видели их. Именно по этой причине они отворачиваются от камеры и так сильно возражают против того, чтобы их фотографировали. Часто моих людей высмеивали за их странные поступки, но у них есть причина для каждого из них. Если бы цивилизованный человек только мог уважать доводы и простые пути высшего типа первобытного человека так же, как первобытный человек уважает свою цивилизацию.

Когда дух возвращается в усталое тело, и это тело снова оживает, говорят, что этому человеку предстоит очень несчастное существование. Говорят, что он больше никогда не будет доволен земными вещами. Он очень беспокойный и несчастный, поскольку ничто не может удовлетворить его тоскующую душу, и всегда внезапно встречает смерть.

На берегу этой таинственной Реки Смерти ждет молодой человек по имени Па-га-рик в своем каноэ; он всегда готов принять душу от старой женщины, когда она передаст ее на его попечение. Его каноэ по форме и размеру похоже на земные индейские каноэ, за исключением того, что, если внимательно присмотреться, на носу всех каноэ в центре, примерно в трех футах от носа, имеется выступ, который является сердцем, и, как говорят, от него зависит жизнь лодки. Кроме того, каноэ, которым пользуются индейцы, обожжено изнутри и снаружи и отполировано до блеска. Каноэ, которое Па-га-рик использует для переправы душ, не обожжено, не отполировано и не имеет сердца, поэтому его называют лодкой мертвых, мермма. В старину ни один индеец не отважился бы выйти в лодке по воде, в которой не было сердца, поскольку говорили, что она безжизненна и обязательно утонет или с ней случится какое-нибудь несчастье. Здесь, на земле, мы называем наше каноэ "Яч".

Се-элт [ТН: жив?] как раз на берегу этой темной Реки Смерти, Чар-рек-квик-уэррой, где она забирает души у собаки. Она относит его к кромке воды и отдает мужчине в мертвой лодке. Он берет душу в свое каноэ, везет ее по этим безмолвным водам, ужасной тишине, ужасному страху смерти. Когда каноэ, Мерммо или Ни-гирк, с любым именем, касается противоположного берега, По-га-рик забирает душу, о-вихрь, и отправляет ее в изгнание, изгнание без конца или примера в истории, и оставляет ее в дикой местности. В этой дикой местности сыро, царит постоянный мрак, вечно плывут темные и страшные тучи, вечно завывают холодные ветры, возвещая адские муки.

В этой ужасной дикости души осужденных мужчин и женщин питаются горькими ягодами, горькими травами и кореньями и не могут умереть. Они никогда не жили впустую на земле, поэтому они могут ждать смерти, поскольку души никогда не умирают. Эти несчастные души с начала времен, и я думаю, что это время печально и тяжело на протяжении всех утомительных эпох, поскольку они блуждают, святоша, стена, рыдая и причитая, скорбя без конца и испытывая боль, сильную боль, которой нет конца. Таким образом, Ва-пек-ва-моу, Великий Бог считал нужным наказать своих непутевых детей до судного дня.

Се-элт, эта старая женщина, - сатана моего народа, Чиш-ях, собака, - наш Ангел-хранитель. Эта старая женщина - наша злодейка, которая всегда пытается сбить индейцев с пути истинного. Она незримо витает вокруг них при жизни, выискивая их слабые места, чтобы направить их по дурному пути и оправдать свои жестокие желания после их смерти, уводя их души по широкому пути в пустыню страданий. Опасаясь ее силы, опасаясь Несчастной Страны, индейцы из всех сил стараются жить простой и мирной жизнью и никогда не ссориться из-за своей религии.

Несчастные души, изгнанные в пустыню страданий, не ссорятся друг с другом, поскольку они слишком несчастны в своих собственных страданиях, чтобы беспокоиться о других.

Индеец, видящий несчастную страну, пытается жить простой и честной жизнью, рядом с природой и Богом своей природы. Однако нет ни одного племени, которое было бы хорошо охраняемо, но некоторые, а иногда и многие, сбиваются с пути праведности и оказываются уведенными в пустыню страданий своим жестоким сатаной Сайелтом.

Мой народ верит, что когда-нибудь у них появится шанс возродиться, так что многим из них будет предоставлена возможность возместить зло своих прежних жизней и получить шанс жить хорошей чистой жизнью в своем втором рождении. Таким образом, Бог предоставил им возможность, когда они снова умрут, они будут вознаграждены тем, что отправятся на Небеса,

прямо сейчас. Однако, если те, кому дана возможность спастись, не живут целостной жизнью после своего второго рождения, они отвергаются и уничтожаются навсегда.

У индейцев, которые всегда вели честную жизнь на земле, после смерти их душа или призрак отправляется по узкой и извилистой тропе, которая уводит душу на север, в страну, далекую от их родных мест. Говорят, что этот далекий северный край является древней землей Здоровья Щек, где дух находит лестницу, которая ведет с земли на Небеса. Когда дух поднимается по лестнице на Небеса, он достигает Бога на том бесконечном берегу, где он вечно пребывает в цветущих полях света, странствуя вместе с Учителем в мире и любви и присоединяясь к духам тех, кто ушел до них.

Можете ли вы, христиане, понять, почему мы так доброжелательно относимся к вашей собственной вере? И все же мы думаем, что наша самая совершенная, а вы называете нас дикарями. Мы любим нашего Бога почти сродни печали и всегда готовы к молитвенному подношению, будь то в полдень или в часы тихой ночи. Индеец, при всей его дикости, никогда не смог бы хулить священное имя своего Создателя в построенных человеком домах или в своей повседневной жизни, поскольку он - дитя природы, сродни Богу природы, что Божественное Существо является маяком его души, указывающим ему жизнь за пределами могилы, на цветущие поля света и любви, на этот бесконечный берег, к славе Небес.

Индеец на протяжении долгих веков своего варварства боролся с окружающей средой варварского человека. В своей детской натуре он учил своих сыновей и дочерей быть добрыми, смелыми, самоотверженными, трудолюбивыми и, прежде всего, обладать честностью, которая не подлежит сомнению. Отцы, братья и двоюродные сестры охраняли матерей, дочерей и сестер, чтобы ни одна из них не впала в постыдную жизнь из-за страстей коварных людей. Женщина явно была защитницей своей расы, ее любили как непритязательное создание, подарившее расе здоровых и энергичных мужчин. Но, ах, печальный звон, приближение цивилизованного человека и его сокрушительная рука разврата к горю нашей расы, и наши законы давным-давно разрушены, а вместе с ними и наша истинная религия, наша жизненная сила, все наше. Из мрака печальных лет, поднимаясь разрозненными остатками, которые, подобно детям Израиля, жили без страны в течение многих утомительных столетий, мы боремся за то, чтобы снова обрести свою собственную. Свобода поклоняться Богу по-своему и иметь возможность стать гражданами этой нашей собственной славной страны.

Когда родился незаконнорожденный ребенок, мать и дитя жили в опале и после смерти никогда не смогли достичь Царства Небесного, но прошли ту широкую дорогу, которая ведет в пустыню, будучи навсегда потерянными. В течение их жизни к матери всегда обращаются как Кав-хоу, это имя всегда напоминает ей о ее позоре, каждый раз, когда к ней обращаются, а ребенку всегда напоминают о его незамужней матери. Иногда несчастная мать может выйти замуж, но она всегда известна как Кау-хоу, пока жива, и не может взять фамилию мужчины, за которого выходит замуж.

Те, кто искал бессовестных драк, были низки и опозорены, все они прошли после смерти широкую дорогу к сатане, и им никогда не давали возможности отправиться в Версе-он-сейчас. Есть много несчастных душ, которые прожили напрасную жизнь на земле только для того, чтобы попасть в Страну Духов, пустыню страданий.

В браке жена берет фамилию мужа, а муж - фамилию жены, точно так же, как происходит обмен именами и фамилии передаются из поколения в поколение. Это делается путем присвоения имени дочери, сыну, двоюродному брату и т.д. либо по имени матери, либо по имени отца с обеих сторон семьи. Иногда поколение вымирает, и от близких родственников не остается никого, в этом случае они иногда дают имя близкому другу, и этому обычаю больше следуют знатные семьи. Например, несколько лет назад в деревне Пек-ван жил старик, его звали Та-пу-сен. Он умер около тридцати лет назад, и на момент написания этой статьи в деревне Кор-теп живет мужчина средних лет, который принял его имя после его смерти, и всем он известен как Та-пу-сен. В настоящее время живет довольно много индийцев, которые взяли имена умерших родственников или друзей. Покойный был похоронен по крайней мере на один год, прежде чем кто-либо взял его или ее имя.

Индейцы кламат очень предубеждены против того, чтобы кто-то лишал себя жизни. Они смотрят на этот поступок свысока, и если кто-то покончит с собой, что мы называем o-motch-ser-mer-yer, у них не будет шанса спастись, и они пойдут по широкой дороге, которая приведет к старухе, и она отдаст их мужчине в лодке, и он заберет их и оставит в пустыне, где они будут жить в нищете до судного дня, а затем будут уничтожены навсегда, поскольку для них не будет спасения, и на семью будут смотреть свысока на протяжении многих поколений и будут сдерживаться в принятии участия в любых своих социальных функциях. Товарищи по играм будут сторониться детей. Индеец редко совершает самоубийство и избегает саморазрушения, желая, чтобы какое-нибудь дикое животное растерзало его, пока он спит, и о таких случаях они рассказывают несколько очень странных и трогательных историй. Там была девушка, похищенная диким животным, о которой упоминается в другой главе. Другим был молодой человек из хорошей семьи, принадлежащий к деревне Печ-ван, и он хотел жениться на девушке из высшего сословия. Молодая женщина отказала ему, и это чуть не разбило ему сердце, поэтому он вернулся в горы в полном одиночестве и там занимался ловушками и охотой, пока не накопил огромное количество ценных мехов и других вещей и не пробыл там несколько лет, когда вернулся к себе домой. Он так и не женился и дожил до глубокой старости, и все дети называли его дедушкой. Когда он состарился, он также ослеп, но все дети любили его, и любой из них всегда был готов повести его туда, куда он хотел пойти, а он всегда был готов благословить молодоженов и новорожденных младенцев. Он всегда хотел побывать там, где родился новорожденный ребенок. Этот старик подметал и содержал в чистоте деревню, вплоть до ручья и реки, ощупывая и подметая весь день напролет, а когда он уставал, кто-нибудь из детей отводил его домой, и таким образом он доживал до глубокой старости. Так что именно так все и должно было бы происходить в соответствии с их верой в загробную жизнь. Индеец-кламат никогда бы не покончил с собой, если бы был какой-либо способ предотвратить это из-за стигматизации, которую это наложило бы на семью.

Индейская могила Кламат глубиной около двух с половиной футов. Они берут доски из красного дерева или дугласовой ели, которые укладывают в продолговатый квадрат, поскольку они никогда не прибивают и не скрепляют доски вместе. Укладывая одну широкую доску на дно и доски с каждой стороны с короткими, подогнанными по концам, гроб готовят к приему трупа.

В момент смерти тело омывают ветками полыни, опущенными в корзину с водой, и растирают по всему телу, ни в коем случае не позволяя своим рукам прикасаться к телу, если этого можно избежать. После омовения тела таким образом его облачают в обычную одежду и подготавливают к погребению, заворачивают в одеяло и кладут на широкую доску, где

оставляют на двадцать четыре часа. После того, как он был разложен, друзья и родственники собираются вокруг него в молитве, и распорядителю похорон вручается большой пучок знаменных трав, который он берет в руку и держит над пламенем костра, чтобы разжечь, и с горящими травами он стоит над телом, размахивая ими взад-вперед, посыпая тело падающим пеплом. Это последнее благословение, данное с торжественной молитвой, такое же, как помазание тела святой водой.

Индейцы выносят труп из дома (причины объясняются в другой главе), проделывая отверстие в стене слева от двери, через которое они выходят, поскольку они никогда не выносят труп через дверь. Личные вещи и постельное белье, а также посуда, которой он пользовался во время болезни, выносятся через это отверстие после выноса тела, и все это сжигается в большом костре, разведенном снаружи дома.

С большой церемонией и трауром тело выносят из дома на той же доске, на которой оно было положено. У могилы они освобождают труп от одеяла, одежду разрезают спереди, тело снова обмывают, на этот раз без снятия одежды. Эта заключительная ванна представляет собой раствор корней Хо-мон-на, измельченных в порошок и затем помещенных в корзину с водой. Этот кустарник или растение сильно отличается от полыни горькой, и оно считается одной из лучших трав для окуливания и дезинфекции. После завершения омовения тело снова заворачивают в одеяло и осторожно опускают в могилу. Распорядитель похорон, как и прежде, сжигает над телом пучок травы-флага, позволяя пеплу осыпаться на останки. Предметы, которые они хотят положить в могилу вместе с телом, кладутся в могилу, а доска, на которой выносили тело, вставляется в верхнюю часть гроба в качестве верхнего покрытия. Три или четыре человека принимают участие в качестве носильщиков покрывала в переноске тела к могиле. Тело кладут головой прямо на запад, как говорится, когда наступит судный день, все индейцы встанут из своих могил лицом к восходящему солнцу, и те, кто достоин, восстанут во славе к великолепию славы Небесного Отца наверху.

В эту могилу кладут малоценные вещи, обычно принадлежащие умершему. Когда в могилу кладут ценные вещи, ее разбивают, что снижает ценность предмета.

Гроб засыпают землей, и после того, как это сделано, берут два камня примерно восемнадцати дюймов в длину и двенадцати дюймов в ширину, один кладут в изголовье, а другой - в изножье могилы. Поверх камней, прямо посередине могилы, кладут еще одну широкую доску около шести футов в длину и восемнадцати дюймов в ширину. С каждой стороны этой доски посередине вбиваются колья, и веревкой индийского производства доску привязывают к кольям, чтобы ее нельзя было снять без некоторого труда. После того, как это было завершено, вокруг могилы насыпают немного сухого песка и полностью покрывают ее по бокам широкой доски, это делается для того, чтобы индейцы могли сразу обнаружить, не осквернил ли кто могилу. Причина, по которой индейцы всегда устраивают свои кладбища рядом с деревней или жилыми домами, заключается в том, чтобы держать диких животных подальше от могилы. Иногда скорбящие ставят на могилу большие корзины, иногда две, а часто и гораздо больше, определенного количества нет. Их переворачивают вверх дном, прижимают вплотную к краям доски и кладут на землю вокруг могилы. Эти корзины закрепляют, вбивая в землю кол, протыкающий их середину. Поверх доски кладут тарелки-корзиночки, также корзиночки из желудей. Вокруг могилы делают частокол, вбивая частоколы в землю, вокруг них привязывают крепкую ветку орешника примерно на двенадцать дюймов ниже верхушек. Посередине между

изголовьем и подножием могилы в землю вбивается прочный столб, который стоит намного выше вершушек частоколов. К этим столбам крепится или привязывается поперечная балка, на которую вешается несколько оленьих шкур. Эти шкуры выделывают целиком, оставляя шерсть, а туловище и голову набивают сорняками. Голова приподнята почти перпендикулярно туловищу, а ноги оставляют свисать прямо вниз. Часть одежды, которую носил покойный, также повешена на эту перекладину, что представляет собой настоящую демонстрацию и наводит на мысль, что в могилу также было положено много ценных вещей.

Во время и после завершения похорон все близкие родственники умершего плачут и завывают заунывные песни, прощаясь с ребенком или вспоминая о том, в каком родстве они были с покойным. Скорбный вопль индийского плакальщика настолько пронзительно печален, что окружающие небо и земля, кажется, плачут вместе с теми, кто скорбит.

После завершения погребальных обрядов те, кто принимал участие в погребении, идут в семейную парилку, где они полностью омывают свое тело водой из корзины с раствором хо-мон-на и потеют в парилке. После этого они все идут к реке, прихватив с собой корзину с раствором, и купаются с ним в реке. По возвращении в дом все они переодеваются, кроме того, кто вырыл могилу, и он надевает ту же одежду и носит ее еще пять дней, прежде чем освободится от погребальных обрядов. Теперь его обязанность состоит в том, чтобы разжечь костер, который он поддерживает примерно пару часов каждый вечер у подножия могилы. Этот костер разводят в промежутке между часами, когда отбрасываются первые длинные тени и сумерки сгущаются в ночную тьму. Они говорят, что мерцание огня мешает им увидеть О'квирла, дух усопшего, который, как говорят, витает над могилой и вокруг дома в течение пяти дней после смерти. По истечении пяти дней дух отправляется либо на Небеса, либо в пустыню, в зависимости от того, какую жизнь прожил умерший. Друзья и родственники умершего будут плакать, стенать и молиться, чтобы его дух отправился узкой дорогой в старую землю, Щека-щека-здоровье, где он найдет лестницу и поднимется на Версе-он-сейчас (Небеса). Иногда злейший враг умершего молится и надеется, что ушедший дух отправится по дороге в Сайелт, где она передаст его человеку в мертвой лодке, где он переправит дух через реку и изгонит его в пустыню.

Свет костра мешает индейцам увидеть дух, когда он покидает могилу, поскольку они никогда не желают видеть духов. Однако они утверждают, что, несмотря на их осторожность, индейцы иногда видят дух. Они говорят, что когда он покидает тело, он выглядит как теневой образ уходящего человека. Они утверждают, что фотография напоминает дух умершего, а старые индейцы никогда не хотят смотреть на нее, поскольку они никогда не хотят, чтобы им напоминали об этом духе.

Стены и пол комнаты, в которой жил человек, ежедневно протираются раствором хо-мон-на, также вся мебель, находящаяся в комнате, очень тщательно обрабатывается в процессе дезинфекции и выдерживается в таком состоянии в течение пяти дней, пока не уйдет дух. Семья живет в той же комнате, что и обычно, но у могильщика Ка-ма-тау есть своя отдельная кровать в комнате. Он готовит для себя небольшую доску, на которой его блюда подаются отдельно от семьи, и ужинает сам. Утром пятого дня он встает раньше обычного, делает метлу из веток дугласовой ели и аккуратно подметает пол в доме. Он сжигает корни хо-мон-на, которые окулируют дом, и раствором, приготовленным из того же растения, моет пол и в последний раз проверяет все деревянные работы в доме. Закончив с этим, он собирает все вещи, которыми

пользовался в течение пяти дней, корзины с раствором, свой маленький дощатый столик и т.д., и относит все это в парилку. Здесь он берет раствор и моет руки и все тело, а после того, как он закончил купание, он относит корзины и одежду, которые он носил, на холм подальше от реки, в заросли и вешает все это на маленькое дерево, где оставляет их разлагаться. Затем он возвращается и тщательно обливается потом, после чего ныряет в реку и выходит очищенным от любой отвратительной болезни, которой он, возможно, заразился, когда обращался с мертвым телом.

Индейцы находят или нанимают любого, кто готов провести похороны, поскольку необязательно быть родственником или даже хорошо известным другом семьи.

В течение пяти дней отверстие в доме, откуда было вынесено мертвое тело, остается открытым, поскольку семья и друзья никогда не пользуются обычной дверью дома и не приближаются к ней в течение этого периода. По истечении пяти дней отверстие в стене плотно заделывается, не оставляя никаких следов того, что в стене когда-либо было сделано отверстие. Они никогда не оставляют паузу для другого случая, поскольку индеец никогда не хочет, чтобы ему напоминали, что в его семье может произойти еще одна смерть.

Белый человек часто говорил, что, когда проводятся похороны, каждый мужчина, женщина и ребенок в деревне приходят на похороны, но это далеко от истины, не больше, чем похороны белого человека. Ближайшие друзья и родственники умершего могут присутствовать, в то время как очень многие другие жители деревни будут жить как обычно, даже не делая вид, что знают о проведении похорон. В последние годы белому человеку разрешается помогать с похоронами, если он захочет. Ценные вещи умерших не хоронят вместе с ними, как обычно полагают белые теологи, вместо этого в могилу кладут лишь малоценные безделушки.

Когда индеец очень богат и у него в семье несколько детей, он иногда делит свое состояние поровну между ними, конечно, всегда заботясь о своей жене, пока она жива и остается незамужней. Иногда у него есть любимый сын или дочь, которым он оставляет все свое состояние, лишая наследства других своих детей. Индийское наследие передается тому, кого он выберет, и его волю нельзя нарушить. В некоторых случаях богатство жены так же велико или даже больше, чем у ее мужа. Она делит свое богатство между детьми по своему выбору, так же, как и ее муж.

Когда муж и жена прожили в браке несколько лет и вырастили большую семью, после смерти мужа жена подстригает волосы на затылке и сжигает их. Она стрижет волосы плотно к голове, и ее зовут Ка-вин, пока кто-нибудь не сделает ей предложение руки и сердца, когда она снова отрастит их до естественной длины. Если она отказывается от предложения руки и сердца после того, как ее волосы отрастут более чем на два дюйма, к ней обращаются как к Специалисту по уходу. Это имя объясняет само по себе то, что она вдова и получила предложение руки и сердца, но отказалась от него. Сестры и дочери умершего мужчины иногда отрезают часть своих волос во время траура по нему.

ГЛАВА VII.

ЧЕРЕЗ ЖЕМЧУЖНЫЕ ВРАТА РАЯ.

ДАВНЫМ-давно мать и отец жили в деревне Кор-теп, в доме Меч-шер-рау, расположенном примерно в полумиле вверх по реке от магазина old Klamath Bluffs. У них было двое хороших детей, мальчик и девочка, причем девочка была старшей. Брат и сестра божественно любили друг друга; их преданность была более божественной, чем когда-либо знали человеческие сердца. Их родители были очень богаты и поженились по хорошей свадебной церемонии, принятой в богатом классе. Метч-шер-ус-ах-мэй, сестра, была самой прелестной из всех девушек племени; помимо своей редкой красоты, она обладала несравненно добрым и любящим нравом. Когда она повзрослела и стала женщиной, она пошла к Талтам, или Верховным Жрецам, и спросила их, может ли она присоединиться к священной ложе. Но Верховные жрецы печально покачали головами и сказали, что они никогда не смогут принять ее в священную ложу, поскольку ее родители не были высокого происхождения, и что она не принадлежала к Талтскому браку. Ее мольбы были напрасны, и она отвернулась от ложи, глубоко опечаленная, понимая, что ей навсегда запретили приближаться к священному алтарю Первосвященников и что она никогда не сможет стать Талтом или общаться со Жрецами. Было бы бесполезно снова умолять; ей было отказано в их уединенном богослужении, и она никогда не смогла бы сидеть в их вигваме и разжигать их священные костры. Ее гордый дух был опечален и изранен почти до предела человеческих сил; теперь в ее сердце велась великая битва за то, чтобы Сам Бог вознес ее над ее скромным происхождением и положением в жизни, чтобы она могла возвыситься в величии, превосходящем славу Первосвященников, поскольку она будет ходить по Небесам, а они - по земле, пока смерть не возьмет свое.

Каждое утро она вставала с постели около четырех часов, когда в деревнях еще было темно и они спали, и шла собирать дрова, молясь, когда собирала ветки в свою корзину, а когда она наполнялась, она возвращалась в свой дом, все время молясь, и оставляла дрова там задолго до того, как кто-нибудь просыпался и видел ее за работой. После того, как это задание было выполнено, она отправлялась к высокой скале на склоне холма у небольшого ручья, недалеко от деревни Кор-теп, где проводила весь день на вершине этой скалы, молясь Богу и плетя корзины. Рядом с тем местом, где она сидела, в этом твердом камне был небольшой бассейн с водой, который она использовала, чтобы не намочить свои корзинки во время работы. Скала была очень высокой, когда она сидела на ней много веков назад, но в момент написания этой книги она почти покрыта землей. С вечерним приливом она возвращалась к себе домой. Так искренни были ее молитвы, так терпелива была ее смиренная душа в ожидании, что она несколько лет молилась на вершине этой скалы, прежде чем ее молитвы были услышаны на Небесах. Молясь в великом уединении огромного творения, она никогда не колебалась, но продолжала молиться Небесному Отцу, чтобы он дал ей силу и мужество стать намного чище, чем кто-либо из когда-либо живших на земле до нее, чтобы она могла возвыситься как непорочная дева над своим народом, оставив по своим стопам святой ореол, когда она уйдет с земли в Небесные сферы.

Эта прекрасная женщина, ставшая еще прекраснее в своей чистоте, сияющая возвышенной белизной своей души, преобразившаяся за пределами великолепия женственности. После этих лет преданной молитвы у жителей деревень возникли темные подозрения и интриги, поскольку ее действия казались такими странными и почему такая красивая женщина всегда должна быть одинокой. Без сомнения, какой-нибудь юноша жаждал красоты ее рук, чтобы обнять его, сладость ее улыбки очаровала всех, поскольку ее сладость была такой совершенной. Она всегда была одна, и, казалось, ничто не могло этому помешать. День ото дня деревенские жители становились все более беспокойными в своих догадках об их сомнениях и страхах за ее безопасность, и они рассказали эту историю ее родителям, которые обвинили ее в тайных встречах с каким-то беспринципным мужчиной, который, без сомнения, разрушил ее добродетельную женственность, и что вскоре они с позором вышвырнут ее из деревни, если она будет упорствовать в своих одиноких прогулках в лес ранним утром и днем отсиживаться на скале.

Как несправедливо мы иногда обвиняем невинных; как глубоко нанесенные нами раны, о которых мы скорбим спустя годы, горько сожалеем о наших жестоких словах, сказанных, когда Бог забрал их и они больше не облегчают наши мрачные страдания. Воспрянув духом от уязвленной гордости, она еще раз заявила о своей невинности, о том, что ее душа свободна от этого нелепого обвинения. Так долго она была терпеливой и правдивой, так долго отказывала себе в земных удовольствиях и страстях, устремляя свои мысли к возвышенным идеалам, которые она могла бы с гордостью подтвердить, когда для нее придет время взойти на Престол на Небесах, когда Небесный Отец призовет ее в Вечный Дом. Она сказала, что сейчас не может рассказать своим родителям и другим людям о своих причинах и объяснить свои действия; почему она всегда так рано вставала по утрам, чтобы собрать дрова, и почему она проводила целые дни на скале. Но она заверила их, что в будущем они все узнают, почему она провела так много часов в одиночестве, на этот раз Бог призовет ее Домой, и они расскажут в своих жестоких обвинениях.

В течение этих лет терпеливой молитвы брат и сестра встречались в любящем товариществе сочувствия и обменивались молитвой о своих амбициях. Брат Меч-чер-ус-ах-чене знал тайные молитвы своей набожной сестры, и они направляли его мысли к высшим идеалам. Поклявшись торжественными клятвами, он никогда не обнаружит ее тайные молитвы, пока она сама не будет готова к тому, чтобы он это сделал. Они молились вместе, он в одиночестве ловил рыбу, она в одиночестве плела корзины на высокой скале, их молитвы были едины. Однако его вера в Бога была не так сильна, а молитвы не такими искренними, как у его сестры, что последующие годы оставили его одного на земле оплакивать ее потерю.

Меч-шер-ус-ах-мэй не обратила внимания на предупреждения своего народа, продолжая вставать рано утром, чтобы собрать дрова до рассвета, чтобы никто не мог полюбоваться на нее своими бессовестными глазами, пока она была на работе. После того, как это задание было выполнено, она, как обычно, отправлялась на высокую скалу и плела корзины весь день до вечера, все время произнося свои молитвы.

Наступила весна, когда все листья на деревьях и кустарниках распустились, а клен был полон сока. Меч-шер-ус-ах-мэй очистила клен от коры и взяла внутренние слои, которые растут на поверхности твердой древесины дерева, и из этой коры она сшила платье с красивой бахромой, более мягкой, чем сам шелк, которое волнами ниспадало на ее тело. Из желтого молота она

сорвала его прекрасные золотые перья и сделала накидку, в которую завернула плечи и руки. Весна прошла, и наступила середина лета; это было последнее лето, которое ей предстояло провести на земле, поскольку ее преданные молитвы были услышаны, и теперь она была готова отправиться в Версе-он-сейчас (Небеса). Ах, теперь она могла бы вознестись к славе Небес, не проходя через эту темную юдоль смерти. Верховные Жрецы, которые прогнали ее из испуганного вигвама, вместе с другими людьми, все должны были умереть, и земля дала бы им могилу. Их руки никогда не коснутся ее тела, земля не даст ей могилы, но вместо этого ее тело будут нести ветры и штормы, пока она не достигнет того Бесконечного Берега, где она будет жить на цветущих лугах Небес.

Вечером накануне дня своего отъезда она принесла все свои корзины, которые сделала, к себе домой и отдала все свое богатство брату, сказав ему, чтобы он ждал ее рано утром, поскольку она отправляется к гораздо лучшему трону, какого она когда-либо знала на земле. Ранним утром, еще до того, как солнце засияло над горами Клатат, она омыла свое тело душистыми травами, надела свое новое платье из клена и накинула на плечи великолепные перья желтого молота, ее длинные локоны цвета воронова крыла были расчесаны и ниспадали на плечи. Попрощавшись с братом, он увидел, как она взобралась на скалу, где столько лет просидела в благочестивой молитве; он один видел, как она поднялась с земли, чтобы отправиться в небесные царства. Быстрая, как молния с Небес, она взобралась на скалу, поклонившись великому творению мира с распростертыми руками и распущенными прекрасными волосами, она стояла прямо, обратив лицо к Северным Небесам, с закрытыми глазами. С севера, на своих могучих крыльях, поднялся красный орел и опустился к ее ногам на скале. Махнув рукой на запад, в страну заходящего солнца, она попрощалась с миром и взобралась на спину орла. С распростертыми крыльями, с великолепными темно-красными кончиками, он поднялся со скалы со своей прекрасной принцессой, надежно восседавшей у него на спине, и полетел с ней далеко на север, откуда он прилетел. На ранней заре восходящего солнца, во всем великолепии бабьего лета, ее брат видел, как она оседлала орла и улетела в Царство Небесное, не пройдя через врата смерти.

Все долгое путешествие она просидела на спине орла, всегда закрыв глаза, подняв руки над плечами и сложив ладони на затылке и шее. Орел во время своего долгого путешествия на север, в страну Чик-чик-алт, приказал ей не открывать глаза, хотя небесные бури могут сильно ударить по ее лицу и телу. Поднявшись с земли, она почувствовала, как жар тихого бабьего лета обжег ее, как огнем. Они парили далеко, и орел сказал: “Сейчас ты почувствуешь, как могучие небесные ветры пронесутся вокруг тебя пронзительными порывами, но не открывай глаза”. Они взмыли высоко вверх сквозь ветер, а она не открывала глаз. Они улетели далеко, и он снова сказал: “Ты почувствуешь, как дождь льет на тебя потоками, но ты никогда не должна открывать глаза”. Они шли под дождем, пока он снова не сказал: “Сейчас ты почувствуешь, как падает холод, подобный пронзающим лезвиям льда, но ты никогда не должна открывать глаза”. Они летели сквозь пронизывающий холод, ее глаза были всегда закрыты, пока он снова не сказал: “Сейчас ты почувствуешь, как на тебя густо и быстро падает снег, но ты не должна открывать глаза”. Они летели сквозь могучие ветры и холодные, свирепые небесные бури, пока орел наконец не воскликнул: “Ты снова почувствуешь тепло приятного лета, открой глаза, и я оставлю тебя в этой величественной стране Здоровья Щек”. Она впервые открыла глаза за время своего долгого полета по воздушным просторам и увидела прекрасную страну Чик-чик-алт, древнюю землю, давшую начало нашему народу много веков назад. Теперь она стояла на берегу самой величественной реки, которую когда-либо знал мир, с ее священным

очарованием и сверкающими драгоценными камнями удачи, с ее мистическими водами прозрачного блеска, ласково и мирно текущими по долине Чик-чик-алт. На берегах этой чудесной реки она увидела миллионы мертвых турк-тум (короткие ракушки индийских денег), блестящих на поверхности воды. Из этой реки много веков назад, когда индейцы впервые покинули свою родную землю в поисках нового света, они принесли с собой щеку, или индийские деньги. Они говорят, что эти деньги не водятся ни в каком другом климате, кроме как в древней стране Чик-чик-алт, стране их рождения. Они не используют мертвого тюрка, выброшенного на берег реки, в качестве денег, а ловят в реке живую щуку, которую они вылавливают так же, как рыбу, и из этих живых раковин делают свою щуку или деньги. Эти деньги на протяжении долгой многовековой эволюции передавались из поколения в поколение.

В стране Здоровья Щекастых эта божественная принцесса нашла лестницу, ведущую на Небеса, и поднималась по ней, виток за витком, пока не достигла Небес. Всем ее земным невзгодам пришел конец, ложные обвинения жестоких друзей больше не могли ранить ее непорочную душу, поскольку теперь она восседала прославленная на Троне Вечного Великолепия, поистине Святая на Небесах.

Прошло несколько дней после отъезда Меч-шер-ус-а-мэй, и люди начали интересоваться, почему она больше не возвращается в дом с наступлением темноты. Они отправились на ее поиски и нашли деревянные корзины, которыми она пользовалась здесь, на земле, оставленные на вершине высокой скалы, откуда она совершила свой полет. Затем ее брат сообщил им, что его сестра отправилась в Версе-он-сейчас, поскольку он сам видел это видение. Родители, вспомнив резкие слова, сказанные об их темных подозрениях относительно их дочери, подобной святой, горько плакали и причитали, и были склонены с тяжелым сердцем и печальными сожалениями о том, что такой верный человек больше не может оставаться на земле; что Бог так рано призвал божественного и истинного в Свой Вечный Дом.

Брат, который так преданно любил свою сестру, вызвал в памяти нежную преданность и годы ее тяжелого терпения. Сердце его разрывалось от странной, жалкой жизни его сестры и очарования ее прекрасного конца, он плакал до тех пор, пока его гордое сердце, казалось, не разорвалось на части. Казалось, кровавые слезы текли из сердца, которое так сильно любило, потому что нежная рука, коснувшаяся его лба, священная фигура, низкий голос и ободряющая улыбка исчезли навсегда.

Через несколько дней на горькие стенания ее родителей и сильное горе ее брата ответила сама кроткая Святая. Ее дух спустился на землю в призрачном образе, или о'вихре, и предстал перед своими близкими, успокаивая их нежными словами сострадания в их темные часы горя и печальных сожалений, уверяя их, что она пребывает в безопасности за Жемчужными Вратами Небес, на бесконечных лугах красоты и света. Их опасения больше не ранили, потому что ее дух жил в мире и счастье, и они больше не могли горько плакать. Ее дух исчез с лица земли, оставив ее родителей уверенными в вечных годах ее величия, Святой на Небесах.

Ее брат, Меч-чер-ус-ах-чене, не мог долго утешаться, поскольку знал только сестринскую любовь и нежную преданность. День ото дня он все больше и больше горевал в своем одиночестве, горе, которое не знает утешения, когда любимый человек ушел в потусторонние миры. Его горе стало настолько велико, что он не смог долго выносить его, когда ее дух снова откликнулся ему в его одиночестве. На этот раз она предстала перед ним в своем живом виде,

какой она жила на земле, и брат и сестра встретились в сладком земном общении в последний раз, поскольку она больше не вернется, чтобы утешать их. Она сняла тяжелую завесу печали с его сердца и снова придала ему мужества в земных делах. Она велела ему отправиться на риффл на реке Кламат, напротив магазина old Klamath Bluffs, и ловить там рыбу в течение двенадцати дней, в конце которых он поймает маленькую рыбку размером с чей-то мизинец, и чтобы у этой рыбы было много белых колец, опоясывающих ее тело. Эту рыбу, как только она была поймана, нужно было положить в индейский кошелек из лосиного рога, который был красиво вырезан из лосиного рога и гладко отполирован с внутренней и внешней сторон. Иногда они вырезают и раскрашивают на них очень художественные узоры, вырезая в середине кошелька небольшую продолговатую крышку, которую надевают на него после того, как кладут деньги, и надежно заворачивают крышку полоской оленьей кожи.

Меч-чер-ус-а-чене ловил рыбу на риффле двенадцать дней по указанию своей сестры, и на исходе двенадцатого дня он поймал мелкую рыбешку, которую положил в кошелек из лосиного рога, и затем ворон, или куа-гаук, подошел к нему и сказал, чтобы он забрался к нему на спину, что он и сделал, а затем ворон приказал ему закрыть глаза и держать их плотно закрытыми, пока ему не прикажут их открыть. Ворон летел с ним через солнечные края, дождь, холод, слякоть, сугробы и над ледяными полями, следуя тем же маршрутом, по которому красный орел летел со своей сестрой. Над ледяными полями он мог нащупать лед руками, затем после этого ворон усадил его в теплое место и приказал ему держать глаза закрытыми, а сам ворон улетел дальше и ненадолго оставил его в покое. Оставшись один, он начал ощупывать окрестности, так как не мог открыть глаза, он ощупал песчаную почву вокруг себя и почувствовал, что она покрыта щекой (оболочкой индийских денег), и он начал сгребать ее в кучи вокруг себя. Когда ворон вернулся, он сказал, что должен оставить щеку там, где ее нашли, так как она была слишком тяжелой, чтобы нести ее так далеко. Меч-шер-ус-а-чене снова взобрался на спину ворона, и они полетели в страну Чик-чик-алт, которая находилась совсем недалеко от того места, где ворон впервые оставил его. Прибыв в эту страну, ворон посадил его на берегу чудесной реки Веррой, где климат всегда теплый и приятный, долина вечно зеленая, а фрукты и цветы вечно цвели в течение одного долгого, нескончаемого летнего дня. На берегу этой великолепной реки ворон сказал ему, чтобы он открыл глаза и порыбачил в ее сверкающих водах в поисках одной из живых щек, или маленьких моллюсков. Ловя рыбу в этой реке необычайной красоты, он поймал этого редкого и драгоценного моллюска, которого, по словам ворона, он должен был положить в кошелек из лосиного рога вместе с другой рыбой, которую его сестра велела ему поймать в реке Кламат. Он соединил две рыбы вместе, как ему было велено, и вот, вскоре последовали огромные богатства. Рыба, которую он поймал в Кламате, была рыбой женского пола, в то время как та, которую он поймал в реке Чик-чик-алт, была рыбой мужского пола.

Меч-чер-ус-а-чене снова взобрался на спину ворона, ворон велел ему, как и прежде, держать глаза закрытыми, и они полетели обратно к реке Кламат, обратно в деревню Кор-теп. Когда они добрались до реки Кламат, ворон велел ему сделать двенадцать таких сумочек из лосиного рога, таких больших, какие только позволяли рога, и он сделал двенадцать сумочек самого большого вида, какие только мог, а поскольку у самца и самки щек в маленьком кошельке вырастут маленькие щечки, он брал молодых щек, как только они становились достаточно большими, и помещал их в один из кошельков побольше. Он продолжал разводить щеку таким образом до тех пор, пока все его большие кошельки не наполнились деньгами, или щекой, и теперь он начал класть щеку в большую корзину. Его богатство росло так сильно, что он не знал, что будет делать с таким количеством денег. Оказавшись таким одиноким среди своих

огромных богатств, он сватался к жене из деревни Печулт, где река Тринити впадает в Клатат. Следуя брачному обычаю, его имя было изменено на Пек-тау, он взял фамилию своей жены, а она взяла его фамилию. После того, как они поженились, но ненадолго, его амбиции умерли в нем, и он потерял интерес к своей работе и пренебрег учением своей сестры. Теперь две рыбки выбрались из гнездовой сумки и превратились в червяка или жука длиной около дюйма, с белыми и черными полосами на теле и двумя длинными рогами на голове. Этих червей можно найти по берегам реки вокруг больших камней, и индейцы всегда считают удачей найти одного из них, так как они ловят и прячут их в кошелек, чтобы сохранить на удачу. После побега этих рыб у него больше не было сил накапливать огромные богатства, и его постигла неудача.

Его жена родила красивого мальчика, но говорили, что Бог был недоволен и из-за этого ребенок умер. У них родился второй ребенок, на этот раз прекрасная девочка, но она тоже умерла. Родился третий ребенок, еще одна прекрасная девочка, но Бог забрал и ее, как забрал остальных. У этой несчастной пары родился четвертый ребенок, мальчик, все еще говорили, что Бог был недоволен его браком, и красивый младенец последовал за своим братом и сестрами на Небеса. После смерти четвертого ребенка Меч-шер-ус-а-чене стала очень грустной и задумчивой. Так грустно и тяжело было у него на сердце, что земля казалась ему унылой пустошью без шума и лепета его прекрасных младенцев. Он долго думал и не мог понять, почему Бог так скоро забрал невинных и чистых в Свой Небесный Дом.

Встав рано утром, он плакал, поднимаясь на склон горы, чтобы набрать охапку дров для парилки, и с этим грузом на плечах направлялся к парилке в деревне, по пути напевая и плача: “Я-а-квай, тас”, говоря, что ему очень жаль своих детей. Скорбящий сел отдохнуть, положив охапку дров на землю и прислонившись к ней спиной и плечами. Когда он достаточно отдохнул, он попытался подняться со своей ношей обычным способом, но на его ноше был тяжелый груз, и он не мог подняться, как будто кто-то удерживал его. Он огляделся, но никого не увидел, поэтому попробовал еще раз и смог подняться вместе с деревом. Он сел во второй раз и оперся на свое дерево, и, как и в прошлый раз, когда он начал вставать, он не смог, но, оглядевшись вокруг и никого не увидев, он смог подняться. Он сел и отдохнул в третий раз, когда повторилось то же самое, и, придя домой, он развел огонь в парилке и обливался потом обычным способом, после чего пошел к реке и окунулся в холодную воду. Выйдя из купели, он вернулся в парилку, сел перед дверью и уставился вдаль, воображая, что видит духа О'Кирла, и в то же время его жена зовет его обедать. Он продолжал сидеть там, глядя далеко за пределы земли. Он не отвечал на ее призывы, его дух отправился присоединиться к своей сестре в Версе-он-сейчас, где она пребывала на Небесах с Богом. Там вы можете увидеть брата и сестру, блуждающих вместе по бесконечным Небесным лугам, а вокруг них его прекрасных младенцев, чистые бутоны цветущих лугов.

После смерти Меч-шер-ус-а-чене его жена вернулась в свою родную деревню Пек-тулт, где сливаются реки Тринити и Клатат. Она взяла с собой большую корзину со щекой (деньгами) и через некоторое время вышла замуж за мужчину из деревни Вейчпек, которая расположена на северном берегу реки Клатат, напротив устья реки Тринити. От второго брака у нее был один сын, и все деньги, которые она привезла с собой, с тех пор сделали эти две деревни очень богатыми.

ГЛАВА VIII.

ПОГРЕБАЛЬНЫЕ ОБЫЧАИ:

ПОЧЕМУ МЕРТВЫХ НИКОГДА НЕ УНОСЯТ ЧЕРЕЗ ДВЕРЬ.

МНОГО поколений назад в деревне под названием Ос-са-гон, расположенной примерно в шести-семи милях к югу от устья реки Клатат, на берегу океана, родилась и выросла женщина. Несколько лет назад на этом месте была очень большая деревня индейцев клатат.

Когда эта женщина выросла и стала прекрасной женщиной, за ней ухаживал и завоевал ее молодой человек из деревни Ва-тек, которая расположена недалеко от старого магазина Клатат Блаффс и недалеко от танцплощадки из шкур Белого оленя. Они оба происходили из богатых семей и отпраздновали свое бракосочетание с хорошей церемонией среднего класса. Во время своей супружеской жизни они были очень счастливы вместе, трое малышей пришли благословить этот счастливый союз, один мальчик и две девочки. После рождения третьего ребенка муж тяжело заболел и отправился в темную долину смерти, оставив свою молодую вдову и детей оплакивать его безвременный уход.

Вплоть до его смерти у индейцев всегда был обычай выносить мертвое тело из дома через дверь, и когда они выносили его, они брали пепел из камина в доме и выбрасывали его через дверь, когда выносили тело. Пеплу было позволено оставаться до тех пор, пока его не унесет ветер. Таков был их обычай из поколения в поколение. Они совершили с ним тот же обряд, но при этом произошло странное совпадение, которое изменило их обычай выносить мертвых из дома.

После того, как его похоронили и его жена снова примирилась со своей повседневной работой, она сидела и плела корзины лицом к двери, что противоречило индийским учениям, поскольку человек никогда не должен сидеть лицом к двери, но всегда должен сидеть к ней спиной. Она не придавала этому учению никакого значения и всегда сидела лицом к двери, занимаясь своими корзинками, а через короткие промежутки времени отрывала взгляд от корзины и смотрела на дверь.

Прошел почти год, когда однажды, когда она сидела и плела корзинку, сосредоточенно думая о своем муже, о том, какой счастливой была их супружеская жизнь, как преданно она любила его при жизни и как глубоко оплакивала его потерю, казалось, что его ушедший дух ответил ей из неведомого мира. Взглянув на дверь, она увидела его присутствие, с внезапным криком радости уронила корзинку и бросилась к двери, чтобы заключить его в объятия, чтобы он никогда больше не оставлял ее в одиночестве. Вместо своего мужа, любимого человека, она схватила в руки столб, который стоит как опорная колонна снаружи внутренней двери или между внутренней и внешней дверью индийского дома. Сознание покинуло ее, когда она подумала, что он пытается убежать от нее, и, думая, что она крепко ухватила за его ногу, вместо этого она цеплялась за столб. Ее некогда гибкое тело и конечности стали жесткими, как железо, когда ее дети и родные собрались вокруг нее и попытались заставить ее отпустить столб, но их усилия

были тщетны, потому что она только крепче вцепилась в него. В конце концов они были вынуждены срезать столб, прежде чем смогли перенести ее на кровать, где сделали все возможное, чтобы привести ее в чувство. Она оставалась в таком бессознательном состоянии несколько дней, когда они решили отвезти ее к реке и посадить в каноэ. Они довели ее до Блу-Крик (штат Урнер), примерно на восемь миль, а затем повернули обратно и направились вверх по реке в Нотч-ко, примерно на восемь миль выше деревни Ва-тек, всего пройдя шестнадцать миль. На протяжении этих шестнадцати миль река меняет свое русло с строго северного, делая различные изгибы, с запада почти на юг. Они продолжали возить женщину вверх и вниз по реке все лето, до поздней осени, и поддерживали ее жизнь в течение этого периода, питая ее костным жиром из костей ног оленя, который они втирали ей в губы и грудь. Когда она полностью приходила в себя, она все свободное время плела корзины. Основной каркас корзины - веточки орешника, которые называются ho-lealth. При вытягивании или вплетении работы поверх прутьев они поворачиваются на левую сторону, и корзинщица всегда держит корзину с водой в пределах досягаемости и через короткие промежутки времени опускает руку в воду, смачивает прутья и распрямляет их обратно на свои места, таким образом делая корзину прямой. Эта женщина никогда не распрямляла рычаги своей корзины, поэтому они были закручены по кругу. Дети говорили своей матери: “Почему бы тебе не поправить рычаги на своей корзинке?” Она всегда отвечала: “Не бери в голову, все в порядке”, и просила их перестать так много говорить о ее плетении корзин. Она продолжала плести корзины таким образом до тех пор, пока все ее дети не выросли мужчинами и женщинами.

Однажды вечером, когда сумерки быстро сгущались в темноту, она сидела, как обычно, работая над своими корзинами, окруженная материалом для корзин, и просто сказала: “Мое время пришло, мой муж ждет меня”. Она взяла свою корзину, которую плела, и поставила ее в огонь, сказав, что ее дух, О'Кирл, воспользуется ею, пока она будет уходить в загробный мир, и умерла. Ее дети и родственники мужа собрались вокруг в последние минуты ее умирания.

Теперь индейцы хранят мертвое тело целый день (двадцать четыре часа), чтобы убедиться, что жизнь действительно ушла. Они хоронят тело, и после того, как оно положено в могилу, они говорят, что дух О'Кирла остается парить вокруг живых и рядом с новосозданной могилой в течение пяти дней. По истечении пяти дней дух покидает человека, и если человек прожил хорошую нравственную жизнь, его дух отправляется в Мир Здоровья Щек, там находит лестницу и взбирается к Богу, где он вечно пребывает в вечном счастье. Если это подлый и деградировавший негодяй, его дух отправляется широкой дорогой к старухе и собаке, где она передает его человеку в мертвой лодке, и тот переправляет злого духа через реку и оставляет его стенать в пустыне страданий до судного дня.

Когда эта женщина умерла, они не вынесли ее через дверь, а проделали отверстие в стене с левой стороны от двери, когда стоишь внутри дома лицом к двери. С этого времени они никогда не выносят мертвое тело через дверь, но всегда делают отверстие в стене дома с левой стороны, через которое выносят тело. Индейцы учат своих детей никогда не останавливаться и не стоять на пороге, когда они уходят или заходят внутрь. Никто никогда не увидит, чтобы кто-то, старый или молодой, останавливался, стоял или садился в дверях индийского дома. После смерти этой женщины они всегда сжигают материалы для корзин умершей или любую незаконченную работу, принадлежащую той, кто только что умер.

На горных хребтах и под дубами и елями растет жесткая трава, разновидность пилороса, которую они используют почти во всех своих корзинах, и эту траву мы называем хам-мо. Когда кто-то умирает и тело выносят из дома, они кладут немного этой сплетенной травы на дверь с внутренней стороны таким образом, чтобы никто этого не заметил, если только им не покажут. Члены семьи будут носить нити на шее, и это делается для того, чтобы они не могли увидеть или встретиться с духом, который витает вокруг тела в течение пяти дней, прежде чем отправиться в неизвестные миры за его пределами.

Обычай стричь волосы в день смерти близкого родственника восходит к тем временам, когда они жили на старой земле, Щека к щеке-здоровье.

ГЛАВА IX.

ИНДИЙСКИЙ ДЬЯВОЛ.

Индейцы Клатат, приводя свои легенды от сотворения человека до наших дней, говорят, что некоторые были созданы хорошими и благородными, некоторые плохими, а некоторые были действительно плохими и подлыми, которых они называли дьяволами, или О-ма-ха. У нас есть представление о невидимом сатане (Сей-элт, или злая старуха) и настоящем живом дьяволе, который ходит по земле, и мы боимся их, поскольку они могут причинить нам вред, если у них появится такая возможность. У нас были эти живые индийские дьяволы (живые человеческие существа) на протяжении долгих и утомительных столетий, с момента создания человеческого рода, такие дьяволы, каких мы находим в каждой расе и нации земли. Наши индийские дьяволы - это индейцы, которые по какой-то причине покидают племя и уходят далеко в безлюдные горы и в глубь лесов, где они живут у ручьев и в местах, почти недоступных. В своем одиночестве они бродят по лесам и горам, как какие-то хищные звери. Они забывают язык своих матерей и становятся чем-то вроде диких зверей, убегающих от людей.

В старину женщины особенно старались держаться вместе в своих походах, когда собирали урожай желудей, семян травы, кедровых орехов и т.д., опасаясь этих индийских дьяволов. Эти индийские дьяволы иногда очень пристально наблюдали за лагерями индейцев и следовали за ними повсюду, когда они переходили с места на место, выжидая удобного случая схватить одну из молодых женщин и увезти ее, чтобы сделать своей женой. Если молодая женщина уходила слишком далеко одна, она часто становилась пленницей одного из этих дьяволов. Женщины племени очень боялись их, так как им было страшно стать женой дикаря.

Иногда женщины попадали в плен к индейским дьяволам и уходили из своего племени на годы, когда возвращались и рассказывали о своей дикой жизни и пережитом. Они станут матерью детей, и дети унаследуют дикие привычки своего отца, поскольку они всегда будут свистеть, издавать странные звуки, дико резвиться и всегда будут в пути, бродя повсюду в дикой

местности. Эти женщины никогда не были счастливы, когда возвращались к своему народу, так как через некоторое время им хотелось вернуться к своим мужьям-дьяволам и детям. Им всегда удавалось сбежать и вернуться к прежней дикой жизни, поскольку она настолько привлекала их, когда они однажды побывали в дикой природе, что они не могли устоять перед призывом такой жизни.

Когда индейцы отправлялись на охоту и в походы в горы, как только они слышали крик совы, они останавливались и прислушивались, пытаясь различить, был ли это индийский дьявол, подражающий сове, или крик дикого животного. Индейцы сразу же останавливались, разжигали костер и кричали "привет"; это было сделано как предупреждение дьяволам, что они проснулись и готовы сразиться с ними, если потребуется.

Когда индейцы отправляются в поход далеко в горы, и даже если их сопровождает белый человек, они всегда настаивают на том, чтобы развести первый костер, когда выбирается место для лагеря. При разведении костра первую поленицу они кладут остриями прямо на север и юг, на северный конец этой поленицы они кладут другую палку примерно на восемь-двенадцать дюймов назад от северного конца, располагая эту ветку к востоку и западу, образуя таким образом крест. Когда крест сделан, они приступают к разжиганию огня и в течение всего этого времени вполголоса возносят молитву Богу. Эта молитва искренне возносится Всевышнему с просьбой защитить их от индийских дьяволов и диких животных, пока они находятся в дикой местности, и уберечь их от несчастных случаев. После совершения первого богослужения любой желающий может развести костер, пока он разбивает лагерь в одном и том же месте, и индейцы не повторяют эту форму богослужения до тех пор, пока не переедут в другое место для лагеря. Индеец веряет свою душу заботе Бога и поклоняется в его святилище под открытым Небом и бескрайними небесами, а не религии и традициям другой расы, у которой есть традиция с начала сотворения живого человека и на протяжении долгих тысячелетий. Если это правда, позвольте мне процитировать так называемые цивилизованные расы, например, у Рима был свой Цезарь, часто упоминаемый в истории как "Великий и храбрый", но весь мир знает, что он жил бессердечным завоевателем, лишавшим жизни людей, его руки были обагрены человеческой кровью, и он умер смертью тирана. Весь мир знает, что у Франции был свой монарх, его имя вписано в послужной список Славы как могущественного завоевателя Европы. Извилистые реки Европы когда-то были красными от пролитой крови, после него остались окровавленные поля сражений, не говоря уже о убитых горем матерях и детях, которые плакали под безрадостным небом, не имея дома, который мог бы их приютить. Например, в наших собственных Соединенных Штатах в 1861-65 годах города лежали в руинах, дома были разрушены, человеческая кровь лилась рекой, как вино, тысячи людей покоятся в неизвестных могилах, они погибли мучениками за великое дело, и Редман был таким же мучеником за свое дело, как и они.

Воистину, наши племена не были кровожадными из-за любви к крови или жажды славы, но вместо этого были вынуждены уступить высшей расе, и наши благороднейшие люди спят в узких могилах вместе с лучшими, гордейшими представителями расы, мертвыми вокруг них. Скорее истреблялись, чем получали образование, пока не исчезли самые благородные представители нашей расы, и из жалких остатков сегодня доносится слабый крик о том, что почти четыре столетия краснокожие просто существовали без страны. Любовь к детской расе ушедшей эпохи, слезы по младенческой расе, во всем ее младенчестве являвшейся типом примитивной мужественности, сдержанной и уравновешенной, мужественной, стойкой,

владеющей собой и, прежде всего, самоконтролем, гордой исчезающей фигурой в беспокойной стране. Любовь к взрослой расе омрачена тяжелыми сожалениями и пятнами крови на их руках от детских слез по высшей расе, ибо кто может сказать, какой могла бы быть эта детская раса, когда они были полностью взрослыми и образованными. Слезы и любовь, любовь и слезы, сладостно смешанные, когда младенец и взрослый встречаются в одном великом братстве прощения. Всегда так, с начала времен, кто-то должен был умереть мученической смертью за начало любого дела, и так было всегда, с незапамятных времен, среди всех рас и наций, язычников, варваров и цивилизованных народов мира.

Образованный человек сегодня на протяжении своей долгой эволюции, длившейся столетия, знает, что есть только один Бог, и все стремятся к одной цели, и душа человека не может быть потеряна только потому, что он поклоняется немного не так, как его собратья. У каждой расы есть свое собственное вероучение, и одна раса больше не имеет права говорить, что другая раса потеряна навсегда только потому, что они отличаются своей формой поклонения, и подрастающее поколение нынешнего столетия знает лучше. Так что, по крайней мере, пусть традиция благородного типа будет справедливой, поскольку он быстро поглощается другой расой, и даже в наши дни все, что от него осталось, - это традиция его прошлого существования, и обычно эта традиция скорее беспородного типа, чем истинная.

Мы всегда боимся видимого дьявола, (о-ма-ха) то есть живого дьявола здесь, на этой земле, поскольку мы вынуждены постоянно защищаться от этих монстров, чтобы не причинить себе вреда. Мы всегда находимся в мире с Богом, мы любим Его как Великого Правителя и всегда готовы вознести молитву и поклониться ему.

Когда индеец садится покурить, он набивает трубку, раскуривает ее и делает глубокий вдох, наполняя легкие дымом, а затем медленно выпускает его через ноздри и рот с тихим ворчанием. Затем тихим и торжественным голосом он возносит молитву Богу, прося Его о крепком здоровье, долгих годах жизни и удаче. Эта удача заключается в зарабатывании денег, накоплении огромных богатств, успехе в рыбной ловле и добыче дичи, и фактически во всех успехах в стремлении к индейской жизни.

Дьявола называют ки-мол-лен, что означает низкого, несчастного человека или животное. А Бог на Небесах - невидимое Существо для живого человека, он повсюду и правит всем.

ГЛАВА X.

ТАНЕЦ В БЕЛЫХ ОЛЕНЬИХ ШКУРАХ.

Рыбопромысловая плотина достроена, все, кроме тех, кто должен там остаться, Лок-ни, Нормер, Ва-клурь и чаррахи теперь спускаются вниз по реке и расходятся по своим разным домам, чтобы подготовиться к Танцу в шкурах Белого оленя. Эти танцы проводятся примерно в десяти

милях вниз по реке от того места, где построена рыбная плотина, и это место они называют Ва-тек, и это красивое место площадью около пятидесяти акров, почти ровное, представляющее собой высокую перекладину, так что вода никогда не перехлестывает через нее, и расположенное на северной стороне реки, прямо под деревней, на пологом склоне. Из-под верхней плоской или высокой перекладки вытекает большой источник с холодной водой, а примерно в сорока шагах ниже танцевальной площадки есть другой источник, больше предыдущего, чистый и холодный, которым частично пользуются в этом лагере, все они находятся примерно в трехстах ярдах вниз по реке, ниже старого магазина Клатмат Блафф, или Джонсона, который был заложен там в 1855 или 1856 году человеком по фамилии Шнайдер, и так долго принадлежал Биллу Макгарви. Перед началом танца двое высокородных, одна девушка и один мужчина, мужчина может быть молодым или старым, но они должны быть высокого происхождения, и иногда один из них - Талт, идет первым и счищает землю (все эти части я взял), собирая траву, затем подметая ее начисто, затем три гладких камня, которые глубоко воткнуты в землю, но выступают над землей примерно на восемь или десять дюймов. Эти камни существуют уже давно и предназначены для троих в центреряда танцующих, которых пятнадцать и семнадцать человек; девушка разводит небольшой костер, а затем кладет на него свои корешки благовоний, чтобы они горели, чтобы доставить удовольствие Ва-пек-ва-моу, она остается там, чтобы поддерживать огонь во время танца. Этих мужчину и девушку зовут Май-валеп, и они каждый день едят свою обычную пищу. Когда все готово к началу танцев вечером первого дня, жители двух первых деревень вверх по реке от места танцев, все одетые в свои мантии и регалии, спускаются к берегу реки и садятся в большую лодку или каноэ, один садится на корму, чтобы грести, и направляет весло вниз по реке, пока они не придут туда, где они подготовили место для лагеря для танцев. Первая деревня наверху называется Кор-теп, а следующая над ней - Пек-ван, Пек-ван - это место, где расположен большой Охотничий домик для подразделения По-лик-лас, и он очень богатый. Эта деревня - моя родина, и я всегда отличаюсь лучшими регалиями и самой красивой демонстрацией оленьих шкур. Теперь каждая деревня танцует отдельно и по одному за раз, когда деревенские танцоры Кор-теп подходят и выстраиваются в линию, трое в центре - лидеры, а средний из трех - тот, кто опускает шест с оленьей шкурой. Он поднимает правую ногу и начинает петь, одновременно опуская ее, и все остальные следуют за ним. Теперь на каждом конце ряда танцующих стоят те, у кого в правой руке большой кремьень, который они называют Не-гам, к нему крепко привязан шнурок из оленьей кожи, а затем обмотан вокруг запястья, чтобы он не соскользнул с руки, и когда начинается танец, они ходят взад-вперед перед рядом танцующих, проходя друг мимо друга в середине ряда танцующих, и они свистят. Потанцевав до тех пор, пока все они не устанут, они останавливаются, и трое в середине ряда садятся на камни, в то время как остальные встают, все поднимают шест, на котором держатся оленьи шкуры, позволяя торцевому концу шеста упираться в землю. После того, как жители деревни Кор-теп отплясывают, они удаляются в свой лагерь, и через пятнадцать-тридцать минут подходят танцоры деревни Печ-ван и разыгрывают то же представление. Регалии и оленьи шкуры - обычные, и отсчет дней, в течение которых будут проводиться танцы, еще не начался, поскольку эти две деревни могут танцевать по два танца в день, после первого вечера, в течение трех или четырех дней, прежде чем остальные смогут подготовиться к выступлению, всего их пять. Следующим над Пек-ваном будет Сир-игойн, затем Мо-рек, а следующим будет Кап-пелл, где находится рыбацкая плотина. Когда все они добираются до места танцев, они танцуют десять дней, и каждая деревня танцует по своей очереди. Они начинают первый танец около девяти часов утра, и только в двенадцать часов, в полдень, заканчивается последний. Теперь имейте в виду, что в разных лагерях постоянно

находятся двое или трое мужчин, которые просят мужчин, всех до единого, прийти и потанцевать, не имеет значения, откуда они пришли или к какому племени принадлежат, их просят прийти и принять участие в этом великом празднике, так что танцоры все время меняются, и от одной деревни к другой, и в какой бы деревне они ни танцевали, их приглашают поехать в их лагерь, все бесплатно, и никому не позволено оставаться голодным, и были бы некоторые издалека, которые не могли бы сказать ни слова на языке кламат только знаками руками, но за ними тщательно ухаживали, показывали окрестности, кормили и приглашали войти и потанцевать, другие осторожно вели их, чтобы они не допустили ошибки, и считалось худшим из невоспитанных поступков не обращать внимания на их ошибки где бы то ни было в их присутствии, им гарантировали защиту и вежливость, и следили, чтобы они вернулись домой без вреда для здоровья или приставаний.

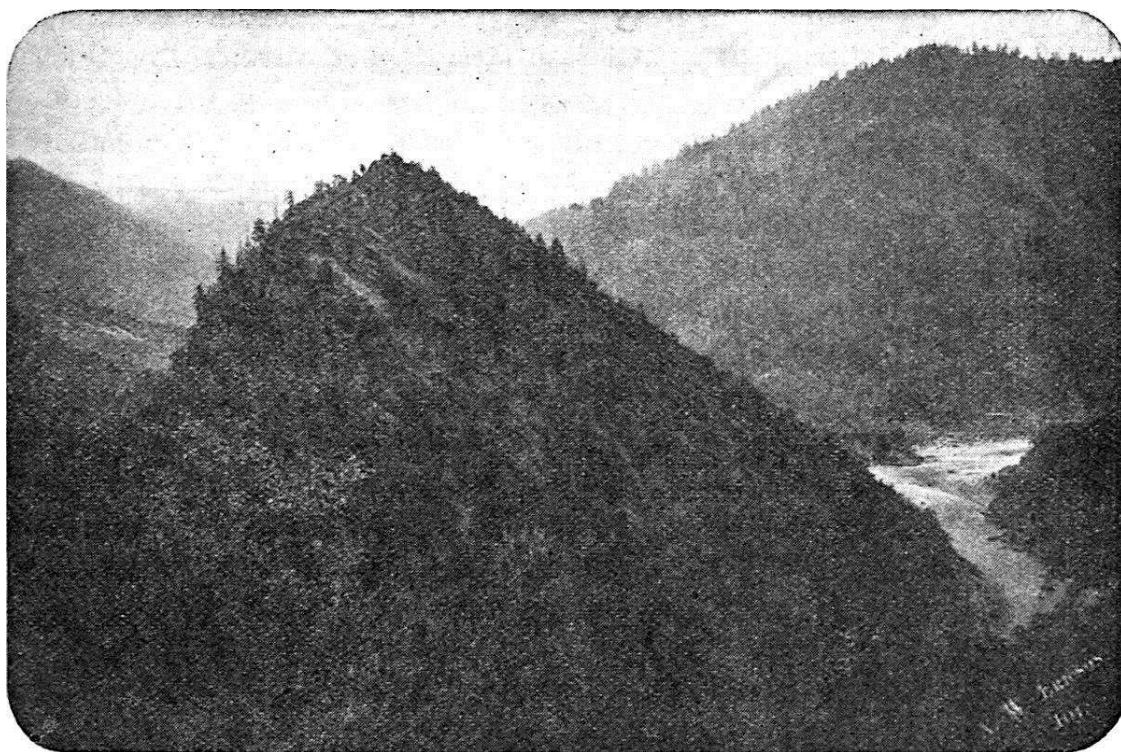
НАЧАЛО ТАНЦА В БЕЛЫХ ОЛЕНЬИХ ШКУРАХ.

В разных танцевальных лагерях работает несколько женщин, иногда восемь, десять или двенадцать, и они работают как бобры, готовя еду, эти женщины - сестры, тети и другие родственницы. Некоторым из них может принадлежать половина всех ценных частей того, с чем они танцуют, и все они могут владеть какой-то частью. Как и в случае с индейцами кламат, женщины владеют по наследству или накоплению всем своим собственным богатством точно так же, как и мужчины, и индейцы кламат точно так же ищут богатую женщину в жены, как и белые, и точно так же женщины ищут богатого мужчину, как и белые.

Девушка поддерживает огонь в себе во время танца, а мужчина все время помогает ей. Теперь деревня, к которой относится танец, начинается с наступлением темноты вечером и проходит одно и то же представление, каждый исполняет танец, продолжая его примерно до девяти часов вечера, когда они расходятся по своим разным лагерям, где все они ужинают, после этого все они готовятся ко сну на ночь, и большинство из них спят до полного рассвета утром, когда

они встают, чтобы проделать ту же процедуру. В последний день в этом месте, или на десятый день танца, (о-чистый-ах-вах) это великий день, все, кто должен быть там, пришли, и в этот день они достают белые оленьи шкуры, самые длинные из кремней, некоторые из которых были красными, в то время как другие были с красными и белыми прожилками, белый был самым ценным, некоторые из них имеют двадцать и двадцать два дюйма в длину и от четырех до пяти дюймов в ширину в центре лезвия и довольно тяжелые в обращении; при этом деревня Пек-ван опережает всех остальных в белых одеждах. оленьи шкуры, их пять белых и много светлых или почти белых, все отделаны мягко и красиво, при этом кожа, нос, уши и шерсть остаются целыми, даже копыта белые, а нос и уши украшены красными перьями вальдшнепа или индийской курицы, снятыми со скальпа птицы и надетыми на полоски оленьей кожи с небольшими кусочками раковины морского ушка, свисающими перед носом оленя примерно в четыре дюйма длиной. Следующим идет Сир-и-гойн с самыми длинными кремнями, самыми ценными, принадлежащими семье сестер, и другие деревни, входящие в пятерку, входят по очереди в количестве ценных предметов для танца, теперь верхняя река или Печ-ик-лас приходят на разные танцы со своими ценностями в соответствии с линией родства или старой дружбы, и женщины вкладывают свое богатство, занимают свои места, помогают готовить и прислуживать - все точно так же, как и По-лик-лас, хотя они говорят на другом языке, но так тесно связаны друг с другом. они состоят в смешанном браке, и так много из них говорят на обоих языках, и весь смысл большого танца одинаков для обоих, что между ними нет ошибки ни в одной части управления танцем. Все мужчины носят одеяло из оленьей шкуры, сделанное из двух или трех оленьих шкур, отделанных шерстью и сделанных очень мягкими, их сшивают вместе с сухожилиями оленя, используемыми в качестве ниток, костяной иглой, а к нижней части одеяла пришивают хвосты циветты или кольцехвостой кошки. Это одеяло фиксируется таким образом, чтобы его можно было обвязать вокруг талии, и свисает ниже колен, при этом кошачьи хвосты свисают снизу. В ясную сухую погоду они носят эти одеяла волосистой стороной к коже, отчего они выглядят очень белыми, но если становится сыро или начинается дождь, одеяла выворачивают волосистой стороной наружу, чтобы не намочить и не испачкать телесную сторону. У всех танцовщиц есть большие мотки бус из ракушек, называемых Турк-тум, которые нанизаны на шею, свисают на грудь и доходят до талии. Эти раковины того же вида, что и щекастые, только они короче и не имеют ценности в пятьдесят-сто раз большей, и у всех есть головные уборы, но нет перьев, только одно белоглазое орлиное перо или другое орлиное перо, которое воткнуто в волосы сзади и стоит перпендикулярно. Четверо мужчин, которые стоят в конце ряда танцующих и которые держат во рту большие кремни и свистульки, носят вместо головных уборов плотную ткань, которую мы делаем сами из мелких волокон флага, они скручиваются в пряди и вплетаются в толстую, тяжелую ткань, они имеют ширину около восьми дюймов и длину три фута или больше, и украшены бивнями или зубами морского льва, закреплены у верхнего края куса, и эта ткань укладывается в центре лба, затем возвращается на затылок и завязывается, оставляя кожу на затылке. концы плавают, а бивни торчат спереди. Этот головной убор называется cher-wer-per, а одеяла называются sah-ane. Это заведение из шкур белого оленя называется Вау-тек, и деревня, которая находится сразу за местом для танцев на краю высокой равнины, или бара, носит то же название. Деревня Ва-тек находится к северу от места танцев, а чуть севернее деревни находится ровная равнина, где они играют в свою игру с клюшками, которая так же груба, как игра белых людей в мяч ногами. Эта игра называется werlth-per, и я видел, как они сбиваются в кучи на этой игре, и многие получают травмы, драк быть не должно, но они используют обманный способ причинять друг другу боль, если между ними возникает неприязнь, точно так же, как это делают белые. Танец в шкуре

белого оленя в конце десяти дней заканчивается в этом месте, и все это место наполняется индейцами со всех уголков. Теперь все это прекращается, и все, кто руководит танцами, возвращаются в свои деревни за новыми припасами. Эта остановка только на один день, и сейчас начинается игра на палках; и в течение следующих нескольких дней у них может быть несколько игр между верховьями реки и низовьями. После однодневной остановки, чтобы пополнить запасы провизии, все они отправляются в путь очень рано на следующее утро и сначала спускаются по реке из Ва-кер-а, примерно в миле от того места, где в реку впадает небольшой ручей, этот ручей известен как Блоксер-Крик, но мы называем его Хель-ле-гей-оу, это на северной стороне реки, где этот ручей впадает в реку, теперь, когда они добираются до ручья, они находятся на южной стороне и недалеко от входа ручья в реку, здесь все останавливаются, потому что здесь есть две тропы. Человек спускается к реке, пересекает ручей и поднимается на небольшую равнину у подножия холма, над которым нависают большие перечные деревья, - это место, где начинается танец, и по этой тропе и к этому месту никто не может пройти, если он не рожден в высшем браке. Девушка и мужчина высокого происхождения уже пошли и убрали территорию, развели огонь и воскуривают благовония. Когда хозяин прибывает сюда, он должен отдать все свои ценные вещи, которые должны быть использованы в этом месте, самым бедным и потрепанно выглядящим, если у них подходящее происхождение, чтобы отвезти их по этому участку дороги или тропы, в это место, Хель-ле-гей-оу, и все со всех сторон узнают, есть ли у них рождение, поскольку чистокровные индейцы кламат внимательно следят за этим. И если кто-нибудь будет упорствовать или предложит пройти по этой тропе, к этому месту, им очень твердо скажут держаться подальше, и, если понадобится, они скажут им, что они недостаточно хороши от рождения, чтобы пройти этим путем, но подождут и пойдут другим путем. Никогда не было никого, чья кровь была бы смешана с кровью белого человека или какой-либо другой смесью кровей, кого они бы отпустили таким образом. Допускаются только чистокровные индейцы кламат. Никогда не было белого человека (кен-и-а), которого они согласились бы пропустить этим путем, потому что они не знали, что это за люди и что белые браки не таковы, чтобы дать им рождение.

ВИД НА РЕКУ КЛАМАТ БЛИЗ ПЕЧ-ВАНА.

KLAMATH RIVER

TRAIL

*SPYING

*WHERE THE WHITE DEER SKIN DANCE STARTS.

*WAH-KER-AH VILLAGE

*WAH-tec VILLAGE

*MEGARVEY'S STORE

*PEC-MAN VILLAGE

*WHERE THEY ALL HAD.

CREEK

*WHERE THE TALT AND HIGH BOY DANCE.

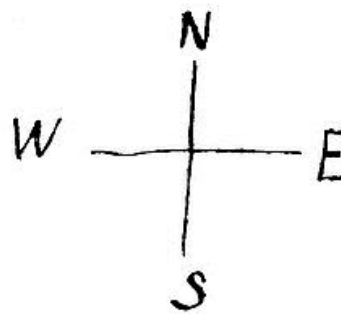
*WHERE ALL COME TOGETHER

*DANCE

*DANCE

*FINAL WIND-UP OF DEERSKIN DANCE.

*SPYING

Pec-wen Creek

TRAIL

В каждом месте, где мой народ устраивает Танец из шкур Белого Оленя (О-чистая-а-стена), у нас действует тот же способ, что мы отделяем Таланты и высокое происхождение от других классов.

Че-на-ва, Вейч-а-ва.

Я могу пройти и проходил много раз, и у меня есть подготовка, чтобы знать, что можно, а что нельзя, и богатые люди должны остановиться и пойти верхним путем, такие как полковник Пек-ван и капитан Сур-э-гойн Джим и другие, чье богатство и влияние, как думал белый человек, позволят ему попасть в любую часть или место. Я тот, кто знает, что рождение ребенка - это единственное великое событие, которое дало моему народу больше чести, больше власти и больше всего в этой жизни, чем можно было купить за все богатства всего мира. Мои люди не разговаривают, рассказывают, как этот по многим причинам, они не скажи белому человеку, думая, что они, возможно, пожелают нарушить правило или вправо, чтобы остановить их, и из всех белых мужчин, которые женились на индийских женщин, мы не считаем, что один из них когда-нибудь говорили своему мужу этого по той причине, что они сами не имели при рождении, чтобы пройти через эту часть тропы, и поэтому стыдно пусть их мужчины знают, что такое уже было, и белые люди ничего не думая, он остановился и не заметил, что такое было, она хранится со смешанными кровями, где их отцы воспитывали их одинаково, даже их собственные матери, рассказывая им, стыдно за своих детей, чтобы знать о ее рождении, и смешанных кровей, которые подняли среди индейцев знать, что их рождение не признает их, так что держите их в нужном месте и тоже стыдно говорить об этом, и так постоянно, пока я не сказала мужу, что мы будучи надлежащим образом и по-настоящему замужем в высоком брак мой закон и женился на его права, Мой муж был свободный и признанный масон, как это было и для него, чтобы взглянуть и увидеть для себя, но и то, что мы хотели взять верхнюю тропу и идти с богатыми, воин, а толпа, которая не могла идти нижней тропой, Где мой отец (Talth) и сестры могли бы и пошел, пока они были бедны и другие, которые могли бы пойти, там было мало что могли бы пойти, хотя многие пошли по пути мы сделали. Этого у меня никогда не могло быть, и в этом было очень легко убедиться, когда однажды рассказали и показали. Теперь, после того, как Талт и те, у кого есть рождение, исполнили свой танец в этом Хель-ле-гей-оу, девушка и мужчина выскальзывают и поднимаются на холм через лес на другую тропу на небольшое расстояние и там расчищают другое место, разводят небольшой костер и кладут на него благовония для возжигания, а девушка садится впереди, когда танцоры следуют за ней и когда они выходят на тропу.

Теперь все богатые, гордящиеся всем, кроме своего происхождения, идут сзади, и когда они подходят к следующему месту для танцев и выстраиваются в очередь, чтобы потанцевать, все могут смотреть и видеть, скоро это будет сделано, и то же самое делается еще в двух местах, пока все они, наконец, не прибудут на большую прерию, которую они называют Блоксер, что означает широкую по форме, когда они подходят к отверстию, они пересекают небольшое ответвление и сворачивают на равнину между двумя небольшими ответвлениями или ручьями, которые занимают около двух акров, у подножия подъема с равнины бьет большой холодный источник, течет чистая вода, здесь они останавливаются для окончательного подведения итогов. Они занимались этим весь день, и девушка и мужчина (Май-ва-леп) разводили костры, сжигая благовония, вечером они танцевали, каждый танцует по своей очереди, используя здесь белые олени шкуры и все лучшие свои регалии и ценности, после окончания танца они ужинали и уходили, уставшие. Рано утром следующего дня все приходят в движение, и до полудня они танцуют пять танцев, а после обеда ужинают. Последний и завершающий танец

состоится, когда все закончится поздно вечером, около девяти часов, затем все приступят к трапезе, когда многие из них уйдут, и большой Танец Белых Оленьих шкур будет закрыт как минимум на два года, а может, и больше, и все разойдутся по домам. Теперь, когда мы говорим о закрытии танца на два года или более, мы подразумеваем под этим старые законы, по которым он проводился, поскольку он уже проводился фальшивым или фарсовым образом теми, кто низкого происхождения, у кого нет ни одного, кто был бы способен взять на себя инициативу и провести его в надлежащей форме, но белый человек видит это и не знает разницы.

Высокородные приходят к оставшемуся Талту, чтобы задать несколько вопросов, в то время как Талт отвечает им ровным голосом, что является их даром, и спокойно передает его дальше, зная, что это навсегда. Талты, которые сейчас живут, обращаются к живущим только с одной последней просьбой, а именно, чтобы, когда они придут расстаться с этой жизнью, перед тем, как их похоронят, когда их готовят к погребению, на них была нанесена эмблема или знак Талта. Это четыре черные полосы, нанесенные на грудь длиной восемь дюймов, шириной полдюйма и на расстоянии одного дюйма друг от друга, а на каждой руке между плечами и локтем должно быть по три полосы длиной четыре дюйма, такой же ширины и на расстоянии одного дюйма друг от друга, которые являются знаками или эмблемой Талта.

Когда они готовятся к месту последнего упокоения, могиле, и эти эмблемы или знаки никогда не наносятся ни на кого из них, если только они не прошли через секреты Ложи и не носят в своей груди истинное имя Ва-пек-ва-моу (Бог), их остается только двое, один - это я, а другой - мой отец. На этом эта глава заканчивается, и мы переходим к величайшему из всех, танцу Ложи (Wah-neck-way-la-gaw), который белые называют по-разному.

ГЛАВА XI.

ТАНЕЦ В ЛОЖЕ.

Белый человек называет этот танец танцем-прыжком, и это заставило индейцев называть его так, когда они говорят о нем на языке белых людей, но мы называем его на нашем языке Ва-нек-вель-ла-гоу, что не имеет никакого значения как танец. Этот танец проводится в деревне Пек-ван, примерно в миле вверх по реке от того места, где проводится “Танец из шкур белого оленя”. Этот фестиваль проводится через год после Танца из шкуры Белого оленя или поочередно. Это самый священный праздник, который у нас есть, и, как и рыбацкая плотина, мы начинаем подготовку к фестивалю примерно за два месяца до его начала, и все разногласия и споры разрешаются до его начала. Если есть те, кто не может или не хочет поселиться, они не должны приезжать посмотреть или принять участие в фестивале, и из этого читатель может увидеть, что это некогда могущественное и многочисленное племя индейцев, раз в год устраивающее эти полные поселения среди всего своего народа, в один год для Рыбной ловли, а в следующий год

для Танцев вигвама. И могли управляться первосвященниками и хорошо управляться без помощи вождя, поскольку у них никогда не было вождя. Деревня Печ-ван в старину была очень большой и богатой деревней. Именно здесь находится вигвам нижних кламатов, и этот вигвам и дом, где хранятся все инструменты талта, являются единственными, которые на момент написания этой статьи остались от всего племени. Во времена, когда белый человек впервые пришел сюда, одна из таких хижин была в Большой Лагуне, которую мы называем Ах-ка-та, и еще одна в устьеручья Редвуд, который мы называем Орик, одна в устье реки Клатат, которую мы называем Рек-уой, и одна в Пек-ване. Четыре из этих лож принадлежали к нижнему течению реки Клатат, а в верховьях реки было несколько лож, но ни одной из них не осталось. Не осталось индейцев, которые могли бы рассказать о них, или о том, как и для чего они использовались, так что на данный момент остался только один, и только два Талта могут рассказать об использовании и значении великого блага, которое они приносят гордому народу. Когда все будет готово, трое талтов начинают очень рано утром и отбирают бревна для возведения полностью нового каркаса домика, не оставляя ни единого куска дерева от старого домика, а заменяя его новым. По возвращении после отбора древесины Талты заходят в дом, где хранятся инструменты, и выносят их. Те, которые используются для получения столбов и рамы со всеми боковыми сторонами, они кладут в очень красиво вязаный мешок, который сделан из хорошего и прочного материала и хранится специально для этой цели, затем выносят его за пределы дома и оставляют там на ночь. Теперь талты возвращаются в свои дома и семью, всегда мыясь, ибо они настолько близки к совершенству в своей чистоте, насколько это дано человеку. Они входят в свои дома с улыбками своим женам и детям и всем остальным, с кем они могут соприкоснуться. Эти таланты очень тверды в своих манерах, очень остроумны в шутках, но медлительны в принятии решений. После ужина они удаляются в свою парилку спать. Там они сначала перекуривают, а потом ложатся спать. Теперь те, кто является рабочими, уже выбраны для доставки материала для возведения деревянной части домика, и вся работа должна быть выполнена за один день. Каждая деталь сделана так, чтобы поместиться на своем месте, там, где ее достали в лесу, так что, когда ее приносят, что делается в тот же день, все встает на свои места. Вся структура создается без использования инструментов; не слышно ни шума, ни слов, только трем Талтами, и только тихим голосом.

Все те, кто работает над добычей этих бревен, должны быть хорошего происхождения, не обязательно самого высокого, но хорошего происхождения из богатого и состоятельного класса. Некоторые из представителей высших родов не считаются людьми с правильным умом, а хорошее поведение должно стать Талантом. Никому из низших родов или рабов не разрешается принимать участие в создании старой ложи, Талт-ур-гирк. У нас есть степени в работе этой ложи, некоторым разрешается войти и выучить небольшую часть этого, и им никогда больше не дают, в то время как другим разрешается выучить большую часть, и им никогда не дается истинное имя Бога.

Фото ЭРИКСОНА

ДОМ ПОДГОТОВКИ ЛОЖ И ПАРИЛКА В ПЕК-ВАНЕ, НА РЕКЕ КЛАМАТ.

Для этого высшего брака требуется двенадцать нитей дерьма, по двенадцать штук на каждую нитку, и из нескольких браков было очень мало тех, которые годились для того, чтобы стать Талтами, и из-за этого они были вынуждены выбирать как из девочек, так и из мальчиков. Те, которые подходили для Талта, чтобы не допустить потери работы ордена, а также чтобы не допустить утраты священного имени Бога. Если из-за голода или эпидемии это было бы потеряно в некоторых местах или ложах, они могли бы получить то, что было Талантом, от Ах-ка-тахы, Орика, Рек-воя или от некоторых лож из Печ-ик-лас, чтобы они могли восстановить ложи и взять некоторых из тех, кто имеет правильное происхождение, и посвятить в тайную работу ордена, и сделать их Талантами, и построить орден заново. Подобные вещи случались много раз за долгую историю и оккупацию этой земли. Теперь все старые бревна, которые берут из хижины, когда ее нужно делать заново, относят в дом, который талты используют для заготовок и хранения рабочих инструментов, и там они используются для обновления слабых частей, а остальное идет на дрова в этом доме, чтобы ничего из этого не пропало даром.

Танец, после того как все будет готово, продлится десять дней, и когда все будет готово, Талт и все работники, которых зовут Вер-нер-гер-и, расходятся по домам или к друзьям и ужинают, а после того, как это будет закончено, все работники с двумя Талт выходят и собирают дрова, которые представляют собой маленькие веточки черники, которые мы используем, разводя ночью небольшой костер в сторожке, и на огне мы сжигаем корни ладана, которые выделяют ароматический запах. приятный запах. Теперь другой Талт, который является церемониймейстером, идет прямо из дома в ложу, и с ним одна или две девушки. Эти девушки не всегда Талантливы, но иногда одна из них является таковой и владеет всеми секретами ордена, даже настоящим именем Бога. Эти девушки должны быть самого высокого происхождения, чтобы хотя бы помогать. Мастер, когда он входит, разговаривает или молится, в то время как девушка или девушки подметают комнату и приводят в порядок вещи, что

заставляет их быть занятыми, если есть только одна девушка, у нее нет времени покинуть ложу. Около девяти часов Талт со всеми рабочими выходят в шеренгу, гуськом, со связкой дров, каждый со своей вязанкой на плече, все поют, и это ночью звучит прекраснее всего, поскольку наиболее идеально по времени и мелодии и заставляет почувствовать любовь к великому Создателю всего сущего.

Когда они придут с дровами, все сложите вокруг крыши дома или сторожки, затем любой из двух Талтов отнесет немного внутрь сторожки и разведет внутри небольшой костер. Пол вигвама сделан из мрамора, и у них есть большая чаша из мрамора, в которую наливается чистая-пречистая вода, и в эту воду помещаются корни уолт-пей. Теперь, когда придет время, все войдут в домик и искупаются в мраморной чаше с уолт-пэй. Эта чаша хранится в секрете, и только Талт знает, где она находится; мастер ложи достал чашу из тайника и поставил ее на надлежащее место, а также налил в нее воды и корней уолт-пая. Теперь, когда рабочие и два Талта приходят с дровами и после того, как разожжен огонь, два Талта остаются, а все остальные выходят наружу, и три Талта купаются сами, также одна или две девушки, в зависимости от обстоятельств. Если одна из них не Талт, то ей тоже придется выйти на улицу. Затем Талты проходят всю секретную часть работы в ложе, в то время как девушка, которая является Талтом, остается внутри ложи и принимает участие в секретных разработках. Теперь ложа открыта, и всех работников приглашают войти внутрь. Некоторые из работников талантливы, иногда почти все, если нет, то они высокородны. Все они моются в мраморной чаше, и у всех есть индийский гребень, у мужчин волосы длиннее, чем у девушек. После мытья каждый моет и расчесывает волосы, пока они не станут чистыми и блестящими, оставляя волосы свободно свисающими, используя расчески, чтобы зачесать волосы назад, и стараясь не прикасаться к ним руками.

Мужчины совершенно обнажены, в то время как на девушках платье из коры клена, застегнутое на талии и свисающее до колен, в остальном они были обнажены. Теперь мастер занимает свое место в юго-восточном углу ложи, сидя на своем индийском стуле, и в руке он держит свой посох, или жезл, который представляет собой черенок уолт-пая. Этот посох - это стебель, который растет из травы или корня, из которых Бог сотворил женщин при первом творении, и посох настолько старый, что почернел от старости. Следующий по авторитету человек сидит в северо-восточном углу ложи, в то время как третий сидит в северо-западном углу ложи. Сторожка расположена с севера на юг, вход находится с южной стороны, западная сторона оставлена темной. У Мастера, управляющего церемониями, есть помощник (это была моя роль, и эмблема, которую я ношу, - Голубь), который сидит по правую руку от Мастера, и если нет девушки, которая является Талтом, тогда мужчина, который является Талтом, должен занять это место, и этот человек должен расставлять и передвигать стул Мастера, когда он встает и садится, а если есть только одна девушка, то она должна выполнять двойную обязанность - убирать и расставлять стулья всех трех офицеров ложи, и когда это происходит, держать ее в движении все время. ночь до пяти часов утра; когда она выходит очень усталая, но с легким сердцем и очень гордая своим происхождением, своим положением и великими знаниями, которыми она обладает о тайной истории своего народа. Очень немногие из них когда-либо были допущены на ее высокий уровень, и никто никогда не превзошел ее. Она знает, что она и все остальные талты - чистокровные кламаты, и в их жилах нет примеси какой-либо другой крови. Эта тайная организация восходит к самому началу сотворения Богом мужчины и

женщины, поскольку этот посох уолт-пэй - это то, из чего Бог создал женщину. Этот уолт-пай они сохранили на этой земле в избранных местах, и он все еще растет здесь, и мы по-прежнему используем его во всей нашей секретной работе. Он растет всего в нескольких местах, и все мы знаем, где его найти. Они принесли это с собой со старой земли и из глубины веков, чтобы увековечить первое сотворение женщины.

Я предлагал пойти в ложу и учить одного или нескольких, когда у меня оставалось достаточно Таланта, чтобы сделать это, но теперь их не осталось, и они не могли выбрать девушку, которая имела право отдать это, до сих пор не осталось никаких шансов, и все, что когда-либо делалось для встречи этого старого и извечного ордена, является всего лишь фарсом, и делается людьми низкого происхождения, низшим классом и классом рабов. Когда я впервые сказала своему отцу, что собираюсь выйти замуж за белого человека, мои соплеменники возразили, сказав, что если у меня будут дети, они не смогут быть приняты в орден. Именно тогда я сказал им выбрать того, кого я мог бы обучить секретной части ложи. Мне грустно писать о внутренней работе ложи, и кто может меня винить. Мой народ умирает, поглощаемый белой расой.

Сейчас все находятся внутри ложи и посвящают всю ночь пению и молитвам Богу, чтобы угодить Творцу, дать им здоровье, богатство и присматривать за ними, оберегая их от болезней. Они продолжают это примерно до пяти часов утра, а затем все спускаются в дом, где должны состояться танцы, и этот дом называется Ах-чистый путь. Они разводят небольшой костер и кладут на него несколько кореньев. Сейчас, в это время, богатые семьи переехали из своих домов, привозят своих жен, сестер и дочерей, чтобы готовить еду.

Поспешно готовится первый танец, а затем танцоры поднимаются в дом, заходят и занимают свои места. Танцы начинаются и продлятся десять дней. Как только заканчивается первый танец, Талты расходятся по домам, чтобы поесть и отдохнуть, а уставшая, но гордая маленькая девочка идет к себе домой и ест, после чего ей так необходим сон. Все приняли ванну, чего они никогда не упускают из виду, уложили волосы и чисто причесали их. Есть пять деревень, которые принимают участие в танце По-лик-лас, и это те же самые деревни, которые принимали участие в танце из шкуры Белого оленя. Приглашаются все индейцы, богатые или бедные, из любых племен, издалека и поблизости. За далекими племенами присматривают, их кормят и приглашают принять участие в танце, даже если они не говорят на своем языке. Они обратятся к ним, покажут им, как это делается, и предоставят им полную защиту в любое время и при любых обстоятельствах, чтобы они могли наслаждаться ею в полной мере. Это время, когда самые бедные и рабовладельческие слои нашего собственного народа становятся веселыми и довольными, гордясь тем, что их знают и называют индейцами кламат. Здесь им разрешено, как мужчинам, так и женщинам, вкладывать все, что у них есть ценного, с чем можно танцевать. Богатые люди, владеющие землями, охотничьими угодьями, местами рыбной ловли, рабами, кремнями, шкурами белого оленя, рыбака, выдры, серебристо-серой лисы и прекрасными платьями из выделанных оленьих шкур, с бахромой или ракушками, завязанными узлом и выполненными в самых красивых стилях, которые звенят при ходьбе и вызывают чувство уважения и восхищения к ним. Глаза будут напрягаться, чтобы взглянуть на это самое приятное зрелище, которое никогда не сможет изгладиться из памяти того, кто видел его в дни его цветения.

Они берут скальп дятла, который сшивают в количестве от шестидесяти до ста штук на куске хорошо выделанной оленьей шкуры, края которой также сделаны из оленьей кожи, это похоже

на шляпу-затычку. Их концы свисают на затылок в виде лент. Они оцениваются от ста до двухсот долларов, с красной и белой бахромой, что придает им очень красивый вид. Эти головные уборы называются Рагей, а скальпы называются сыром, независимо от того, один из них или несколько. У них на шее большие цепочки из длинных полых раковин, называемых чик и турк-тум, которые свисают с груди до талии. Этот, самый священный из всех их праздников, проводится в доме, и в это время демонстрируется больше их богатств, чем в любое другое время. Богатство всего племени индейцев кламат, даже племен хупас и Смит-Ривер, и любого другого племени может внести свой вклад и помочь в этом танце. Здесь, в этом танце, богатые передадут беднейшим из них демонстрацию своего богатства и уйдут, оставив его на их попечение. Наши люди не используют перья, но очень мало, меньше, чем белые люди.

Вечером второго дня танцев Талты возвращаются в ложу, и Мастер с девушкой, которая является Талтом, входят в ложу, и Мастер наливает свежую чистую воду в чашу, толчет и кладет в нее корни уолт-пая, и она готова к употреблению. Другие девушки остаются в подготовительном цехе или отправляются в другие части готовить, когда для них все приготовят. Мастер возносит молитвы Богу, в то время как два других Талта, облеченных властью, берут тех же самых работников и отправляются за дровами, как и в первый раз, приходя около девяти часов, все гуськом, во главе с двумя Талтами, поющими песню, когда они приходят, и укладывают дрова так же, как и раньше. Теперь два Талта заходят внутрь, и ложа открыта, девушка-талт помогает, пока все не будет готово, затем приглашаются рабочие, и каждый из Талтов занимает свое место, Мастер со своим персоналом уолт-пэй, а девушка на ее месте рядом с Мастером, и работа ложи продолжается, как и прежде, и продолжается всю ночь до пяти часов утра, когда они выходят и расходятся по своим домам и лагерям, чтобы поесть. Теперь танцоры приступают к танцам, и все идет гладко, ничто не омрачает хороших времен. Талты не принимают никакого участия в танцах, и их редко можно увидеть, чтобы они посмотрели на это, а Мастер не приходит посмотреть на какую-либо часть этого, но если и приходит, то просто проходит мимо, смеясь, шутя со всеми мужчинами и женщинами, и они более чем рады его видеть.

Талты называют друг друга братьями, а девочек сестрами, и слова "брат и сестра" часто используются среди этих людей.

Когда ложа работает в своей секретной части ордена, у двери снаружи стоит стражник, чтобы другие не услышали и не вошли. Вечером каждого второго дня они открывают ложу, пока танцы не продлятся восемь дней, после чего они открывают ложу таким же образом, вечером в пятый и последний раз. Мастер и девушка входят в домик, в то время как два Талта и рабочие идут за дровами, возвращаясь в девять часов, затем проводится то же представление, заканчивающееся около пяти часов утра, затем всех рабочих выгоняют из домика и они идут в дом танцев и разводят огонь, сжигают корни благовоний, подметают и убирают дом в течение последних двух дней фестиваля. Трое Талтов и девушка остаются в ложе и завершают заключительную церемонию ложи перед танцем, после чего чаша, посох и другие эмблемы и инструменты помещаются в их тайные убежища, чтобы те, кто являются Талтами, знали, где их найти, затем они выходят и расходятся по домам, чтобы поесть, поспать и отдохнуть. Теперь начинаются последние два дня танцев, и используются лучшие платья и самые ценные вещи, выставляются все богатства, показывающие, какие семьи самые богатые, у некоторых из которых есть длинные записи, восходящие к поколениям, рассказывающие о том, как семья впервые приобрела известность, и вплоть до настоящего времени. Этот фестиваль проводится с

целью объединения всего народа, богатых, бедных и рабов, для того, чтобы они объединились в мире и гармонии, как одна семья, и чтобы бедные и рабы почувствовали, что есть ради чего жить, и, прежде всего, чтобы сделать их воинами, которых никто не посмеет презирать. Что если какое-либо другое племя осмелится нарушить законы человечества, такие как уродовать мертвых скальпированием и другими способами, чего кламаты не потерпели бы ни на минуту, и Талантом сохранять свои старые учения священного порядка, которые передавались им из поколения в поколение, которые, по их словам, никогда не были такими, на протяжении всего этого, вплоть до того, где они находятся сейчас. Они говорят, что несколько раз она была низкой, но этого было достаточно, чтобы оживить и вернуть ее на прежнее место, чтобы не потерять ее в своих тайных частях и поддерживать в рабочем состоянии. По истечении десяти дней танцы поздно вечером закрываются, и люди разбегаются во все стороны, в то время как богатые семьи, у которых так много женщин, которые помогают готовить еду, а некоторые с детьми, и так много имущества, которое нужно перевезти, оставят свой лагерь открытым до следующего дня, а некоторые и на два дня дольше, пока они не смогут подготовить все для переезда домой.

ТАНЕЦ В ЛОЖЕ.

ГЛАВА XII.

НАШ ХРИСТОС.

МОЛОДАЯ женщина из племени Печ-ик-ла, высшего подразделения племени кламат, жила в Коу-ах-мане, ныне известном как Орлеанский бар. Она была матерью По-лич-о-куаре-ика, нашего Христа, и после рождения сына так и не вышла замуж и всю свою жизнь прожила незамужней, проживая со своими родителями в баре "Орлеан". Кау-а-мис-о-ма, мать нашего Христа, в годы своего женского совершеннолетия ежедневно в одиночестве отправлялась на высокую скалу, не обращая внимания на увещевания своих родителей и родственников, и взбиралась по склонам этой скалы на ее вершину, где она каждый день садилась и плела корзины. Почти три года она ходила одна каждый день к этой скале и плела корзины, и однажды ей явился Ва-пек-ва-моу (Бог) и сказал, что она родит ему ребенка мужского пола, который будет Его Сыном, и этот Сын будет нашим Христом, или Спасителем, который будет очень мудрым и талантливым человеком из двух племен и будет править нашим народом.

Придя в тот вечер домой, она сказала своим родителям и людям из племен, что вскоре у нее родится Сын Божий, что сам Бог, явившись перед ней, открыл ей факты и что ее народ не должен смотреть на нее с позором. Ее родители и очень многие представители племен кламат поверили, что ее история правдива, и приготовились принять Ребенка.

Кау-а-мис-о-ма, как и сказала, родила сына и ухаживала за младенцем в доме своего отца, дав ему имя По-лик-о-куаре-ик, провозгласив ребенка среди племен Сыном Божьим. Ее родители и очень многие члены племени верили в непогрешимость ребенка, в то время как некоторые люди не верили в него как в непогрешимого и считали его внебрачным ребенком. Некоторые из наших талтов, или Верховных Жрецов, не верили в его божественное рождение и считали его незаконнорожденным сыном человека, однако они признавали его великие силы и мудрость как обычного человека. Большинство моих соплеменников почитали ребенка как божество.

В детстве и юности По-лик-о-куаре-ика он искал уединения среди великого творения, поскольку никогда не играл с другими детьми и не участвовал в общественных собраниях своего народа. Маленьким ребенком он играл один, а когда ему исполнилось около двух лет, у него появилось маленькое каноэ, с которым он играл и плавал на нем по водам Орлеанского бара. Эта маленькая игрушечная лодка была одной из его самых ранних игрушек, и когда он покидал места своего раннего детства, он оставил эту лодку в баре Orleans на южном берегу реки в расщелине большой скалы. Там и по сей день, по словам индейцев, можно увидеть маленькую лодочку, с которой он играл и которая превратилась в твердый камень и до сих пор имеет идеальную форму маленькой лодки. (Такого я еще не видел).

Еще будучи маленьким мальчиком нежных лет, По-лик-о-куарек в одиночестве спустился к реке в Ка-нек, где провел большую часть своего раннего детства в беспокойных странствиях, поскольку никогда не был спокоен. Он никогда бы не пошел ни со своей матерью, ни с кем-либо еще, поскольку переезжал с места на место в одиночку. На южном берегу реки в Ка-нек есть небольшое озеро у подножия холма за рекой, окруженное по внешним берегам болотистыми

землями. Это озеро нельзя наблюдать из реки или деревни, и о его существовании можно было узнать, только подойдя к самому берегу. Он проводил много времени, играя в своем уединении на озере. Сразу за этим озером есть скала, которую наш Христос использовал как место, где он постоянно соскальзывал по ее склону, он стер каблуками одну большую и несколько маленьких канавок в этом твердом камне, которые можно увидеть и по сей день. (Я видел это много раз, и мои люди потирают пальцами эти бороздки, а затем потирают пальцами глаза, чтобы вылечить слабые или воспаленные глаза.) Примерно в полумиле ниже озера, расположенного на том же берегу реки, находится еще одна скала, куда молодой человек отправился для молитв, которые он вознес своему отцу (Богу), чтобы тот благословил его великой силой и мудростью. Когда он преклонил колени на вершине этой скалы в молитве, он оставил на скале отпечатки своих коленей и ступней, которые видны до сих пор.

Еще одна скала, посвященная нашему Христу, находится недалеко над озером на берегу реки, которая была его особым местом рыбалки, где он сидел на камне и ловил рыбу. Здесь также на цельном камне сохранились отпечатки его босых ступней и коленей, а также лужа с водой неподалеку, в которую он бросал свою рыбу; все это осталось как его письменные воспоминания о его прошлом существовании. Это его письменные летописи, оставленные на скалах; традиции, передававшиеся на протяжении долгих веков, когда сам Христос ушел далеко в океанские волны, возможно, в лучшую страну, чем та, которая дала ему рождение. (К этому месту я был близок много раз, но никогда не ходил его смотреть.) Он мог говорить на языке любого племени или нации без обучения и мог заглядывать во тьму прошлого, рассказывая о событиях давно минувших времен. Он мог заглядывать в будущее и рассказывать о грядущих событиях, настолько велика была его мудрость; он также мог приказывать все, что хотел, и его приказы выполнялись по любому его желанию.

Когда он был в расцвете сил, он взял много ценных вещей, таких как щека, сыр (скальп вальдшнепа) и другие вещи, сел в свое каноэ и поплыл вниз по реке, а когда прибыл туда, где впоследствии был построен магазин Билла Макгарви, то остановился и отдохнул на раннем утреннем солнышке. Вот почему это место самое теплое и солнечное в течение всего года, какое только можно найти в любой части всей нашей территории. Отдохнув столько, сколько он пожелал, он отправился дальше вниз по реке. Многие индейцы последовали за ним, и когда они столпились совсем близко, он приказал проделать отверстие в скальном утесе у Рек-уоя, что и было сделано, и это превратило реку Кламат в океан в том месте, примерно в шести милях к югу от того места, где она впадала в море раньше, у Ахмана. (Уилсон-Крик) Таким образом, они так и не догнали его, но могли видеть в океане, как он мягко скользит на запад. Ранее он сказал им, что готов уйти и собирается уйти, что когда-нибудь в будущем он вернется. Он был самым мудрым человеком, который когда-либо был среди нашего народа, он все знал и все умел делать, и мы относимся к его имени с большим почтением. У наших молодых женщин есть обычай употреблять выражение: “когда мы выйдем замуж и если у нас появятся дети, мы хотели бы, чтобы они умели говорить на всех языках, таких как По-лик-о-куаре-ик”. Мой народ на протяжении многих поколений ждет его возвращения, но с приходом Кен-не-а, белых людей, они теряют следы его имени и того, что он сделал, и это скоро будет потеряно. Теперь, после многих лет размышлений, я хочу записать все это, чтобы сохранить для американских индейцев, чтобы они могли что-то знать о религии и учениях наших предков.

ГЛАВА XIII.

СЭМПСОН ИЗ ПЛЕМЕНИ ИНДЕЙЦЕВ КЛАМАТ.

КЕЙ-КЕЙ-МОЙ-АЛЫТ-МЭЙ, Сэмпсон племен По-лик-ла (индейцы нижнего Кламата) и Печ-ик-ла (индейцы верхнего Кламата), родился в деревне Аух-лик-кин на реке. Эта деревня находится примерно в двенадцати милях вниз по реке от магазина old Klamath Bluffs store и примерно на таком же расстоянии от устья реки Рекуа. Когда-то это была большая и цветущая деревня, давным-давно, во времена рождения Сэмпсона, и еще долго после его смерти.

Этот индеец Сэмпсон был высоким и красивым парнем с жилистыми руками и мускулистым телом. Его волосы были чрезвычайно длинными, такие ниспадающие локоны красоты и силы, в которых заключалась его удивительная физическая сила. Этот человек замечательного телосложения был индейцем кламат, одиноким и могучим воином для всех, кто противостоял ему; и не имело большого значения, сколько человек выступало против него, они всегда терпели поражение. Этот воин не использовал лук и стрелы, копья или щиты для защиты в своих завоеваниях, а использовал вместо этого пращу и гальку. Он совершал набеги на целые деревни в поисках богатства, и никто не осмеливался сразиться с ним, кроме тех, кто терпел поражение. Племена боялись его за его огромную силу, поскольку не знали, откуда он взял свою сверхъестественную силу.

Племена реки Смит, Хупа и Кламат сильно боялись его, когда он достиг головокружительных высот своей власти и массовых убийств. Он отказался платить дань какому-либо из племен.

Однажды этот смелый воин, ободренный своими победами, встретил прекрасную и застенчивую девушку из другого племени, в которую отчаянно влюбился. Ее соплеменниками были представители племени реки Смит (Хе-на), с которыми он в то время сражался. Он победил их и взял ее в плен, и, увы, любовь спустя время окончательно погубила его. Ах, какого монарха земли любовь не покорит своими успокаивающими руками! После того, как он захватил девушку в плен, он женился на ней, чтобы она могла уважать себя перед всеми, и увез ее в свой дом в Аух-лик-кин, дав ей имя Аух-лик-кин-он. Никакие дети не пришли благословить этот союз; никакой детской болтовни или смеха, которые могли бы рассеять мрак грядущих лет.

Жилище этого Сэмпсона находилось в доме, где он вырыл погреб в глине, и в этот погреб он всегда уединялся по ночам, чтобы его внезапно не застали врасплох и не схватили враги. Его жена уступила его любви, пытаясь разгадать секрет его великой силы, и, увы, могучий мужчина и воин, покоритель племен пал от слабых рук женщины, которую он любил. День за днем, такие нежные и сладостные, ее ласковые слова любви проливались, как бальзам, на его встревоженную душу, успокаивая невзгоды темной и бурной карьеры. Терпеливо, по мере того как проходили месяцы, она завоевывала его доверие. Ах, как сладко поддаваться женским уловкам, хотя она ведет тебя к могиле, зияющей зловещей пастью смерти. В слабых объятиях

этой женщины этот могущественный мужчина раскрыл свой секрет, что его могучая сила заключалась в его длинных и распущенных волосах, красоте ночи и силе народов.

Фальшивая женщина вошла в его жизнь, когда постигла секреты его могущественной силы; прикосновение ее пальцев к его встревоженному лбу было подобно прикосновению сирены. Очарованный комфортом той, кого он любил так страстно, он заснул, и в один роковой день, когда его голова любовно лежала у нее на коленях, жестокая женщина судьбы украдкой встала, выкрала из углей горящий факел и сожгла волосы цвета воронова крыла у его головы, пока он крепко спал.

Проснувшись, к своей великой тревоге и горю, он обнаружил, что его сверхчеловеческая сила покинула его. Гордость его жизни, его длинные и ниспадающие локоны исчезли, а вместе с ними была решена и его судьба. Могущественный воин лежал побежденный у ног своих врагов, скорбя о своей потере так, как могут скорбеть только великие люди.

После того, как враги захватили его в плен, они решили выколоть ему глаза, чтобы он никогда больше не смог сражаться с ними. Так, наконец, великий и сильный Кей-кей-мой-альт-мэй был побежден слабыми руками женщины, которую он так любил и которой так доверял.

После того, как он был схвачен и подвергнут пыткам, его гордый дух причинил горе такой силы, что только огромная физическая сила могла долго терпеть. Он прожил несколько коротких лет в своей родной деревне, но из-за его слепоты это время казалось долгим. Он больше не мог созерцать великолепие восхода солнца на вершинах гор или великолепие заката над Тихим океаном. Жажда чудес всей его жизни погрузилась в мрачный мрак, когда он зачах и умер от разбитого сердца. Его неверная жена вернулась к своему народу, где тоже умерла, не оставив никого, кто мог бы оплакивать ее, и только память о его великой силе.

ГЛАВА XIV.

ВСЕМИРНЫЙ ПОТОП ИНДЕЙЦЕВ КЛАМАТ.

С давних времен передавалось, что люди стали такими злыми, ни в чем не находили ничего хорошего, и человеческий прогресс скатился к разрушению. Незамужние женщины становились матерями множества внебрачных детей, поскольку мужчины вели жизнь, полную разврата, а женщины - позора. Преступления и убийства подстерегали на каждом углу, грабеж и жадность к богатству ужасным образом следовали друг за другом. Люди стремились не к честной жизни, а к жадности и присвоению богатств. Тех, кто уважал себя и лелеял свою семейную гордость, стало немного. Ненормативная лексика стала правилом, законы стали коррумпированными и игнорируемыми, и целые сообщества скатились вниз, приведя к полному разорению.

Бог разгневался, посмотрев вниз, Он увидел, что люди год от года становятся все более развращенными, когда люди влачат жалкое существование в своей жадности. Бог явился одному из хороших людей, человеку, который всегда жил честной жизнью, уважая своих братьев и соблюдая, прежде всего, Божьи нравственные законы. Он явился этому человеку, Гас-со-ме, который носил в своей тайной груди истинное имя Бога, и Бог сказал ему, что Он собирается уничтожить все на земле великим потопом, поскольку люди стали настолько нечестивыми, что Он больше не хотел выносить зрелища такого нечестия. Гас-со-ме умолял Бога не уничтожать людей, затопляя мир, и тогда Бог сказал ему пойти среди людей и посмотреть, сколько хороших он сможет найти, он мог найти только еще одного, поэтому Бог сказал ему приготовить плот, так как Он собирался уничтожить мир наводнением. Этим единственным человеком, который обладал непоколебимой верой благородного человека, был Хоу-гон-оу, тоже Талт. Теперь Бог предстал перед их двумя Первосвященниками и повелел им готовиться к последнему потопу, поскольку на земле не было хороших людей, кроме двух Талтов и их жен. Он повелел им построить большой плот, на котором они поплывут, в то время как остальное творение погрузится в поднимающиеся воды и погибнет.

Гас-со-ме и Хоу-гон-оу сразу же начали строить плот, в то время как люди продолжали свое дикое веселье, презрительно посмеиваясь над двумя строителями, но те не обращали на них внимания и продолжали упорно работать. Когда два Талта достроили плот, Он вызвал дождь, и дождь лил не переставая, заставляя воду подниматься все выше и выше, пока воды о-плах-пека (наводнения) не покрыли весь мир. Когда вода поднялась вокруг плота, двое Талтов взяли своих жен, Гер-ке-эр и Ка-ва-мер, на плот, где они остались и поплыли вверх, когда вода поднялась. Эти две жены тоже были Талт, и наш священный орден сохранился нетронутым во время великого потопы. Они взяли с собой на плот траву, или вальтпай, которая, как и прежде, оставалась совершенно зеленой и цвела, они также взяли с собой ворона и голубя, но все остальные земные виды были оставлены, и они были уничтожены великим потопом. Много дней и ночей над охваченным ужасом миром непрерывно лил дождь, пока все долины и низменности не превратились в одно сплошное море, и только вершины самых высоких холмов и гор остались непокрытыми, где люди стояли, сбившись в кучу, поскольку вода неуклонно гнала их вверх по склонам гор. И все же дождь продолжался, люди бегали туда-сюда, раздавались пронзительные вопли, когда их охватывало ужасное предчувствие гибели, на их жалобные крики отвечала только поднимающаяся вода, когда их тела на мгновение подбрасывало на разъяренных волнах, а затем они погрузились в свои могилы в неведомых глубинах. Вскоре все высочайшие горные вершины были покрыты водой, и мир превратился в одно сплошное море. Все живые существа исчезли с лица земли, так как они утонули в волнах, чтобы больше не жить.

Когда дождь прекратился, Гас-со-ме послал ворона (буа-гаука) с плота посмотреть, не принесет ли он каких-нибудь вестей о суше. Он улетел над водой, пока не нашел несколько дохлых рыб и больше не вернулся. Именно по этой причине вороны с тех пор питаются падалью и всегда оставались такими дикими, обитая на отдаленных горных скалах, с которых открывается вид на окружающую местность, поэтому они могут увидеть любого приближающегося человека и улететь. По прошествии нескольких дней, а от ворона не поступало никаких известий, Гас-со-ме выпустил голубя, и после того, как тот ненадолго улетел, он вернулся на плот с веточкой перечного дерева. Теперь Гас-со-ме знал, что воды, по которым он плыл, возвращаются назад, и скоро здесь будет суша, и с тех пор индейцы с большим почтением относятся к голубю. Мы носим символ голубя в нашей священной ложе и с детства учим детей никогда не причинять голубю вреда, и мы никогда никоим образом не причиняем ему вреда.

После возвращения голубя плот плыл по воде еще несколько дней и, наконец, остановился на вершине очень высокой горы, известной как Не-гам-альт, которая расположена на крайнем северо-востоке этого континента, а не за океаном. Этот величественный пик сверкает на солнце, и его можно увидеть с большого расстояния. Плот, стоявший на этой горе, превратился в белый кремнь, и когда светит солнце, этот кремнь ярко блестит. Согласно нашим традициям, только один человек когда-либо поднимался на эту гору и возвращался к нашему народу после потопа, принося с собой кусок кремня, и с тех пор мы используем белый кремнь на наших фестивалях, поскольку он является самым ценным из всех других видов.

Когда вода достаточно спала, Бог повелел Гас-со-ме и Хоу-гон-оу со своими женами спуститься с горы и заново заселить землю. От этих двух талтов и их жен произошел наш нынешний народ, и они снова рассеялись по континенту. Спускаясь с вершины горы, Талты несли с собой уолт-пай, такой же, как у них был, когда они впервые совершали свое долгое путешествие из страны Чик-чик-алт. Эта божественная трава снова постоянно цвела, и Гас-со-ме, с помощью Хоу-гон-оу, используя правильные слова своей молитвы Богу, могли повелевать с помощью травы всем, что им было нужно для человеческого существования, поскольку их молитвы были бы исполнены Богом.

Теперь Бог создал животную и растительную жизнь, которая была уничтожена во время потопа, за исключением ворона и голубки, которых Первосвященники несли с собой на плоту. Когда было произведено воссоздание, Бог сначала создал белого оленя, затем красного орла, такого же, как при первом сотворении. Он также поместил дождевой лук в небеса в качестве обещания Гас-со-ме и Хоу-гон-оу, что он никогда больше не уничтожит людей наводнением, но если люди когда-нибудь снова станут настолько развращенными, Он уничтожит их великим пожаром, сжигающим мир. Когда индейцы видят радугу на небесах, они всегда смотрят на нее с уверенностью, что это обещание Бога, что Он больше не будет разрушать мир дождями. Когда идут сильные дожди, они всегда говорят, что они не будут продолжаться очень долго, потому что в следующий раз весь мир сгинет в огне.

Талты передают традиции о том, что, когда они впервые прибыли на эту землю, белая раса, которую они здесь обнаружили, была высоконравственной расой. Они жили в мире и счастье, а преступления были чем-то неизвестным. С уходом этой белой расы миновала эпоха невинности и мира.

С появлением нынешней белой расы индейцы сначала поверили, что это возвращаются древние белые люди. Племена радовались, думая, что снова воцарятся мир и счастье, потому что Ва-гасы дали им верное обещание, что когда-нибудь они вернутся. Увы, печальная ошибка в идентификации этих людей, ибо они были иностранцами, которые воспользовались нашим гостеприимством и вскоре захотели предъявить права на землю наших предков. Преступления следовали по их стопам истребления, а расовая ненависть охватила почти шестьдесят пять лет их анналов. Хуже, чем выстрел, это давным-давно свело в могилу гордость нашей расы. Появление виски принесло нам опустошение и разорение, и не было примера, который можно было бы рассказать. Они разрушили великолепную мораль наших женщин и втянули их в проституцию, которой они никогда не знали со времен воссоздания нашего королевства. Они наполнили свои тела отвратительными болезнями, которых мы не знали с момента сотворения мира, и наши индийские врачи в отчаянии сдались, потому что не могли найти никакого лекарства от этих болезней. Когда наши верные добрые люди поднимались и протестовали

против этих безобразий, эти белые иностранцы имели обыкновение оскорблять нас и называть дикарями, а некоторые племена отправляли в отдаленные резервации умирать с голоду. Они называли наших женщин “Скво”, а наших мужчин “Баксами”. Похоже, у них была идея, что мы не обладаем человеческими душами, взлелеянными человеческой любовью к преданности. Они претендовали на наши земли, и их историки называли нас “дикими обитателями леса”, как будто мы были иностранцами в далекие века необъятной древности. Искатели удачи, игроки и головорезы жили с нашими женщинами в прелюбодеянии до тех пор, пока они не уставали от них и не оставляли их с детьми. Бедные маленькие дети из их собственной плоти и крови, дети без рождения и без родителя, который узаконил бы их как своих собственных. Отцы животного царства гордятся тем, что сражаются за своих детенышей, и не бросят их даже в пасти смерти. Может ли у такого класса людей, как эти, быть душа, когда они совершили такие безобразия по отношению к моему народу и опозорили живых своими поступками? Происхождение нашей расы было гордым, самым гордым из всех, когда-либо ходивших по земле, и когда эти дети обнаруживают, что их гордость навсегда лишена не по их вине, их гордые сердца разбиваются в последующие скорбные годы, поскольку их падшее происхождение ведет их к незапятнанным могилам. Такие скорбные процессии, как эта, следуют друг за другом во мраке угнетения. Сегодня я осмотрел свое племя По-лик-ла и Печ-ик-ла и глубоко опечален, обнаружив, что очень мало младенцев родилось от хорошей чистой крови, которая не заражена вирусом венерических заболеваний. Откуда берутся эти жалкие условия? Нам не хочется снова указывать на белого человека. В некоторых случаях большая семья, состоящая из братьев и сестер, не знает о своих истинных взаимоотношениях. Я осмелюсь сказать, возможно, каждый из них произошел от другого отца, и отец пришел Бог знает откуда, и ушел они не знают куда, но такой отец, несомненно, ответит перед Престолом Всемогущего Бога. Я молюсь, чтобы Бог смилостивился над такими детьми, которым приходится терпеть позор недостойного родителя. Сегодня, когда Клатат возвышает своих царственных лесных владык, где он возвышает свои высокие горные вершины над своими скалистыми берегами и смешивает свои воды с Тихим океаном, эта славная страна, некогда бывшая в своей красоте и гордости, я осмотрел ее заложников и не нашел никого, чье рождение допустило бы их в эту святую ложу, никого, кто мог бы разжечь ее священные огни у священного алтаря. Талты вечно ждут, ибо никто больше не ответит на их жалобные мольбы, чтобы спасти и лелеять возвышенную религию. Очень немногие люди среднего возраста рождены таким образом, но их мораль в более широком смысле была испорчена, их целостность была подорвана до такой степени, что они думают, что нарушенное обещание лучше, чем сдержанное, поэтому, пока существует мир, они никогда не смогут быть приняты в эту священную ложу. Некоторые мужчины из племени кен-не-а были достаточно честны, чтобы жениться на наших женщинах по своим законам, а некоторые из них женились как по законам о браке белых мужчин, так и по законам индейцев. Большинство из этих мужчин воспитывались в больших семьях, и дети от этих союзов в среднем составляют мужчин и женщин, которыми американская нация вполне могла бы гордиться.

Верховные Жрецы говорят сегодня, что из-за их древних учений и их древней религии, развращения кен-не-а (белых) между собой и деморализации их собственной расы, эти две расы становятся очень порочными. Мужчины и женщины одинаково используют ненормативную лексику, мужчины вовлекают своих женщин в проституцию, виски и вино из салунов одинаково проникают в сердца молодых мужчин и женщин, разрушая узы мирных семей и разрывая любовь человеческих сердец, оставляя, таким образом, опустошение. Жадность к богатству с помощью обмана в целом приводит Талтов к очень сильной вере в то,

что вскоре Бог пошлет великий пожар, который поглотит весь мир в огне, и что его люди исчезнут. Над их прахом Бог сотворит другой народ, где они построят свои величественные особняки, душой преданные Богу. На пепелище исчезнувших эпох будет процветать новый народ с новыми правительствами и новыми законами, и снова наступят эпохи мира и счастья, проливая свое сияние славы на весь мир. Так пророчествовали наши Первосвященники.

ГЛАВА XV.

ПЕРВОСВЯЩЕННИКИ.

Таланты рождаются в самых выдающихся браках, и в любое время их было очень мало из-за нехватки денег для заключения брака. Их должно было быть двенадцать штук, чтобы получилась одна струна, (коутон-а) они считают их только за десять штук, а получается двенадцать струн, так что при подсчете получится сто сорок четыре штуки. Женщина, на которой может жениться Талт, не обязательно должна принадлежать к семье Талтов, но может принадлежать к среднему или богатому классу. Ее народ может сравняться, или почти сравняться, ценными товарами за двенадцать ниточек дерзости, которые он дарит. При таком браке, как этот, может быть несколько детей. Итак, если мать и отец чистокровные индейцы кламат, то их дети имеют правильное происхождение, однако среди них может быть один, а возможно, и двое, что случается нечасто, которые могут обладать правильным характером, молчаливостью и светлым умом, чтобы разумно взвешивать все вопросы любого рода, принимая в любом случае широкое и либеральное решение. Это относится одинаково как к мужчине, так и к женщине, и если все удовлетворительно, либо он, либо она при рождении могут быть приняты в ложу Талт, и иногда они проходят только через одну часть и не могут идти дальше, а иногда они проходят через две части и не проходят дальше, и лишь немногие проходят через все и становятся Талт. И в ложе может действовать не менее трех человек, а четвертого сделать Талтом. Теперь все эти другие дети высокого происхождения, и им приходится выступать во многих важных местах, заполнять их на фестивалях и другими способами. Многие из них никогда не подают заявку на то, чтобы стать Талтами, и многим из них отказывают, и им не разрешают даже начать, если их поведение ненадлежащее. Никогда еще не было ни одного рожденного наполовину белым или принадлежащего к какому-либо другому племени, которого когда-либо принимали в вигвам. Они должны быть чистокровными кламатами, принадлежать к высшему или низшему подразделению племени, проживающему на побережье от Ахмана до Тринидада. Жители верховьев реки от слияния Трех Рек говорят на другом языке, очень свободно вступают в браки между собой и имеют ложу Талта, в которой они работают вместе. Вверх по реке они теперь полностью потеряли все это, и у них не осталось ни одной хижины. В устье Кламата старая хижина рухнула, но ни одного Талта не осталось. В Пекване, в двадцати пяти милях от устья реки, находится дом Талтов, где хранятся все их рабочие

инструменты, и он все еще в хорошем состоянии, сторожка осталась, но она старая и обветшала.

В нашей груди живет чувство любви к нынешней белой расе, и эта любовь была привита нам бережным воспоминанием о нашей Ва-газе. Мы любили эту расу, и именно по этой причине наши женщины так охотно выходят замуж за белых мужчин, и им так легко быть обманутыми.

ГЛАВА XVI.

ЗАКОНЫ РЫБНОЙ ПЛОТИНЫ.

КОГДА строится рыбопромысловая плотина, у них действуют очень строгие законы, регулирующие это. Есть девять ловушек, которые можно использовать, одна принадлежит Локу и его родственникам, одна - Лок-ни и его родственникам, одна - Нормер и ее родственникам, и так далее по цепочке. Эти семьи приходят утром, и каждая берет из ловушки то, что принадлежит ей, столько лосося, сколько им нужно, выуживая его сетью, которая сделана и используется для этой цели, и они не должны позволить ни одному лососю пропасть даром, но должны заботиться обо всем, что они поймают, или понести наказание по закону, которое строго соблюдалось. После того, как все они получают лосося, наступает очередь бедняков, которые берут то, что могут использовать, часть из которых они используют свежими, а остальное нарезают, слегка коптят, а затем сушат. Когда они высохнут, их снимают и упаковывают в большие корзины, укладывая между слоями листья дерева перечного, чтобы в них не попала моль, а затем убирают на зиму. Индейцы могут добывать лосося вверх по реке, насколько это возможно, и ниже по реке то же самое. В этих ловушках скапливается масса лосося, настолько полная, что они заставляют всю конструкцию рыбоводной плотины дрожать от их веса, препятствуя свободному прохождению воды через решетку. После того, как все заберут из лосося все, что им нужно, что должно быть сделано в начале дня, Лок или Lock-нее открывает верхние ворота ловушек и пропускает лосося вверх по реке, и в то же время большое количество проходит через открытый проход, оставленный на южной стороне реки. Это делается для того, чтобы у хупов, обитающих выше по течению реки Тринити, был шанс поймать лосося. Но они внимательно следят за тем, чтобы их осталось достаточно для нереста, за счет чего запасы сохраняются на следующий год. Белые часто говорили, что индейцам нельзя позволять строить рыбную плотину и тем самым препятствовать прохождению лосося к месту нереста, и в газетах публиковалось, что рыбную плотину следует снести. Однажды в газетах округа было опубликовано, что оно было вырвано надзирателями, это была ложная публикация, поскольку оно никогда не было вырвано индейцами или белыми. С другой стороны, после того, как в Рек-вое, что в устье реки, был основан завод по консервированию лосося, белые и полукровки начали ловить рыбу для консервного завода; у белых есть законы, по которым никому не разрешается протягивать сеть более чем на две трети расстояния через реку, и надзирателям платят за то, чтобы они следили за соблюдением закона, однако белые

устанавливают одну сеть с одной стороны на две трети поперечника, а затем всего в нескольких шагах вверх по другой сети с другой стороны, и которая простирается на две трети поперечника и на расстояние на шестидесяти ярдах будет от восьми до десяти сетей, образующих настолько плотную сеть, что вряд ли лосось сможет пройти мимо. Будут ли белые сохранять лосося на протяжении всех веков, как это делали индейцы кламат, если они выживут так долго? Нет, если только они не будут более строго соблюдать законы.

Пока рыбная плотина выдерживает натиск воды и лосося, Лок, Кок-ни, Нормер, все девочки (ва-клур) и мальчик (чарра) остаются и наблюдают за происходящим, пока вода не поднимется и не смоем плотину, что часто занимает два-три месяца, а затем все они расходятся по домам, радуясь, что плотину смыло. Лок и Лок-ни, в течение всего этого времени на рыбном пруду, проявляйте максимальную осторожность и предосторожности, чтобы следить за тем, чтобы все они были в добром здравии, ежедневно купались и содержались в чистоте, чтобы не испачкать свои красивые платья из оленьей кожи, для изготовления которых потребовалась самая умелая и терпеливая работа, а также самая терпеливая и умелая работа по чистке в случае загрязнения. Вся эта церемония закладки рыбной плотины была настолько точно проведена в соответствии с учениями, которые передавались им из поколения в поколение как божьи законы, что белый человек, который видит это и понимает значение различных частей, а затем не испытывает к этому должного уважения и ведет себя соответственно, не был рожден от боголюбивой матери. Писатель как Нормировщик помогал строить рыбную плотину и знает значение каждого сделанного шага.

Эти священные законы были даны нам белой расой людей, населявших эту страну, когда мой народ впервые пришел на эту землю. Ва-гас в древние времена сначала построили рыбную плотину примерно в двадцати четырех милях ниже по реке, в месте, называемом индейцами Ту-реп, которое представляет собой плоскую полосу, занимающую около восьмидесяти или ста акров и расположенную на южной стороне реки, северная сторона которой крутая, почти обрывистая, такая же, как у Кап-пелла. Вашингтон изменил название с Ту-гер на Cap-pell, сказав, что Ту-гер должен быть ближе к океану. В то время река впадала в море в Ах-мане, в шести милях к северу от нынешнего устья реки в Рек-вое. Кап-пелл дал людям больше шансов добраться до рыбной плотины и, следовательно, принести пользу большему числу из них. Они научили мой народ строить рыбную плотину и передали им все тайные и священные учения о законах, управляющих ею. Это было сделано до великого потопа, который накрыл мир и утонул все, кроме двух Талтов и их жен, которые прошли через все это. Нынешнее место, где построена рыбная плотина, существовало на протяжении долгих веков, и законы, регулирующие рыбную плотину, очень древние и теперь утрачены навсегда. Они могут ввести это, но не по священным законам и предписаниям, которыми пользовались столько поколений, поскольку они утеряны, и никто не может их получить.

ГЛАВА XVII.

ДРЕВНИЕ ДОМА.

МНОГИЕ дома индейцев племени Клат-Ривер относятся к доисторическим векам давным-давно и ремонтировались и перестраивались многими поколениями. Некоторые из них освящены заманчивыми традициями и вдохновляющей историей, когда наш народ был могущественным и правил могучей нацией. Индийское название этих домов - Ок-ло-мелт. Один из этих домов расположен в Ва-тек, менее чем в двухстах ярдах от того места, где проводятся Танцы в Белых оленьих шкурах, и является домом моей матери, где она родилась и где впервые увидела свет незнакомого мира. Окрестности этого дома наполнены романтикой веков вместе с замечательной историей минувших веков, поскольку они возникли еще до того, как индейцы пришли на эту землю из Щекастого алта. Они говорят, что сначала дом принадлежал Ва-га, белым людям, которые были здесь, когда они впервые прибыли. Ва-га очень любили домашних животных, и пока они жили в этом доме, они держали несколько оленей в качестве домашних животных.

Когда Ва-га покинули эту землю, они оставили на этом месте молодого человека, который был наполовину индейцем, наполовину белым. Он остался на некоторое время и заботился о домашних животных, так как Ва-гас лелеял их. Молодому человеку стало тоскливо по своему народу, несмотря на то, что он был очень предан оленям, и однажды он откликнулся на зов Ва-га и пошел по их стопам, чтобы присоединиться к ним на далеком севере. Уходя, он попросил индейцев моей древней крови позаботиться о его питомцах, поскольку он будет отсутствовать и никогда не вернется. Это мой народ сделал по просьбе молодого человека и из-за их великой дружбы между двумя расами. Этот древний дом стал священным местом, где все вокруг наполнено священными воспоминаниями о людях, которые давным-давно молча ушли из жизни.

В одном углу этого жилища, внутри его стен, находится большое каменное корыто, которое было изготовлено и установлено там Ва-га неисчислимые столетия назад, чтобы они могли кормить своих оленей. Оленей кормили стеблями табака и вальтпая, стебли измельчали в тонкую муку, смешивали вместе и затем клали в каменное корыто, чтобы олени могли поесть. С незапамятных времен, вплоть до появления нынешней белой расы, говорилось, что духи умерших Ва-га спускались на землю в глубоких тенях вечернего времени и открывали дверь, которая была сделана в углу дома специально для этой цели, чтобы олени могли входить ночью и питаться едой. Ночью олени украдкой выходили из своих лесных жилищ и, обнаружив, что дверь открыта, входили в дом и съедали еду, затем незадолго до рассвета они бесшумно исчезали в лесу, а с наступлением утра дверь закрывалась. Моя мать видела оленей, приближающихся к дому в вечерних сумерках, но она не видела их уже много лет, так как они превратились в загнанных зверей.

В память о прошедших веках Ва-га покинули эту землю еще до того, как мир был покрыт водой, и, согласно этим традициям, этот дом насчитывает сотни веков. Этот дом сохранился вместе с его длинной чередой потомков, но сейчас он увядает в буре прошедших лет, и место, где остались его руины, скоро будет забыто.

Таких старых домов много в разных деревнях вдоль реки Кламат, от ее истока до устья, и на побережье от Ахмана до Тринидада. В настоящее время большинство из них заброшены и оставлены погружаться в руины и забвение.

Гремучую змею называют Мэй-йеп-пер, и они устраивают свои жилища под землей и в темных укромных уголках. Дети, рожденные в этом доме, не боятся этих змей, поскольку они никогда не причиняют им вреда. Змеи беспрепятственно выползают из дома. Я не думал о страхе, поскольку кровь веков сделала меня похожим на этих свирепых рептилий, которых мой народ укрывал и кормил тысячи лет. В старину вся семья уезжала и оставляла дом в покое на несколько дней, иногда на две-три недели, и во время их отсутствия змеи расплзались по дому и лежали повсюду. Если незнакомец пытался приблизиться к дому, они предупреждали его, и если он пытался войти, они сразу же приходили в ярость и нападали на него. Моя мать говорит, что незнакомцы пытались проникнуть в дом, пока семья была в отъезде, и были жестоко покусаны гремучими змеями. Поэтому дверь этого дома всегда оставляли незапертой, поскольку никто никогда не попытался бы войти в него, зная его странную историю. Если семья была дома, незнакомцы могли приходить и уходить по своему желанию, поскольку никогда не было известно, что змеи когда-либо пытались причинить кому-либо вред в присутствии кого-либо из членов семьи.

Когда семья возвращалась из своего странствия, глава семьи или кто-то, кто родился в этом доме, должен был предшествовать остальным. Я помню, что это всегда было обязанностью моей матери, когда она подходила к двери дома и начинала говорить тихим голосом, говоря: "Мы возвращаемся домой, мы сейчас здесь, и вы все должны уйти с дороги". Услышав ее голос, змеи немедленно начинали расплзаться по своим убежищам. Войдя, она начинала легонько постукивать тростью по полу и продолжала говорить до тех пор, пока все змеи не исчезали, после чего остальные члены семьи входили в дом, разговаривая, смеясь и играя, не думая о том, что змеи когда-либо причинят им вред.

Этот исторический дом сейчас принадлежит моей матери, и в нем она не жила уже пятнадцать лет, но примерно пять лет назад она ходила туда почти каждый день, разводила в нем огонь, сидела вокруг дома и плела корзины. За последние пять лет он не ремонтировался и превратился в руины, настолько плохие, что она больше не хочет туда заходить, за исключением особых случаев, когда ей хочется что-нибудь сломать. В течение последних двадцати лет она разбивала на куски каменные чаши, подносы и всю древнюю утварь, оставленную Ва-газами. Она пытается уничтожить все эти священные воспоминания о доисторических днях, чтобы нынешняя белая раса никогда не могла безжалостно обращаться с ними и с любопытством взирать на них. Каменное корыто, из которого кормился олень, такое большое и тяжелое, что она не может разбить его на куски, но позволяет ему погрузиться в землю, и оно покрывается мусором, вместе со своим странным очарованием и увлекательной историей, где моему перу не удалось запечатлеть это глубокое чувство, поэтому его замечательная традиция исчезла с завершением этой главы, где наступила новая эра. Моя мать подарила моему мужу две маленькие каменные чаши как реликвии тех дней, которые ушли навсегда, и он хранит их как заветные воспоминания.

ГЛАВА XVIII.

ВОЙНЫ ИНДЕЙЦЕВ КЛАМАТ.

Индейцы кламат как племя похожи на все другие народы, история которых восходит задолго до великого потопа, о чем ясно говорят их легенды. У них было множество войн на протяжении всех веков, и они никогда не складывали свои луки и копья перед каким-либо другим племенем или племенами, и в разное время им приходилось сражаться с каждым племенем, а иногда и с комбинациями племен. Они много раз были почти истреблены в разных местах обитания. Это было на пересечении реки Тринити, когда хупы (Ar-me-musees) спускались по реке Тринити и нападали на них в центре племени, убивали, жгли и рассеивали их прежде, чем они успевали собраться, а иногда они улаживали разногласия с хупами и оставляли все как есть без войны. Таким образом, хупы стали более смелыми и жестокими и начали применять тактику нанесения увечий телам убитых или срезать волосы мертвых и носить их, танцуя свой военный танец. Эти вещи, доведенные до определенной точки, терпеть было нельзя, поэтому кламаты собирались в большом количестве, достаточно сильном, чтобы бросить против них войска, которым они не могли сопротивляться, сжигали их деревни и изгоняли их обратно, беря в плен как мужчин, так и женщин, пока они не умоляли о мире и все не улаживалось, иногда на длительный период. В этих поселениях они выдавали женщин замуж с обеих сторон, чтобы установить между ними отношения, которые сохраняли бы долгие и вечные периоды мира. Индейцы кламата брали людей из племени хупа в рабы и отдавали в рабство своих собственных мужчин, но во все времена это были люди низкого происхождения и класса рабов, которых отдавали таким образом, и никогда - богатого класса.

Наше племя простиралось до устья Кламата и в шести милях к северу до Ахмана, и здесь им пришлось давать отпор вероломным индейцам Кресент-Сити и Смит-Ривер, эти хе-нас были суровыми бойцами, жестокими во всех отношениях, убивали женщин и детей, а когда им нравилась красивая молодая женщина, они истребляли ее соплеменников, забирали ее и пытались убить, подвергая жестокому обращению и морив голодом. Кламаты будут сражаться с племенем за такие поступки, и они будут сражаться снова и снова в течение многих лет, и улаживать дела, и латать до тех пор, пока Хе-нас не совершат какой-нибудь невыносимый поступок, тогда кламаты соберут сильное войско и пойдут за ними. Несколько раз они чуть не истребили все племя хе-нас. Они были женаты и состояли в смешанных отношениях с кламатами на протяжении более ста миль вверх по реке, но женщины кламат не любят вступать с ними в брак из-за их жестокости. С другой стороны, женщины Хе-на были рады получить возможность выйти замуж за кламатских мужчин. Наше племя простиралось вдоль побережья

до Тринидада, на расстояние более пятидесяти миль, и здесь им пришлось давать отпор индейцам Мэд-Ривер и Гумбольдт-Бей, которых мы называем уэй-эттами. Уэй-этты были многочисленным племенем, жирными и ленивыми, питавшимися в основном моллюсками, ракушками, мидиями и другой рыбой. Они не были хорошими воинами, но были сильны числом, и кламаты легко удерживали их на границе своей территории, а с вайэттами они не вступали в брак, утверждая, что у них слишком низкая мораль и они не строят постоянных домов и не живут в них, постоянно переезжая и разбивая лагерь то тут, то там.

У кламатов было несколько войн с индейцами Редвуд-Крик и некоторые с другими небольшими племенами, и они держались на протяжении веков, так что многие могли называть себя чистокровными индейцами кламат.

Худшей из всех войн было то, что индейцы кламат почти постоянно воевали между собой, деревня против деревни, иногда близко друг к другу, иногда далеко друг от друга, одна богатая семья и их рабы против другой богатой семьи и их рабов. Великий фестиваль, один из которых проводился каждый год, если только не предотвращалось какое-нибудь большое бедствие, привел бы к почти полному урегулированию их разногласий и сблизил бы их настолько близко к дружеским отношениям, насколько это было возможно, и привел к прекращению боевых действий почти на половину времени, во многих случаях останавливая их навсегда. Таким образом, индейцы кламат удерживались от самоуничтожения и держались вместе как могущественное племя, которого на момент прихода первых белых людей было несколько тысяч. Нашим племенем управлял Талт, и у него никогда не было вождя.

Мой народ носил шляпы или кепи, которые мы делали своими руками, сплетая их из нашего материала для корзин, с различными знаками или узорами, вплетенными в них, за много поколений до прихода нынешних белых людей. Ни одна женщина не стала бы носить шляпу, которую она сшила бы сама, считая, что это к несчастью для нее.

Мне приятно сказать, что у моего народа никогда не было войны с нынешними белыми людьми, ибо в первое пришествие Кен-и-ахса мы разобрали все разногласия серьезного характера между нами и урегулировали их сами, чтобы сделать их удовлетворительными для них и заставить их быть удовлетворительными для моего народа. Таким образом, мы сдерживали тех из наших людей, которые были склонны к кровопролитным войнам, и только благодаря этому мы могли бы надолго сдерживать белых из-за суровой местности. Прошло всего около семидесяти лет с тех пор, как мы впервые узнали о белых людях, которые сейчас здесь.

ГЛАВА XIX.

ЗАКОНЫ О БРАКЕ.

Индейцы кламат в некоторой степени вступают в браки с соседними племенами. Верхняя и низшая части племен кламат вступают в брак очень свободно, являясь одним и тем же племенем, за исключением того, что у них разный язык. Эти два подразделения настолько тесно связаны друг с другом, что многие наши сотрудники свободно говорят на обоих языках. Всегда считалось хорошим браком для мужчины низшего звена жениться на женщине высшего звена, или для мужчины высшего звена жениться на женщине низшего звена, но они всегда предпочитали жениться за пределами своего собственного подразделения, если это было возможно, поскольку они не были так склонны вступать в брак с родственниками. Не считалось хорошим тоном вступать в брак с родственниками, даже с пятыми и шестью кузенами, поскольку их закон учил их, что брак с кровными родственниками является преступлением против потомства. Со стороны родителей считалось преступлением производить на свет умалишенных или уродливых детей. Вступая в брак, они сохраняют тесный след своих отношений, женщина никогда не теряет свою идентичность, выходя замуж, поскольку она берет фамилию своего мужа, а муж берет фамилию своей жены, как проиллюстрирует следующее: женщина из Тринидада выходит замуж за мужчину из деревни Пек-ван, индийское название которой Чо-ри, следовательно, женщину зовут женщиной Чо-ри, и они называют ее мужа после замужества Чо-рош; муж - мужчина Пек-ван, поэтому они называют жену в его честь и называют ее Пек-желание-он. Детей называют Пек-ван-альт, и к ним всегда обращаются по этим именам, которые напоминают им, что их мать - женщина из племени Чо-ри, а отец - Пек-ван. Этому обычаю следуют, чтобы они могли точно проследить свои отношения на протяжении поколений.

Иногда талты женятся на дочерях богатых семей, однако они очень осторожны в выборе своих жен, поскольку обычно они женятся на представительницах семей Талтов, если они могут жениться там, где нет отношений. У некоторых очень богатых мужчин было несколько жен или столько жен, сколько они хотели содержать, но у среднего индейца была только одна жена. С тех пор как белый человек появился на реке Клатмат, было несколько случаев многоженства, об одном из которых я упомяну особо. Этот индеец, взявший в жены одиннадцать женщин, родился по самым строгим законам о браке в деревне Ва-тек и был известен как Ка-ва-тер; его родители были чрезвычайно бедны, жили в бедности и убожестве в деревне Ва-тек, где они вырастили большую семью детей. Роман его родителей был очень трогательным, поскольку им нечего было дать в обмен на брачные обеты, кроме нескольких ягод мансаниты. Обмен продуктами питания на церемонии бракосочетания считается самым низшим из браков, которые можно было бы назвать браком. От этого скромного брака родились несколько братьев и одна сестра, Га-ва-тер и его братья, когда они повзрослели, все были трудолюбивы и стали хорошими управляющими в накоплении богатства, поскольку горькие насмешки над бедностью их родителей побуждали их к большим амбициям. Пока они были детьми, дети среднего и богатого класса не общались с ними и не играли с ними, другие дети всегда холодно избегали их и смотрели свысока, как на недостойных уважения. Дети из более состоятельного класса всегда делали намеки на то, что братья и сестры этой семьи родились в самом низменном браке, что их родители были никем, едва ли достойным внимания. Эти дети росли почти в отчаянии, их так сильно презирали за их бедность, и в их адрес постоянно обрушивались шквалы инсинуаций с требованием стать кем-то лучше там, где они были так низко рождены. Когда они достигли зрелого возраста, их терзали угрызения совести из-за своего низкого происхождения, их родители оба были хорошего происхождения, их семьи когда-то обладали

большим состоянием, прежде чем они, к несчастью, поженились. С угрызениями совести из-за бедности, глубоко засевшими в их сердцах, эти молодые люди начали вести индейскую жизнь, охотясь, ставя капканы, ловя рыбу и накапливая все богатство, которое только могли заполучить. Рано или поздно братья всегда были за работой, поскольку большие амбиции побуждали их накопить огромные богатства и подняться из низов, где их так презирали. Они работали и копили свое состояние вместе, пока не стали очень богатыми, затем они расстались и поженились, каждый забирая свою часть богатства и разъезжаясь по разным местам, чтобы построить дома для своих семей.

Га-ва-тер с удвоенной энергией каждый раз, когда вспоминал о горьких испытаниях своего раннего детства и борьбе, был полон решимости стать одним из богатейших людей в нижнем течении реки Клатат. Его молитвы были так искренни, его амбиции так велики, его труд так усерден, что награда пришла после долгих лет борьбы, ибо теперь он был одним из самых богатых людей, которых река Клатат знала на протяжении многих поколений. Он поднялся к власти и величию из жалкого забитого ребенка. Теперь его триумфы были наивысшими, ибо он увенчал себя успехом и вечной властью и теперь мог смотреть свысока на тех, кто так сильно презирал его в юности, ибо они никогда не смогли бы быть так богаты, как он. Когда он сколотил огромное состояние, одиннадцать жен делили с ним дом в деревне Сир-э-гоин, где он провел большую часть своей супружеской жизни. Его первая жена принадлежала к высшему сословию индейцев клатат и была романтической невестой всей его жизни, поскольку он подарил ей любовь своей юности, и его нежная преданность была ее на протяжении всех лет их супружеской жизни. Когда десять других невест поселились в их доме, она оставалась его постоянной спутницей и советчицей по хозяйству. У всех жен, кроме первой, родилось от одного до пяти детей. Иногда все жены начинали ссориться и становились очень дерзкими друг с другом, когда на сцене появлялся муж и порол их всех, кроме своей первой жены, он никогда не наказывал ее, так как любил ее больше всех остальных.

В течение многих лет, окруженный богатством, женами и детьми, он был могущественным членом племени индейцев клатат. Когда он состарился, среди его родственников и сыновей возникли семейные неурядицы, которые привели к кровопролитию и гибели людей. Однажды, взволнованный всеми этими неприятностями, он начал переплывать реку вплавь, так как под рукой не было каноэ, и во время переплывания в деревне Сер-э-гоин сильные судороги охватили его и без того уставшее тело, и он трагически погиб, утонув. Очень большая семья детей осталась без отца, и жены уехали из дома в Сир-э-гоине, каждая забрав своих собственных детей. Некоторые из этих детей еще живы и обладают большим состоянием. На этом краткое описание одного из множественных браков индейцев клатат завершается.

У некоторых талтов было несколько жен, но они всегда женились на первой жене по высшей брачной церемонии, чтобы дети, рожденные в этом браке, имели право быть принятыми в священную ложу. Как и прежде, муж берет фамилию жены, и к нему всегда обращаются по имени, в то время как к жене обращаются по имени мужа, происходит обмен именами, а также обмен брачными клятвами. Другие женщины, которые могут быть замужем за Талтом по многоженству, не состоят в браке по высшим законам о браке, следовательно, их дети никогда не могут быть приняты в священную ложу. Многоженство среди талтов встречается очень редко, и талт ни при каких обстоятельствах не женится на рабыне или на ком-либо из низшего класса. Талты обычно с большой осторожностью выбирают себе жену или мужа из семей высокого происхождения. Вступая в брак, они живут очень счастливо и преданы своим семьям. Они

никогда не играли в азартные игры и не пили виски белого человека, их душа была свободна от всех искушений. Здесь я проиллюстрирую преданность одного из браков Талтов. Этот Талт происходил из очень богатой семьи из деревни Пек-ван, который женился на женщине из деревни Туреп. Согласно индийским законам о браке, муж брал фамилию своей жены и был известен как Тур-реп-ах-ва, а жена была известна как Пек-уиш-он. После того, как они прожили в браке два или три года, жена заболела хронической болезнью, которая на несколько лет сделала ее почти беспомощным инвалидом, и преданный муж готовил, стирал, подметал и выполнял все домашние обязанности. Он оставался рядом со своей больной женой день и ночь, исполняя все ее желания, нежно водил ее по городу, брал с собой в свое каноэ на длительные прогулки по реке, чтобы она могла подышать свежим воздухом и снова окрепнуть. Он нанял для нее самых лучших индийских врачей и оплачивал все счета врачей в течение всех лет ее болезни. Его доброе терпение и внимание к ней никогда не подводили его, и он продолжал в том же духе, отдавая все свое время жене в течение ряда лет, пока, наконец, всеми своими усилиями ему не удалось почти вылечить ее, и она все еще жива. Он прожил несколько лет, потом умер, оставив ее вдовой.

Бракосочетание Талта - это долгая церемония, во время которой две семьи невесты и жениха обмениваются большим богатством. Эта церемония в основном проводится с помощью индийских денег "щека", которые представляют собой длинную тонкую раковину конической формы с наклонным изгибом. Он имеет около полутора-двух с четвертью дюймов в длину и ценится в зависимости от его длины, причем чем длиннее скорлупа, тем больше она ценится. Эти деньги измеряются кольцами суставов среднего пальца с внутренней стороны левой руки, и для изготовления одной нитки, которая называется кор-тон-а, требуется двенадцать кусочков щеки. Нанизывая щечку, они соединяют два больших конца вместе и два маленьких - это делается для того, чтобы скорлупки не сминались изнутри. Оценивая величину нитки для щеки, мы зажимаем один конец нитки между указательным и ногтем большого пальцев левой руки, туго натягивая ее вверх по руке к плечу, сохраняя вытянутую руку прямой. Десять выступов на струне измеряются таким образом, не измеряя двойку, которая составляет двенадцать на струне, поскольку двенадцать составляют только десять, согласно нашей нумерации; мы не учитываем дополнительные два выступа на струне, поскольку хотим дать полное значение, чтобы никто не смог найти ошибку относительно стоимости струны. При измерении щеки делается татуировка на руке, к которой подходит конец нитки, чтобы они могли легко определить, была ли заменена какая-либо часть щеки, если с ней обращались разные люди. При вступлении в брак молодой Талт дарит двенадцать нитей этой щеки родителям своей невесты, так как это настоящие индийские деньги, которые мы привезли со старой земли Чик-чик-алт, родители в обмен на другие ценные предметы дарят своему зятю. Старейшины Талт всегда посещают эти торжественные бракосочетания, принося с собой траву уолт-пай, с помощью которой они благословляют молодоженов, желая им мира, любви, счастья и успеха.

Дети, рожденные от этих браков, отбираются Талтом и получают возможность стать Талтом. Талт очень сдержан и никогда не идет навстречу незнакомцу, который интересуется нашими традициями. Наши традиции и религия слишком священны, чтобы их можно было излагать незнакомцам другой расы, поэтому белый человек получил большую часть своих аллегорий от низших классов индейцев. Этот тип индейцев с готовностью рассказывает сказки племени, которые матери и бабушки рассказывают маленьким детям для их развлечения, и это истории, в которые белого человека заставляют верить как в истинные традиции и религию индейцев. Эти истории похожи на традиции и религию индейцев не больше, чем дневной свет похож на ночь.

Существует еще один закон о браке, который у индейцев называется “наполовину женатый”. Будущий муж отдает лишь небольшую сумму предметов, не имеющих большой ценности, и получает взамен несколько предметов, не имеющих большой ценности. В этом браке мужа забирают жить в дом жены или в один дом с ее родителями, и жена в этом браке является главой семьи, и муж вынужден подчиняться ей во всем, что она ему прикажет. Он вынужден ловить рыбу, охотиться, работать и содержать ее родителей точно так же, как он содержит свою жену, в то время как жена учит детей и абсолютно управляет ими, поскольку муж не имеет права поправлять своих собственных детей или каким-либо образом заставлять их возражать. Когда эти дети становятся мужчинами и женщинами, они должны жениться в соответствии с желаниями своей матери, поскольку мужу нечего сказать относительно их поведения или стремления к счастью в жизни. Каким бы неприятным это ему ни казалось, он должен переносить все это терпеливо и молча. Если он отказывается подчиняться своей жене и детям, она может сделать его семейное окружение очень неприятным для него, и если он желает расторгнуть брачные обеты, и она согласна, ему ничего не остается, как уйти из дома, поскольку его жена руководит детьми и управляет домашним хозяйством, и владеет всем, что принадлежит ему, за исключением его собственной индивидуальной жизни, даже его собственные дети признают его своим отцом из плоти и крови, но не более.

Существует брак рабов, при котором, будучи абсолютными нищими, не имея собственного дома и предметов, которыми можно было бы обменяться во время брачной церемонии, они вступают в брак путем обмена продуктами питания, и это считается самым низким браком, который можно было бы назвать браком. Когда они разводятся, у них не возникает особых проблем с разделением, поскольку их хозяева возвращают вещи, и урегулирование обычно происходит легко.

В некоторых индийских браках они не спариваются счастливо. После того, как они пробыли в браке короткое время или даже несколько лет, возникают серьезные проблемы, которые приводят к окончательному расставанию, и когда такое расставание согласовано и детей нет, все ценности, обмененные при заключении брака, соответствующим образом возвращаются. Если есть дети и отец хочет, чтобы они оставались законнорожденными, он должен быть очень осторожен в подсчете ценностей или богатства, которые он хочет вернуть от родственников своей жены. Он должен разделить часть богатства, которое он подарил людям своей жены в день своей свадьбы, каждому ребенку, оставшаяся часть возвращается ему. Если все ценности, подлежащие обмену между договаривающимися сторонами, будут возвращены ему или его народу, это оставит детей незаконнорожденными, без закона, защищающего их от клеветнических языков, и без прав на законное рождение. Индийское общество вечно смотрит на этих детей свысока, как на незаконнорожденных, не состоящих в браке, что легализует их как потомков респектабельных родителей. Я могу честно сказать, что за последние двадцать пять и более лет, прошедших с момента появления белого человека среди индейцев кламат, большинство белых мужчин вступали в брак по системе половинного брака, пока в Индии не исчезли законы о браке. “Скво” отдает своему “белому оленю” свой дом и содержит его низкородных детей-полукровок, в то время как сам он бездельничает на индейских ранчо или валяется в пьяном угаре. И все же те же белые люди кричат: “Неужели индейцу ничего не исправить, неужели у него нет души, которую нужно спасти?” О, ни одной души, которую нужно спасти в этих условиях. Но почему эти белые люди слоняются по индейским ранчо и резервациям, живя за счет труда индейцев? В этом гнусном бизнесе с человеческими жизнями есть трогательная история. Сам индеец преследовал своих белых братьев по системе

полуженщины или вообще не вступал в брак, пока не исчезли священные брачные узы. Это положительно показывает, что индийские законы навсегда утрачены. Образование - единственный выход из этих трудностей, ибо те, кто имел возможность посещать школы, вступили в брак по законам Соединенных Штатов, и эти законы должны соблюдаться, поскольку все индейские законы были отменены дегенеративными белыми мужчинами. Я верю, что недалек тот день, когда дегенеративному белому человеку больше не позволят разбивать лагеря в резервациях и оставлять на своем пути разрушение человеческих жизней.

До появления белого человека брак среднего и богатого классов считался священным, самыми священными узами, которые могли связать человека ради будущего поколения. Разводы считались позором для потомства и позором для нравственного общества, поэтому разводов было немного. Когда заявлялась причина развода, обычно возникали неприятности, которые приводили к кровопролитию до того, как дело было улажено. Эти разводы иногда оставляли рождение детей предметом нападок клеветнических языков, и когда эти дети достигали совершеннолетия, они горько возмущались действиями своих отца и матери, и вражда возобновлялась, иногда на протяжении нескольких поколений, прежде чем было заключено окончательное соглашение. Добиться развода среди индейцев было очень трудно, поскольку это было разорительно для потомства и представляло угрозу для общества. Среди талтов разводы были неизвестны.

ГЛАВА XX.

ДВА ЗНАМЕНИТЫХ СПОРТСМЕНА.

Индейцы играют в игру, похожую на футбольный матч белого человека, за исключением того, что индейцы используют клюшки, а белый человек мяч, поэтому эта игра получила английское название "stick game", индийское название для нее oh-wetlth-per. Они выбирают гигантов, или величайших спортсменов племени, которые составят две команды. В этом соревновании одно подразделение племени бросает вызов окружающим племенам, и этот вызов оспаривается любым подразделением, которое считает себя достаточно способным и сильным, чтобы принять участие в поединке. Племя кламат обычно играло в игры с высшим дивизионом племени и часто играет против индейцев хупа, а иногда и против смит-Риверс. Каждая сторона пожертвовала бы большие суммы денег и ценные предметы для выбранной ими команды, что вызвало бы большой ажиотаж в ставках и азартных играх на эти игры. Команда-победитель выиграет крупные суммы индийских денег, что увеличит богатство их дивизиона и сделает их более могущественными. Следовательно, каждый дивизион будет очень осторожен при отборе своих спортсменов-гигантов. Были выбраны самые высокие, быстрые, сильные и с самым великолепным телосложением мужчины.

Индейцы выбрали ровный участок земли для игры. Всего в нескольких ярдах от деревни Ва-тек находится одна из этих знаменитых игровых площадок. Эта игра очень древняя, поскольку индейцы говорят, что она уходит корнями далеко вглубь веков, и благодаря памяти эволюции они донесли ее до наших дней, где вскоре она будет утрачена навсегда, если только появление новой расы снова не возродит старый дух игры. На игровой площадке они рисуют очень большой круг с линиями поперек него, затем, подойдя к центру этого круга, делают небольшое круглое отверстие диаметром около десяти дюймов на поверхности, и от этого отверстия проводят несколько других линий к большому кругу, таким образом обозначая различные точки игры, как на теннисном корте. Они берут две маленькие палочки длиной около трех дюймов и вырезают выступ на каждом конце, затем скрепляют эти две палочки вместе прочной бечевкой из оленьей кожи и разводят развязанные концы примерно на два дюйма друг от друга, затем вставляют две связанные палочки в отверстия в центре корта. Каждая команда состоит из двенадцати человек, и у них есть судья, который подает сигнал к началу игры и следит за тем, чтобы ни одна из сторон команды не прибегала к нечестным действиям. У мужчин в каждой команде есть круглые палки длиной около двадцати дюймов и прямые, за исключением того, что на одном конце сделан или вырезан крючок, который используется для того, чтобы зацеплять связанные палки и разбрасывать их по кругу. В этой игре нужно разыграть двенадцать очков.

Когда две команды выстраиваются на площадке, судья дает им сигнал начинать, и игра начинается. За лидерами команд наблюдают с обеих сторон, и они изо всех сил стараются увидеть, какая сторона первой зацепит своей клюшкой привязанную клюшку с середины площадки и забросит ее как можно дальше за сторону корта соперника. Теперь обе команды устраивают дикую драку и насаждают друг на друга, пытаясь снова зацепить клюшки своими клюшками и забросить их обратно на территорию противника. Если одной из команд удастся забросить связанные клюшки за большой круг корта на стороне соперника, то именно они выигрывают очко в игре. Команда, набравшая наибольшее количество очков в игре, становится победителем. Команде-чемпиону громко аплодируют и восхваляют огромные толпы, которые собираются, чтобы стать свидетелями этих интересных игр. Игроки в своем диком энтузиазме по поводу славных лавров победы обычно так грубо сталкиваются друг с другом в своих попытках спасти клюшки от других игроков, что иногда некоторые из них получают травмы, а часто и остаются калеками на всю жизнь. Есть несколько случаев, когда игрок был убит прямо на площадке в своей отчаянной борьбе с несущейся толпой.

В давние времена, когда в эту игру играли так часто, жил молодой индеец по имени Су-ме-а-чене, который стал одним из величайших спортсменов, когда-либо существовавших в племени. Он стал настолько искусен в игре, что никогда не терял ни единого очка. Его жилище находилось на вершине высокой горы, которая возвышалась в своем величественном величии над северо-восточными берегами реки Клатат, и это место находилось на расстоянии пяти миль от деревни Ка-нек, и эта гора была названа в честь великого чемпиона и до сих пор носит его имя, будучи известной среди индейцев как гора Су-ме. Су-ме-а-чене очень гордился своими достижениями в этой любимой игре и бросил вызов всем молодым мужчинам из окрестных племен, поскольку ему не терпелось помериться силами с любым из их чемпионов. Его вызов, наконец, был принят молодым человеком, который жил на окраине Тринидада и чье жилище также находилось на высокой горе к востоку от Тринидада, в стороне от Редвуд-Крик. Величие этой горы можно увидеть за много миль отсюда, вверх и вниз по побережью и из многих мест, расположенных далеко в окрестных горах. Эта гора покрыта огромными зарослями сосны и

секвойи и известна среди индейцев как гора Кей-уэй-этт, названная в честь знаменитого спортсмена, жившего на ее вершине. Су-ме-а-чене, услышав о намерениях Кей-вэй-этта принять вызов, сообщил ему, что готов играть. Кэй-вэй-этт сразу же приняла вызов, и они договорились сыграть в игру на реке Клатат, в деревне Ка-нек. Корт был выбран в нижней части бара "Хай ривер", что стало идеальным местом для игры. Оба юных гиганта принадлежали к низшим слоям племени клатат. Вместе они договорились о дне, когда должна была состояться большая встреча. Теперь они заслужили звание двух ведущих спортсменов племен и разослали свои приглашения далеко и близко, всем жителям племен прийти и стать свидетелями великого подвига на чемпионате. Воодушевленные большим энтузиазмом, люди собрались вокруг игровой площадки в огромном количестве, нетерпеливых, беспокойных и разговаривающих, когда два гиганта появились на площадке со своими командами. Вышагивая по площадке пружинистой поступью величайших атлетов, они представляли собой две красивые фигуры, каких когда-либо видели среди племен. Они с гордостью встречали друг друга как великолепные существа статного происхождения и с загорелой мускулатурой, и сердца многих девушек трепетали от умиления, когда они созерцали этих чемпионов, прекраснейших из мужчин. Два воина до сих пор были неуязвимы для стрел супружества, и все хорошенькие и богатые девушки племен собрались, чтобы посмотреть на неиссякаемую храбрость и выносливость этих двух сильных юношей.

Когда судья подал сигнал к началу игры, зрители с большим интересом наблюдали за ней. Су-ме-а-чене и его команда играли жестко и яростно, поскольку их соперники были близко к ним, и после долгой и отчаянной борьбы ему и его команде удалось перебросить связанные клюшки через внешний круг корта и заработать первое очко под аплодисменты и крики зрителей. После каждого выступления всегда устраивался перерыв для отдыха, и Су-ме-а-чене, сияющая от первых триумфов, покидала двор и прогуливалась среди девушек, чтобы познакомиться с ними и услышать от них похвальные слова. Разговаривая со многими, он задержался в толпе девушек с верховьев реки, где его внимание привлекли три темноглазые красавицы, приехавшие из Ках-а-мана или известные белым как Orleans Bar, он сразу же познакомился с ними и задержался, разговаривая с ними, пока ему не пришло время присоединиться к своей команде и разыграть второе очко. Переполненный странными эмоциями, чем-то сродни любви, доблестный чемпион играл яростно и выигрывал очко за очком, пока игра не была закончена. Он не потерял ни одного очка в игре. Во время перерыва в каждом спектакле он разыскивал трех хорошеньких девушек и задерживался в их обществе до тех пор, пока ему не начинало казаться, что он отчаянно влюблен в одну из них. Увенчанный славой и богатством, по окончании игры он сразу же направился к девушкам и шел с ними, пока они смешивались с уходящей толпой. Идя рядом с девушкой, он вообще не хотел расставаться с ней, поскольку сердечно пригласил трех девушек приехать и навестить его дом в деревне Су-ме. Они охотно приняли его приглашение, поскольку для них было большой честью получить возможность навестить его, и они спросили его, как им найти его дом среди остальных домов в деревне. Он заверил их, что они не ошибутся в поиске дома, поскольку описал им, что прямо перед его домом стоит большая сосна. На этом дереве не было зеленых ветвей, так как оно давным-давно умерло, а маленькие сосунки-сокососы пробуравили ствол дерева и построили там свои жилища, поскольку их можно было видеть летающими вокруг дерева. Он дал им такое яркое описание дерева, что заверил их, что они никак не могут пропустить его дом. Девочки были в восторге от него и ушли с радостными предвкушениями навестить чемпиона в его доме. Сэй-гэп, или Койот, который жил в своем доме в нижней западной части деревни Су-ме, был рядом с веселой группой и услышал приглашение

Су-ме-а-чене и описание мертвой сосны, поэтому он решил сам развлечь девочек, чтобы они не ходили в гости к Су-ме-а-чене в его дом.

В тот день, когда девочки планировали посетить Су-ме-а-чене, мистер Койот повалил сосну перед своим домом, и когда девочки прибыли в деревню Су-ме, они сразу же начали искать дерево, которое им описала Су-ме-а-чене. После того, как они некоторое время осматривались, один из них указал вниз по холму на нижнюю западную оконечность деревни, на дерево, и сказал, что это, должно быть, то место, которое они искали. Обрадованные, увидев дерево, они бросились вниз по холму к дому Сэй-гэпа. Сэй-гэп встретил их у двери сердечным приемом и пригласил войти, все они вошли в дом и уселись, пока он обдумывал, как ему лучше всего развлечь девушек и сделать себя очень привлекательным для них. Он позвал свою бабушку и попросил ее устроить пир для юных леди, сказав ей, что она должна приготовить к ужину все самое лучшее, что у них есть в доме. Бабушка начала расхаживать по соседней комнате в задней части дома, как будто готовила еду к ужину. У нее была уже приготовлена большая корзина желудевой каши, которую она спрятала подальше, чтобы ее племянник (он был ее племянником, а не внуком) не съел все это сам, так как он всегда съедал все вкусное и оставлял ее голодной. Эту желудевую кашу она прятала и не приносила Сэй-гэпу и его гостям, чтобы они ею полакомились. Некоторое время она делала вид, что осматривает полки, и шарил в них, пока наконец не достала большую индийскую тарелку с креветками или каким-то червяком, очень похожим на креветки. Она вошла в комнату, где Сэй-гэп развлекал девочек, и начала жарить червей на углях. Черви извивались на углях, лопались и разлетались по всему дому. Девочки в смятении посмотрели друг на друга и задались вопросом, была ли это лучшая еда, которую мог позволить себе его дом, они очень разозлились и сказали, что их обманули. Встав со своих мест, они сказали хозяину, что теперь они не верят, что он Су-ме-а-чене, но он самозванец. Они в ярости выбежали из дома и вернулись в свои дома в баге Orleans. Сэй-гэп последовал за ними домой и продолжал умолять, говоря, что он Су-ме-а-чен, их всеми уважаемый чемпион по “игре на палках”. Это разозлило девушек еще больше, чем когда-либо, поэтому они решили между собой, что не будут принимать ухаживания Су-ме-а-чена и не будут рассматривать какие-либо оправдания, которые он может предложить, если им доведется встретиться с ним снова.

Через несколько дней девочки получили известие, что Су-ме-а-чене снова собирается выступить на другом большом турнире, поэтому все они согласились пойти и посмотреть его, как и раньше. На встрече Су-ме-а-чен в своем обычном хорошем настроении был воодушевлен победой, выиграв первое очко, поэтому во время антракта он решил найти трех девушек и спросить, почему они не сдержали своего обещания навестить его, так как чувствовал себя очень разочарованным. Найдя девушек, он приветствовал их в своем обычном добродушии, но они надменно выпрямились и отказались разговаривать с ним, так как считали, что он высмеивает их и много развлекается среди своих друзей за их счет. Как и прежде, он выигрывал все баллы, а в перерывах возвращался к девушкам, думая, что, возможно, ему удастся выяснить, в чем дело, и снова завоевать их дружбу. Девушки, как и прежде, обращались с ним очень холодно и были настолько надменны, что не желали слушать никаких его оправданий. Ближе к концу игры три девушки перешли на сторону Кривэй-этт, что спровоцировало Су-ме-а-чен. Когда после игры толпа разошлась по домам, Су-ме-а-чене сказал, что поедет в устье реки, в деревню Рек-уой, погостить там несколько дней, поскольку три девушки ему отказали. Добравшись до деревни, множество хорошеньких девушек были рады встретить прославленного чемпиона, и все встретили его по-королевски. Когда его визит закончился, он

объявил девушкам о своих намерениях сыграть еще одну игру в Са-пекс с командой Cay-way-ett и пригласил их всех прийти.

И снова в Ка-неке проводилась еще одна игра за чемпионство между Су-ме-а-чене и Кэй-уэй-этт. Все девушки-безрассудницы должны были присутствовать, и для них было большой честью думать, что их пригласил сам Су-ме-а-чен. Су-ме-а-чене и его команда, как обычно, выиграли первое очко, и во время перерыва на отдых он пошел к Безрассудным девушкам, чтобы навестить их. Все они были рады удостоиться его общества и восхищались его великими спортивными достижениями, и вскоре ему показалось, что он снова влюбляется. На этот раз с одной из хорошеньких маленьких Безрассудных девчонок.

Су-ме-а-чен выиграл все очки, какие у него были в предыдущих играх, и, получив восторженные поздравления девушек из Рек-вой, вместе с девушкой по своему выбору, он пригласил некоторых из них навестить его дома. Девушки обрадовались приглашению навестить его и пообещали навестить через несколько дней. Он описал им засохшую сосну, на которой должен был летать сокосос, чтобы они могли легко найти дом, расположенный недалеко от центра деревни. Четыре девушки пришли навестить чемпиона, как и обещали, они переправились через реку и поднялись на холм в деревню Су-ме, где, точно следуя его указаниям, легко нашли дерево и дом. Они нашли его дома и вошли, он казался красивее, чем когда-либо, поскольку сердечно приветствовал их и сказал, что рад, что они сдержали свое обещание. Он так мило развлекал их, что время пролетело незаметно, и ему не хотелось, чтобы они так скоро уезжали. Они так чудесно проводили время, что он предложил им переночевать у него дома, на что девушки с готовностью согласились. На следующее утро девочки вернулись в свои дома в Рек-вое, очень уставшие и счастливые после того, как их так приятно развлекал юный чемпион. Через несколько дней после отъезда девушек Су-ме-а-чен решил, что поедет в Рек-вой и нанесет ответный визит, и во время этого визита роман перерос в супружество, поскольку он сватался за свою невесту, хорошенькую девушку по своему выбору. После свадьбы гордая маленькая невеста проводила своего мужа в его дом, где элегантно занялась домашним хозяйством. Тем временем его соперница Кэй-уэй-этт и бар "Орлеанская дева" поженились.

После свадьбы великанов они были очень счастливы со своими невестами лишь короткое время и бросили друг другу вызов в другой игре, на которую оба согласились. Множество людей собрались, чтобы, как обычно, стать свидетелями грандиозной встречи, поаплодировать и восславить своего любимого чемпиона. Пока два гиганта сражались на корте со своими могущественными командами, жена Кэй-уэй-этт прокралась от толпы к дому Су-ме-а-чене, добравшись до него, она вошла, выбрала одно из красивых платьев миссис Су-ме-а-чене и облачилась в него. Она очень красиво нарядилась в платье и украшения и села на почетное место, как хозяйка дома. Су-ме-а-чене подошла к миссис Кэйуэй-этт, полагая, что она его жена, поскольку она заверила его, что она была его Безрассудной женой, а не невестой из Орлеана. Миссис Су-ме-а-чене увидела, как ее муж, к ее великому негодованию, ласкал другую женщину, и сразу же поверила, что он ей изменяет. Она сразу узнала красивое платье, которое носила миссис Кэйуэй-этт, как свое собственное, и все это еще сильнее укрепило ее в мысли, что эта незнакомая женщина украла любовь ее мужа и что он позволил ей узурпировать управление домом. Поверив, что все это правда, миссис Су-ме-а-чене, к его великому удивлению, обрушила на своего мужа горячий поток гневных слов и убежала от него обратно в свой дом в Рек-вое. Убитому горем защитнику открылась истина: миссис Кэйуэй-этт обманула его, заставив поверить, что она его жена, и сразу же разыскала его невесту в Рек-вое и у ее ног умоляла

вернуться с ним в их дом в Су-ме. Но ее гордость была уязвлена невыносимо, и она надменно отвернулась от величайшего из чемпионов и величайшего из мужчин и оставила его величественную фигуру согнутой от горя, чувства глубокой потери и горестного присутствия одиночества. Таким образом, истинная милая невеста его привязанностей была безжалостно унесена крыльями судьбы прочь от любви его могучего мужского естества. Опечаленный и уязвленный этим тяжелым ударом, он отказался от внимания миссис Кэйуэй-этт. Эта вероломная женщина хотела отомстить, поскольку считала, что Су-ме-а-чен обманул ее ради собственного развлечения, когда она впервые навестила его в Су-ме, и Сэй-гэп последовал за ней до ее дома в баре Orleans. Будучи женой другого гиганта, Кэй-вэй-этта, она влюбилась в самого могущественного из спортсменов, Су-ме-а-чена, поскольку помнила, что когда-то он был ее любовником. Потеряв его любовь после того, как он стал чемпионом, она была охвачена страстью к его великим победам и полна решимости обмануть его. Она ложно заявила своему мужу, что собирается навестить своих родных в баре "Орлеан", и он с готовностью согласился на ее поездку. Какое-то время он думал, что его жена навещает свой народ, но, к своему великому разочарованию, обнаружил, что она изменила брачным обетам, поскольку пыталась завоевать любовь и восхищение Су-ме-а-чене. Таким образом, величайшие из людей были лишены привязанности своих юных невест, радости и уюта в их домах славы и богатства, а любовь к великолепной женщине угасла. Мораль этой истории состоит в том, чтобы внушить молодой невесте тот факт, что если она непостоянна в любви к великому мужчине и планирует обмануть его, полагая, что завоюет более великого мужчину и более сильную любовь, то, скорее всего, к своему великому сожалению, потеряет их обоих. Гораздо лучше любить по-настоящему великих, которые любят тебя в ответ, чем потерять эту любовь в заговорах ради величайших, которые тебя не любят.

ГЛАВА XXI.

ПОЛКОВНИК ПЕЧ-ВАН.

Полковник ПЕК-ВАН (его индейское имя было меквин) последние пятьдесят или шестьдесят лет был самым богатым индейцем среди низших кламатов. Выпрямившись, он был, вероятно, чуть выше шести футов, среднего телосложения и очень грациозен в движениях. Он был красивым мужчиной и аристократом до мозга костей. Он был потомком очень богатой семьи по обе стороны от дома, а его мать родилась в деревне Кор-теп, примерно в полумиле ниже деревни Пек-ван. В семье его матери было пятеро мальчиков и две девочки, его дяди, тети и бабушка со стороны отца принадлежали к высшей ветви племени, и они тоже были богатой семьей. Мать Пеквана происходила из семьи врачей, его мать и две ее сестры были врачами, его мать, без сомнения, была самой известной женщиной-врачом, которая была в лоуэр-риверс за последние семьдесят пять или более лет. Когда она вышла замуж за его отца, которого они называли Кор-теп-пиш, потому что он был женат на женщине из племени Кор-теп, она вышла

замуж за мужчину из очень богатой семьи, и когда ее мать и отец умерли, они разлучили ее и не дали ей никакой части богатства ее собственной семьи, но разделили его между четырьмя сестрами и двумя братьями.

У нее было пятеро детей, три девочки и два мальчика, полковник был третьим ребенком, и он во всем пошел по стопам своей матери. Она выходила и садилась на ступеньки парадного крыльца, наклонялась, упираясь локтями в колени, и пальцами зачесывала волосы на лицо, затем подпирала подбородок руками и сидела, глядя вдаль и в другие стороны, тем самым заставляя всех бояться ее, кроме Талтов и их семей, над которыми она не имела никакой власти. Все богатые и рабовладельческие классы стали ее смертельно бояться. Всякий раз, когда люди видели ее сидящей таким образом, они начинали перешептываться между собой, говоря, что она пытается сделать кого-то больным и что кто-то заболит. Если кто-то заболел где-нибудь на расстоянии нескольких миль от нее, их первой мыслью было, что она сделала их больными, и она была той, кто мог их вылечить. Этим врачам платят вперед за их услуги, и когда они приходили за ней, вместо того, чтобы принимать ту плату, которую они приносили и предлагали ей, она говорила с величайшей проницательностью, комментировала случай и требовала от них самые ценные предметы, которые, как она знала, у них были, и строила планы, чтобы получить все, что могла. Казалось, она обладала волшебной способностью исцелять, и в большинстве случаев она действительно исцеляла, поскольку была абсолютно уверена в себе и вселяла в больных совершенную уверенность в своей способности вылечить их; примерно по тому же принципу, что и современные христианские ученые. Но за эту плату врач должен вылечить больного человека, и если пациент умрет в течение года с момента, когда врач назначил ему лечение, она вынуждена вернуть все, что ей было дано. Этому врачу редко приходилось возвращать свой гонорар, он накопил огромное состояние и преуспел в своей изощренной практике. Забрав у своих братьев и сестер все состояние, которое оставили им ее мать и отец, она обрела власть и влияние среди своего народа. Она пыталась сделать из трех своих дочерей врачей, но они стали самыми обычными. Она передала почти все свое состояние своему сыну, полковнику, и хотя он не обладал проницательностью своей матери, в конечном итоге ему удалось путем смертей или иным образом завладеть большей частью богатства стольких богатых родственников, что он тоже имел власть и влияние над своим народом. Его походка, манеры и сами действия производили большое впечатление на любого, кто встречался с ним. Он никогда бы не стал есть в доме белого человека, мой дом был единственным домом белого человека, в котором он когда-либо останавливался на ночь и ел за общим столом. Он был очень щедр в своем собственном доме, и белый человек много раз обедал за его столом. Полковник Пек-ван родился в деревне Пек-ван, где находится Talth lodge.

Чистокровный индеец-кламат, рожденный от богатых родителей, но принадлежащий к среднему классу, и при всем своем богатстве и влиянии не мог стать Талантом, поэтому он мог всегда и при любых обстоятельствах оставаться на своем месте; он знал, где он может проявить себя, а где держаться в стороне с совершенной легкостью. Он был близким родственником семей Талтов, и когда дело доходило до фестивалей, он мог провести их всех с большим количеством оленьих шкур, серебристо-серых лисьих шкур и других видов, с достаточным количеством ниток из тюрокюля и щеки, чтобы прикрыть грудь всех, кто танцевал, помимо длинных и ценных кремней, как красных, так и черных, и всевозможных танцевальных принадлежностей. У него всегда был большой лагерь с большим количеством провизии и большим количеством женщин, которые готовили и прислуживали толпе, он был очень щедр и накормил многих.

Он был груб со своими рабами и не обращал внимания на приезжих индейцев других племен, только на свой собственный народ кламат, и со всеми ними он был в близком родстве, далеко вверх по реке, и он навещал их, пока они жили. На больших фестивалях он мог привлекать Печ-ич-лас, своих родственников, для чего угодно, лишь бы всегда оставаться в лидерах. У него была всего одна жена, она тоже была из богатой семьи, и когда однажды он подумал взять другую жену, она прямо сказала ему, что у нее не будет двух жен, что она может и хотела бы уехать в дом своего отца и не возвращаться, поэтому он отказался от этой идеи и остался с ней.

Она была хорошей женщиной, очень доброго нрава и приятных манер; у нее никогда не было детей, и вот уже около двенадцати лет, как она умерла. У него есть племянник по имени Пек-ван Гарри, он женился на женщине, которая жила недалеко от устья реки в деревне Ва-келли теперь его зовут Ва-келл Гарри, и у них целая семья детей, и к нему перешло почти все богатство. Он тоже симпатичный мужчина того же телосложения, что и полковник Пекван.

ГЛАВА XXII.

РАССКАЗ ОБ ИНДЕЙЦАХ ПЛЕМЕНИ ГУМБОЛЬДТ.

Ниже приводится правдивое повествование о том, как белые люди обращались с индейцами Гумбольдта (уэй-йетами) и почти истребили их. Залив Гумбольдта, будучи гаванью, куда могли заходить суда и совершать безопасную посадку, был местом, где белые, естественно, сначала основали поселение и сделали базу для снабжения шахтеров и скотоводов, поэтому вскоре он превратился в город. Сначала он назывался Бакспорт, а затем Эврика, и вся окружающая местность при первом пришествии белого человека была густо населена индейцами, их были сотни, а то и тысячи. Эти индейцы, индейцы реки Клатмат, назывались на своем языке Уэй-йетс, а страну, в которой они жили или вокруг залива Гумбольдта, они называли Ве-отт. У них также были названия для разных мест, такие как Ар-ка-тах, (Аркада) Пер-вер (Эврика), а иногда они называли всю страну Пер-вер.

По мере того, как белых становилось все больше и больше, они начали оттеснять индейцев все больше и больше, никогда не желая признавать, что индейцы имеют какое-либо право на все, что они хотят, пока индейцы не начали бунтовать из-за того, что их изгнали из их домов, где они жили тысячи лет. Всякий раз, когда белые оказывали наименьшее сопротивление, они брались за оружие, пока, наконец, индейцев Гумбольдта не переселили в резервацию на реке Смит и некоторое время держали там, среди индейцев реки Смит. Индейцы реки Смит не были дружелюбны с ними, не обращались с ними по-доброму, и многие из них умерли там из-за нехватки еды, поскольку они не знали этой страны и не могли собрать запасы продовольствия. Когда кто-нибудь из них отправлялся за рыбой или собирать припасы, индейцы реки Смит, завидуя им, выслеживали и убивали их, а солдаты никогда не говорили им ни слова и не делали выговоров, а только смеялись над ними. У них не было аптечки, когда они болели, и не было

возможности лечить больных по-своему. У них не было санитарных норм, и они не могли содержать себя в чистоте, которую они соблюдали в своих собственных домах. Молодые девушки не имели никаких прав по отношению к солдатам или белым мужчинам и были больны, и если индеец возражал против обращения с белым человеком, их в ответ пинали, над ними издевались, а часто и убивали, таким образом, многие из них погибли на реке Смит.

Индейцы Клатат называли Кресент-Сити, Коу-пай, и реку Смит, Хе-на, и все индейцы - одно племя, и они называют их Хе-нас, но иногда обозначают определенную часть, в которой они живут, называя их индейцами Коу-пай, поэтому после того, как их некоторое время продержали в резервации Смит-Ривер, их согнали, как стадо свиней, только с меньшей заботой о том, выживут они или умрут, в резервацию Клатат-Ривер, которая простиралась от Тихого океана вверх пореке Клатат на расстояние двадцати миль, простираясь до по одной миле по обе стороны реки. Когда их согнали в резервацию реки Клатат, индейцы нижнего Клатата обращались с ними более гуманно, поскольку часть индейцев Клатата была добра к ним и старалась, чтобы у них было на что жить, и лечила больных, помогая им по мере сил, то есть определенная их часть так и поступала. Они удерживали тех, кто был настроен недружелюбно по отношению к бедным Гумбольдтам, от причинения им вреда, и все же многие из них погибли, находясь на Клатате. После того, как они продержались некоторое время, пришел приказ перевезти их в резервацию индейцев Хупа, которая расположена на реке Тринити и спускается по реке Тринити до ее слияния с рекой Клатат и в округ Гумбольдт; таким образом, солдаты снова собрали Гумбольдтов вместе, их били ногами и дубинками, детей бросали в лодки, а когда убивали, сбрасывали в реку. Пока продолжалось это убийство, вожди индейцев нижнего Клатата пришли к гумбольдтам и велели им отступать, бежать и прятаться в кустах, потому что они с таким же успехом могли погибнуть таким образом, как и быть убитыми жестокими солдатами. Таким образом, многим из них удалось спастись, скитаясь по лесам, и индейцы Клатат подобрали многих из них и заботились о них в течение ряда лет, в то время как многие из них умерли от переохлаждения и голода. Я видел кости довольно многих из них там, где они умерли в густых зарослях красного дерева, а солдаты увезли оставшихся индейцев в резервацию Хупа. Здешним индейцам они не нравились, и у них не было возможности добыть провизию, на которую можно было бы прожить, и не было возможности лечить или ухаживать за больными, не было санитарии, с помощью которой можно было бы поддерживать чистоту. Раз в неделю каждой семье выдавали по два-три фунта муки, на которые можно было жить или умереть. Индейцы клатат покупали говядину у агента и отдавали ее им, чтобы они не умерли с голоду, а когда становилось спокойнее, индейцы клатат забирали большую часть мяса, которое они собирали, и отвозили в Хупу, к своим соплеменникам, и оставляли там. После того, как все это сошло на нет, с помощью нижних клататов некоторые вернулись в залив Гумбольдт, свой древний дом. Чтобы покончить с ними, когда они устраивали праздник на том, что сейчас называется островом Гюнтера, к северу от Эврики, толпа из шести или восьми белых мужчин взяла каноэ и проскользнула туда ночью с топорами, дубинками и ножами и убила невинных мужчин, женщин и детей, что почти истребило некогда великое и многочисленное племя индейцев, известное как гумбольдты, а индейцы нижнего Клатата - как уэй-йеты. Один влиятельный индеец Гумбольдта и его семья были надежно укрыты в деревне Пек-ван Ветч-а-вахом (моим собственным отцом), и после того, как в заливе Гумбольдта все успокоилось, Ветч-а-вах привез его и его семью обратно домой, где он мирно прожил много лет, скончавшись всего за несколько лет до написания этой статьи. Сегодня в живых осталось не более двадцати или меньше индейцев, а те, что остались, полностью утратили все свои старые обычаи и

учения. У них никогда не было только самых ложных идей Талтского Порядка, когда они были помещены сюда Ва-пек-ва-моу (Богом) и получили свою страну и язык. Иногда кажется трудным думать о бесчеловечности человека, но с заходом солнца белый человек наверняка пострадает за свое жестокое обращение с индейцами Гумбольдта.

ГЛАВА XXIII.

РОМАН О ДИКОМ ИНДЕЙЦЕ.

ЭТО произошло в первые годы жизни моей бабушки и касается в основном семьи из деревни Рек-уой, расположенной в устье реки. На южном берегу реки находится деревня под названием Вайтч-куоу, и в этом месте индейцы устроили большое развлечение, где собралось множество гостей, чтобы принять участие в танцах. Этот танец широко известен в английском языке как “Танец кистей”. Индейцы всегда начинают танцевать эти танцы после захода солнца, а иногда и до поздней ночи. На эти танцы собралась большая толпа, и среди гостей были три подружки с другого берега реки, из Рек-воя, которые присоединились к танцующим по своему обычаю - прикрывать лицо пучком кисточек, чтобы никто не узнал, кто они такие. Все танцоры, как мужчины, так и женщины, держат пучок кисточек у лица, как на балу-маскараде. Пока танцоры веселились, вошли два диких индейца и присоединились к ним, с кисточками на лицах, и никто не знал, кто они такие. Когда танцоры сделали короткий антракт, три бесшабашные девушки вышли из зала и спустились к подножию холма, примерно в тридцати ярдах от них, где на склоне холма бил источник. Посмеиваясь, они пошли попить приятной холодной воды из источника и умыться прохладной освежающей водой. Когда они вышли из дома, два диких индейца последовали за ними к источнику, и, достигнув его, они набросились на одну из девочек по имени Ос-слок-о-мэй и схватили ее, закрыв ей рот руками, чтобы она не могла позвать на помощь, а две другие девочки убежали обратно в дом, чтобы поднять тревогу. Поскольку все было благоприятно для диких индейцев, так как заросли становились высокими и густыми, а леса были рядом, они вскоре затерялись в чернильных тенях больших деревьев, куда и перенесли своего пленника. Двое индейцев шли с девушкой всю ночь, направляясь в южном направлении, прочь от реки, и когда они шли в темноте, она брала маленькие кусочки своего фартука из оленьей шкуры и привязывала их к кустам, оставляя таким образом след, который помогал ее преследователям на большом расстоянии. Когда была поднята тревога о том, что Ос-слок-о-мэй захвачен дикими индейцами, гости больше не танцевали, и все мужчины, которые были в состоянии, отправились в погоню за дикими индейцами, чтобы спасти девушку. Они потеряли ее среди темных теней деревьев, так как в ту ночь не смогли найти никакой тропы, по которой можно было бы идти, а на следующее утро все они пустились в погоню по горячим следам, вскоре найдя оставленный ею след. Запас веревок у девушки иссяк, и поэтому у нее не было возможности оставить какие-либо дальнейшие следы в том направлении, в котором ее вели похитители. Однако они несколько дней обыскивали холмы,

ручьи и горы, но так и не нашли ее следа, и она была оставлена в глуши, а процессия повернула домой, очень опечаленная, с разбитым сердцем.

Где-то в глубине темного каньона, среди секвой, дикие индейцы унесли Ос-слок-о-мэй. Когда они добрались до своего укрытия, один из индейцев сделал ее своей женой по обычаю первобытной свадьбы. Дикие индейцы всегда очень богаты всевозможными индийскими богатствами, и этот дикий индеец одел свою невесту в самое красивое из индийских платьев, сшитое из оленьей кожи и украшенное ракушками, и осыпал ее богатствами. В их дом в глуши пришел маленький сын, которым они оба очень гордились, и они наблюдали, как малыш растет в крепкого, красивого малыша, который от природы унаследовал повадки своего отца, как только стал достаточно большим, чтобы ходить и говорить. Он убегал от своей матери и скакал среди деревьев, резвился в кустах и, казалось, никогда не уставал от своего дикого веселья; он разговаривал и насвистывал сам с собой, и это очень огорчало его мать, поскольку она испробовала все способы, чтобы отвлечь его от дикой возни, но безуспешно. Когда мальчику было около шести лет, его матери стало очень одиноко по своим родным, и она очень хотела увидеть их снова, поэтому однажды она набралась смелости попросить мужа разрешить ей вернуться домой в гости, поскольку, по ее словам, ее родители оплакивали ее как потерянную, потеряв надежду увидеть ее живой. Он согласился отпустить ее домой в гости и разрешил ей взять с собой своего маленького мальчика, так что они начали готовиться к путешествию, так как это было большое расстояние, а местность была очень пересеченной. Муж О-ма-ха (Дьявол), который был безмерно богат, одел свою жену в одно из самых красивых индийских платьев, и маленький мальчик тоже был богато одет, и так они отправились в свое путешествие в Рек-уой. Дикарь направлял и сопровождал их, пока они не приблизились к деревне Вайтч-куоу, деревне, из которой он украл ее в ночь танцев, и здесь, когда они вышли на небольшое открытое пространство, откуда открывался вид на деревню, он расстался со своей женой и маленьким сыном, и они переправились через реку и направились в ее родную деревню. Когда она вошла в деревню, она была прекрасна на вид, одетая в самое великолепное индийское платье, рядом с ней был ее маленький сын, и пораженные друзья и родственники, которые оплакивали ее как мертвую, встретили ее с большим удивлением, поскольку они оплакивали ее потерю почти девять лет. Ее родители были вне себя от радости, обнаружив, что их давно потерянное дитя вернулось к ним, и с сердечными приветствиями и королевским приемом она вернулась в свою родную деревню. С затаившим дыхание интересом они слушали ее чудесные рассказы о ее жизни в суровых дебрях, о том, как ее перенесли через горы и утесы, через огромные леса, в странный дом в пещере в скальном утесе, где один из дикарей сделал ее своей женой. В этой странной пещере она наслаждалась комфортом роскошного дома, потому что ее муж был чрезвычайно богат и был очень добр к ней и их ребенку. Из ее описания следовало, что эта пещера находилась у истока ручья Редвуд, который мы называем Чо-лу-вер-рой, в темном каньоне, который находится, возможно, на расстоянии шестидесяти миль от Рек-воя, в южном направлении. В пещере этого темного каньона, окруженная со всех сторон гигантскими секвойями, она провела девять лет своей жизни, слушая вздохи ветра среди деревьев и странное очарование журчания ручьев, сбегających по скалистому каньону. В безопасности в своей пещере и одинокая, где не было ничего, кроме природы и дикаря, способного утешить ее, она становилась все более одинокой по мере того, как ползли годы в ее желании еще раз увидеть свой народ. Как они проделали долгий путь на обратном пути вдоль русел ручьев, через высокие горы и отвесные стены огромных утесов, через ужасающее спокойствие густых лесов и нависающих зарослей, она наконец добралась до дома, где

родилась. Расставаясь со своим преданным мужем в первый и последний раз, она искренне пообещала встретиться с ним снова в конце своего визита и снова вернуться с ним в пещеру в дебрях. В первые дни своего визита она поощряла своего мальчика общаться с деревенскими детьми. Но он не мог сопротивляться зову той дикой природы, которую унаследовал от своего отца, и все уговоры матери оказались бессильными изменить его характер. Он пользовался удобным случаем, убегал от других детей и играл один в густых кустах, прыгая и насвистывая на ходу. Его мать в отчаянии оставила свои попытки изменить его образ жизни.

Она вспомнила день и место, когда пообещала встретиться со своим мужем и вернуться с ним в их дом, но она отказалась пойти и встретиться с ним в назначенное время и в назначенном месте, поскольку сказала, что никогда не собиралась возвращаться и просто дала ему обещание вернуться к своему народу, и теперь, когда она была с ними, она никогда их снова не оставит.

Он напрасно ждал в назначенном месте, так как она не вышла ему навстречу, и после долгого ожидания он пришел к выводу, что она дала ему ложное обещание, поэтому он осторожно прокрался к реке и переплыл ее в деревню Рек-уой, где, как он знал, остановилась его жена. Добравшись до другой стороны, он прокрался вверх по склону холма и спрятался в густых зарослях кустарника, откуда мог смотреть вниз на дом, где, как он знал, она остановилась, и высматривать ее. Его жена редко осмеливалась выходить из дома, так как боялась, что он снова заполучит ее, поэтому держалась взаперти, чтобы у него не было ни малейшего шанса снова увести ее. Однажды ему удалось привлечь внимание своего маленького сына, и он подошел к отцу, и они поговорили вместе, он велел сыну пойти и сказать своей матери, чтобы она пришла к нему, так как он ждал ее. Когда сын передал сообщение своей матери, она ответила, что не верит, что это правда, поэтому он вернулся к своему отцу и рассказал ему, что сказала его мать. Он немедленно отослал его обратно к ней, умоляя, чтобы она пришла к нему, мать озадаченно посмотрела на мальчика и сказала, что он, должно быть, ошибается, но он сказал, что знал своего отца, и горячо умолял ее вернуться в их дом в каньоне. Несколько мгновений изучая взволнованное лицо мальчика, она ответила, сказав, что он может выбрать между ней и своим отцом, он может остаться с ней или уйти со своим отцом обратно в безлюдные дебри. Мальчик сразу же отдал предпочтение своему отцу и попрощался с матерью. Отец и сын вернулись в свое убежище, и мать, которая когда-то подбадривала их в безлюдных дебрях, больше никогда их не видела, они ушли из ее жизни навсегда, как сон, который приходил и уходил, и снова растаял с наступлением дня, вернувшись в первобытные секвойи, где вы можете увидеть отца и сына, блуждающих вместе среди мистических теней гор страны грез.

Когда индейцы танцуют ради удовольствия, как это было в танце кустарников, и кто-то хочет, чтобы они танцевали быстрее и усерднее, они кричат танцорам: “хал-о-май-ях”, что означает “танцуй усерднее”. В этом виде танцев слово “танец” называется “о-май-лайк”. Но в священных танцах, таких как Танец Ложи, он называется Ва-нек-вель-ла-гоу и имеет совершенно другое значение.

ГЛАВА XXIV.

ПРОРОК, КОТОРЫЙ ПОТЕРПЕЛ НЕУДАЧУ.

ЭТИМ индейцем был Смит Ривер, и индейцы Кламат на своем языке называли его Хе-на Том. Примерно в тысяча восемьсот шестьдесят пятом году, когда этот Хе-на Том жил в своем доме на реке Смит, что к северу от реки Кламат, его жена заболела и умерла, и он сильно оплакивал ее потерю. Осенью ему приснился вещий сон, который побудил его начать своего рода возрождение среди индейцев реки Смит, сказав им уничтожить все, что они когда-либо получали от белых людей, выбросить всю одежду, дома и фактически сжечь все и вся, и полностью вернуться к своему старому индейскому образу жизни, и через короткое время все мертвые индейцы вернутся к жизни, в этот мир. Так случилось, что у Хе-на Тома была сестра, которая была замужем за человеком с реки Кламат, и у них была семья из взрослых сыновей и дочерей, и эта семья жила в деревне под названием Ни-галт, которая расположена на западном берегу реки Кламат, напротив устья Блу-Крик, примерно в восьми милях вниз по реке от того места, где кламаты устраивают свои Танцы в Белых оленьих шкурах. Итак, осенью, после того, как кламаты закончили строить рыбную плотину, и индейцы со всех концов страны были приглашены прийти и посмотреть на церемонию, и Танец из шкур Белого оленя продолжался, Хе-на Том появился среди них со своими изречениями, приказав им уничтожить все имущество белого человека, сжечь все дома, построенные по образцу белого человека, и снести все их индейские дома, но не сжигать древесину индейских домов, оставляя таким образом свободный проход, и всем им принести все свои индейские деньги и богатства других народов. всех видов, и повесьте это на самом видном месте, вокруг того места, где он лежал, накрытый индейскими одеялами из оленьей шкуры. Он сказал им исполнять Танец из Шкур Белого Оленя, чтобы, когда появятся мертвецы, они все танцевали с ними и устроили большой юбилей, и все те, кто не выполнил его священный приказ и не принес свои ценности, чтобы все это превратилось в камень или скалы, а те, кто не поверил и не пришел, сами превратились бы в камень. У него было очень много индейцев кламат из богатого класса, все бедняки и несколько представителей высшего класса, которые были дикими и охотно следовали за ним, и было уничтожено много ценного имущества и вещей, в то время как полки или столы были завалены провизией для умерших, когда они придут, чтобы они могли есть, танцевать и все радоваться, в то время как все белые люди должны были превратиться в камни. Некоторые из мудрецов высшего класса, которые были сведущи в сокровенных тайнах, держались в стороне, говоря "нет", что они хотят увидеть. Пока они утверждали, что Хи-на Том отправился на встречу с мертвыми индейцами и что он вернется к ним этой ночью, трое или четверо сомневающихся подошли к тому месту, где у костра лежали большие груды индейских одеял, и, подняв одеяла, увидели Хи-на Тома. Они заговорили с ним, называя его по имени, но он не ответил, его последователи утверждали, что его тело было там, но что его дух отправился навстречу мертвым. Когда древние, которые были настолько сведущи в тайнах, что их нельзя было обмануть, увидели достаточно, чтобы убедить их в том, что в этом нет правды, они покачали головами, тихо отошли назад и удалились в свои лагеря или дома, сказав, что пророчества Хе-на были фальшивкой, а он был обманщиком. Как оказалось, той ночью Хе-на Том проскользнул

вниз по реке Клатат, к устью, и вверх по побережью, обратно к реке Смит, своему дому. Поэтому, когда клататы пришли забрать свои ценности, там было много такого, что законные владельцы не смогли найти и так и не получили обратно, что многих из них очень разозлило.

Шурин Хе-на Тома впоследствии был убит, и все его родственники-клататы были вынуждены покинуть реку Клатат и переехать в реку Смит, где прожили несколько лет, прежде чем они осмелились снова вернуться в Клатат. Я уже давно пришел к выводу, что индейцы клатат - плохие ребята, с которыми любой может попытаться сыграть фальшивку. У них есть или раньше были свои мудрецы, которые наблюдали за различными положениями планет в разные времена года и рассказывали о суровых зимах, холодном или теплом лете и о различных неурожаях. Иногда им снились сны, которые они толковали как хорошие или плохие. Кроме этого, я никогда не слышал, чтобы у них когда-либо были пророки.

Поскольку белая раса людей, которую они обнаружили населяющей Клатат, когда они впервые прибыли туда, которую мы называем Ва-га, что, должно быть, было тысячи лет назад, они не рассказывают о том, что когда-либо вступали в контакт с какой-либо белой расой или о какой-либо другой расе, когда-либо появлявшейся среди них, пока не появилась нынешняя белая раса, которую мы называем Кен-не-а. Река Клатат настолько недоступна, петляя по высоким горам, без долин, что и по сей день это дикая страна с большим количеством дичи и рыбы. И по сей день среди нас никогда не было ни одного Проповедника.

ГЛАВА XXV.

УЧЕНИЕ индейцев КЛАМАТ О ДЕТОРОЖДЕНИИ.

Индейцы клатат говорят, что ребенок, родившийся в то время, когда солнце находится на самом крайнем севере и в точке, где оно должно повернуть обратно на юг, или, как считает время белый человек, в декабре месяце, который мы считаем десятым месяцем и называем Ка-мо, является наихудшим и наиболее неблагоприятным временем для рождения ребенка, большинство из них умирают молодыми или в младенчестве, а если и выживают, то приносят мало пользы самим себе или племени. Ребенок, родившийся в то время, когда падают желуди, то есть с десятого октября по двадцатое ноября, и это время или месяц, который мы называем Кан-на-вал-ат-тау, является лучшим или одним из лучших периодов, поскольку почти все эти дети умны, здоровы и преуспевают, и из них получают лидеры. В то время как дети, родившиеся в апреле, мае и июне, по нашему подсчету времени, также становятся хорошими, здоровыми и способными мужчинами и женщинами, а также ведущими. Дети, рожденные между двадцатым июля и первым сентября, которых мы называем Шер-вер-сер-а, слабы и живут недолго, большинство из них умирают молодыми, но если они и выживают, то глупы и не приносят никакой пользы своему народу. Те, кто родился в то время, которое белый человек называет октябрём, маем и июнем, получают молитвы матери, великого родителя и мудрых

старых глав племени, и все надеются, что они будут полезны племени, особенно те, кто принадлежит к знатым семьям. Индейцы кламат - это народ, который в любое время молится великому отцу всего сущего и радуется, когда рождается новорожденный. Они наилучшим образом заботятся о матери во время родов, но если женщина производит на свет мертвого или мертворожденного ребенка, на нее смотрят свысока, ее почти отвергают, и ей трудно выкарабкаться. Если она погибнет в борьбе, ее утрате мало кто посочувствует, а если она выживет, ее всегда будут звать Кэм-ма-гей, чтобы все могли ее знать, и если она замужняя женщина, родила детей и спасла их, а потом произведет одного из них на свет мертвым, ее всегда будут называть Квирк-кер-алт.

За всю свою жизнь среди них я видел лишь немногих из этих женщин, но знаю некоторых, которые столкнулись с этим несчастьем. Индейцы кламат лучше всех в мире обращаются со своими женщинами при родах по старому индийскому обычаю.

ГЛАВА XXVI.

ДИКИЙ ИНДЕЕЦ ИЗ ПЕК-ВАНА.

ЭТО произошло на месте моего рождения и примерно в миле вверх по реке Кламат от места рождения моей матери, в деревне Ва-тек, оба места находятся на северном берегу реки. В деревне Пек-ван с востока и севера протекает ручей, который впадает в реку Кламат в деревне Пек-ван или недалеко от нее и называется Пек-ван Крик. Этот ручей имеет три развилки: северную, среднюю и южную, причем южная развилка является самой большой. Гора поднимается на высоту около четырех или пяти тысяч футов в начале южного ответвления, и почти вся местность Пек-ван покрыта густой порослью крупного леса и густого кустарника. В этом обширном лесном массиве у ручья есть пологие равнины, а по склонам горы растет дубовая древесина, желудь, из которого мы печем наш хлеб и который мы называем поп-пилой. Осенью, то есть в последней половине октября, и в течение всего ноября, иногда позже, одна семья возвращалась на саут-форк, к месту сбора урожая. В этих лагерях у них почти всегда есть дома, иногда они сделаны из кедровой коры, иногда из досок, но они сделаны прочными и удобными, так что, если пойдет дождь, они смогут сохранить сухость и тепло, особенно женщины и дети. После того, как они пробыли там некоторое время и собрали некоторое количество желудей, снаружи домов появилось несколько диких индейцев (О-ма-ха), и поскольку в лагерях было довольно много молодых людей, мужчины внимательно наблюдали за девушками и не очень боялись диких мужчин. Мужчины выходили на улицу и кричали О-ма-хахам, чтобы те зашли в дом, чтобы они могли их увидеть, но те боялись войти, только выжидая удобного случая украсть одну из девушек и взять ее в жены. После того, как индейцы собрали столько желудей, сколько, по их мнению, им было нужно, они решили вернуться по домам, но двое крупных, сильных и атлетически сложенных молодых пекванов сказали, что останутся в лагере и спрячутся в одном из домов. Все остальные собрались и отправились по домам,

оставив двух молодых людей, которые взобрались на каркас, где закреплена платформа, чтобы они поставили большие тарелки-корзины, наполненные очищенными от кожуры желудями, чтобы высушить их, над тем местом, где они разводят огонь для приготовления пищи и согревания, тепло поднимается через платформу и тарелки, высушивая желуди; поэтому молодые люди спрятались там, чтобы их не было видно, и держались очень тихо. Вечером пришли дикие индейцы, и, никого не увидев и не услышав, предположили, что все покинули лагерь, и, немного понаблюдав вокруг, О-ма-ха отважился войти в дом и сел у очага, и открыл мешок из оленьей кожи, который мы называем точильным, и внутри у него палочки, которые служат подпорками, придают ему форму, он длиной двенадцать или четырнадцать дюймов, и носить его под мышкой, у каждого из этих диких людей был один из таких мешочков, который является чем-то вроде волшебной палочки, и в руках у него была волшебная палочка. при этом они содержат различные виды трав. Некоторые из них очень полезны для здоровья человека, а некоторые действуют как магия на яд, и с их помощью они могут убить любого, кого пожелают. Теперь этот дикий человек, сев, открыл свой мешок и достал все виды трав или корней, говоря, вытаскивая каждую из них, для чего она полезна, и после того, как он вытащил часть из них и положил рядом с фигурой, ему показалось, что он услышал шум, поэтому, оставив свою фигуру и корни, он выбежал наружу, при этом молодые пекваны спрыгнули со своего укрытия, и схватил фигуру и положил корни обратно в нее, сразу после этого дикий человек вернулся и просил и умолял вместе с ними, чтобы вернуть их, но они отказались это сделать. Он сказал им, что они не смогут использовать его, пока их не научат искусству его использования. Тогда они хотели, чтобы он научил их, но он сказал, что никогда этого не сделает, поэтому они сказали ему, что оставят его себе. После того, как он некоторое время умолял и говорил, они отправились домой, забрав с собой предмет, а дикий человек последовал за ними и всячески умолял их вернуть ему мешок. Когда они продолжили путь к дому, О-ма-ха сказал им, что если они вернут ему это, он заставит умереть любого, кого они пожелают, и отдаст им половину всего, что у него есть, но они отказались и продолжали идти, пока не добрались до дома. Дикий человек пошел с ними в дом, и они накормили его, и каждый раз, когда они выходили, он шел с ними. Иногда они ходили за дровами для парилки, и он внимательно следовал за ними, всегда умоляя о своем поступке и ведя себя так просто, что, казалось, в этом поступке заключалась вся его жизнь. Они были полны решимости никогда не возвращать ему это оружие, и поэтому однажды утром решили развести большой костер в парилке, затолкать его внутрь, запереть дверь и закоптить его до смерти. Они сохранили эту фигурку, и, по их словам, с тех пор этой семье очень везло в добывании оленей и другой дичи, так как у них был дикий индейский дьявол.

Это единственный случай, когда из-за них умер О-ма-ха, о котором я знаю. Эти парилки, несомненно, идеальное место, чтобы закурить человека до смерти.

ГЛАВА XXVII.

КАК БОГАТЫЕ ПЫТАЛИСЬ БЫТЬ ТАЛАНТАМИ.

Я расскажу историю одного очень богатого индейца, который принадлежал к племени Хе-на. (Смит Риверс) Этому индейцу, еще очень молодому человеку, по наследству досталось столько богатства, что он чувствовал, что нет другой части или места, кроме того, куда он имел право и власть пойти, и что он тесно связан с некоторыми богатыми семьями нижнего Кламата, и среди прочих с семьей одного из талтов, которая жила в деревне Ва-тек, недалеко от того места, где проводятся Танцы из шкур Белого оленя. Когда пришло время для этого танца, он взял с собой великое множество своих самых ценных вещей, чтобы использовать их в танце. Он отправился в Рек-уой, устье Кламата, и далее в Ва-тек, чтобы навестить своих родственников и принять участие в танцах, положив туда свои ценные вещи. Все шло весело, к его удовольствию, пока танец не закончился в деревне Ва-тек. В тот день все было готово спуститься к месту, где они все делают остановку, и только тем, кто высокого происхождения, разрешено путешествовать по нижней тропе и идти к месту, которое считается священной землей, и здесь, когда ему сказали не ходить, он сказал: “Почему я богаче всех здесь, я могу пойти в любое место”, затем, когда некоторые из его родственников сказали ему остаться, что он может пойти по верхней тропе с другими богатыми, он сильно запротестовал и все еще настаивал на том, чтобы идти, но ему прямо сказали, что его богатство имеет значение для всех. ничего в это время и в этом месте. Что при всем своем богатстве он был низкого происхождения, что его мать и отец были женаты низким браком, и что он был из племени Хе-на, и что он мог отдать свои богатства тому, кто родился правильным, чтобы тот забрал их для него, если он пожелает этого, или он мог взять свои богатства с собой по верхней дороге, чтобы использовать на вершине холма и в месте финиша. При этих словах он съежился, как ребенок, и заплакал, оставив все свое богатство, и отправился обратно в горы, обратно в самые высокие горы, где водились медведи, пантеры и волки. В полном одиночестве он отправился туда, где есть большая скала, которую мы называем Ха-и-о-коготь, и оставался там три дня, поя и молясь, затем, ничего не съев, он побрел через дикие леса и кустарники обратно в Кресент-Сити (Коу-пай) и провозгласил себя доктором, и с тех пор всегда был известен как Коу-пай или Доктор Кресент-Сити, и дожил до старости, и все белые жители Кресент-Сити в старину хорошо помнили этого индейца, которого звали Кресент-Сити или Доктор Кау-пай. Он был странным человеком, и многие шутки, которые в старину разыгрывали над ним белые мужчины и некоторые белые женщины. Я состою с ним в родстве и хорошо знал его, а также место, куда, по его словам, он отправился к большой скале, и я скажу, что это дикая страна, в которой много диких животных. Я часто бывал на этой горе и видел следы, оставленные там белой расой при переходе на север.

ГЛАВА XXVIII.

РАБЫ.

Когда белый человек впервые пришел в нашу страну, среди индейцев кламат было много рабов, которых мы называли Ки-элт. Эти рабы появлялись разными способами. Некоторые из них были смешанной крови Кламата и Хупаса, некоторые были полностью хупами, а некоторые были смешанной крови Кламата и Смит-Ривер, и состояли как из мужчин, так и из женщин, но большинство из них сами были кламатами. Рабство было вызвано войнами, голодом и заразными болезнями. В случае массового голода возникала нехватка желудей, и лосось не попадал в реку в течение двух-трех лет, а иногда и дольше, когда зимы были долгими и холодными или засушливыми, с небольшим количеством осадков. Вся земля и рыбацкие места принадлежали богатым семьям, которые собирали все это для себя, практически ничего не оставляя бедным семьям, что оставляло целые семьи голодать. Они приходили в дом какого-нибудь богача и предлагали себя в рабство, и эти предложения обычно принимались. В других случаях болезнь начиналась в зажиточной семье, и часто это приводило к смерти или необходимости оплачивать счета от врачей, и у них не было возможности собирать желуди, ловить рыбу или охотиться до тех пор, пока они не впадали в нищету, не становились голодными и не предлагали себя в рабство какой-нибудь богатой семье или какому-нибудь крупному врачу, что в большинстве случаев принималось. (Это что-то вроде того, что белый доктор делает сегодня среди своего народа.) Иногда на войне или сражениях они забирали их и позволяли им быть рабами другими способами. Теперь у этих богатых семей были бы очень большие и удобные дома, и дом был бы переполнен людьми, и все были бы вовлечены в разговоры, и во время еды сначала прислуживали рабам, в то время как их собственные дети сидели сложа руки или помогали исполнять их желания, и их обслуживали так же хорошо, как и в их собственной семье, и обращались с ними так, чтобы они чувствовали себя совершенно непринужденно во всех отношениях. Часто, когда дома становились слишком тесными, они строили другой дом и позволяли им переехать в него, поскольку эти богатые семьи поддерживали тесные связи со своими родственниками, чтобы не жениться на тех, кто приходился им родней. Иногда были семьи, в которых были рабы, которые плохо к ним относились, плохо их кормили и отказывались лечить. Их нетрудно выбрать, поскольку об этом постоянно говорят. Я видел и знал многих из них, которые были рабами и родились от родителей-рабов, и с некоторыми из этих рабов так хорошо обращались их хозяева, что они в настоящее время заявляют о родстве с детьми хозяев, а семьи хозяев настолько нежны, говоря с ними об этом, что не дают им знать, если только они не станут слишком фамильярными или не сделают заявление слишком смелым, когда несколько, очень немногих слов остановят их в их притязаниях навсегда. Эти дети-рабы - в основном те индейцы, которые остались сегодня, и пытаются заставить себя и белого человека поверить, что они знают истинные легенды индейцев кламат, когда на самом деле они не знают, а то, что они знают, например, что их не пускают в определенные места, их рождение и так далее, они отрицают белым, чтобы скрыть свое некогда низкое положение.

Этих рабынь выдавали замуж, и всем без исключения разрешалось искупить свою вину, купить себе свободу. Многие во время войны за храбрость и дерзкие поступки получили свободу, и после обретения ее добились бы успеха, разбогатели и выкупили бы своих братьев и сестер или ту их часть, которая им больше всего нравилась; и спустя долгое время, удачно женившись, они могли бы вернуть своей семье хорошее положение среди людей, но за ними пристально следят из поколения в поколение, и они никогда не смогут достичь того, чтобы один из них мог стать

Талтом и проникнуть в тайны ложи или ордена. Они должны быть свободнорожденными родителями на все время, прежде чем их признают Талтами. Из этого читатель может понять, что только образованные люди компетентны передавать истинные легенды своего народа, точно так же, как это происходит с белыми или другими людьми.

ГЛАВА XXIX.

ДИКИЙ ИНДЕЕЦ ИЗ МО-РЕККА.

ЭТО произошло много лет назад в деревне Мо-рек, которая расположена на северном берегу реки Клатмат, чуть ниже того места, где мы построили рыбную плотину. Еще несколько лет назад в этой деревне жила семья по фамилии Платс, у которой было трое мальчиков, один из которых заболел и умер, и, похоронив его, они последовали старому обычаю.

Дом, в котором жила семья, был очень старым, и назывался этот дом Платс-ах-чене, мальчиков звали Платс-от-эне, а семья была очень богатой. Когда богатые хоронят своих умерших, они часто кладут в могилу и на нее больше менее ценных вещей, что они и сделали в данном случае. Могилу засыпают песком и удерживают сухой с помощью доски, чтобы они могли в любой момент, взглянув намогилу, увидеть, не трогал ли кто-нибудь ее или не крал из могилы ценные вещи, что делалось много раз. Итак, два других брата погибшего мальчика однажды заметили, что все выглядит не совсем так, как надо, и при тщательном осмотре обнаружили, что могилу ограбили, и после приведения в порядок могилы они продолжали следить за человеком или людьми, которые это сделали, поскольку часть ценностей была оставлена в могиле и на ней. Однажды рано вечером, когда они сидели рядом с могилой, они услышали шум и сидели очень тихо, вскоре они увидели человека, двигавшегося в темноте, как тень. Этот дикий индеец, казалось, чувствовал присутствие наблюдателей и продолжал красться по округе, но боялся подойти к могиле. И вот, наконец, дикий индеец (О-ма-ха) ушел, спустился к реке и переплыл на другой берег, приземлившись чуть ниже деревни Кап-пелл. Один из братьев осторожно последовал за ним, сказав другому брату подняться вверх по реке на север, и держаться старого следа, и внимательно следить, не попытается ли дикий индеец уплыть обратно где-нибудь выше Кап-пелла, в то время как он сел в лодку, пересек реку и держался поближе к индейцу, который поднялся по реке и поплыл обратно на северный берег чуть ниже деревни Вах-сай. Итак, брат с северной стороны ушел слишком далеко вверх по реке и разминулс с индейцем, поэтому, когда он прибыл в деревню Ма-рип, сел в лодку и переправился на южную сторону чуть ниже Ма-рипа, и остался там на южной стороне у большой дуплистое ели, которая называется Та-по, и недалеко от тропы, таким образом, оба брата оказались на южной стороне. Индеец на северном берегу испугался и поплыл вверх по реке, пока не оказался почти напротив Ка-нек, а затем снова переплыл на южный берег. Перебегая от дерева к дереву, как это было принято у этих диких индейцев, он подошел к большой ели. Брат, который был в дупле дерева, быстро схватил его и крепко схватил, и пока он боролся с ним, другой брат пришел ему на помощь, и

вместе они держали и крепко привязали его к ели. Этот индеец был выкрашен во весь черный цвет какой-то смесью смолы и других ингредиентов. Он умолял, чтобы его отпустили, и предложил отдать им половину того, что у него есть, а также, если у них будут какие-нибудь враги, которые расскажут ему, и он сделает так, что они заболеют и умрут. У этого индейца был специальный мешок, который он нес подмышкой, но отказался отдать его им, сказав, что они скоро умрут, так как не знают, как с ним обращаться, и он скорее умрет сам, чем скажет им, как с ним обращаться. Поэтому два брата оставили его привязанным к дереву после того, как попытались убедить его отдать им мешок, а утром отправились домой, думая, что их соплеменники могут встревожиться их долгим отсутствием. По прибытии они рассказали, что сделали, и, поев, вернулись к индейцу и начали с ним новую сделку. На это он согласился отдать им все свое богатство, если они отпустят его, но он по-прежнему отказывался отдать мешочек с драгоценностями, поскольку в нем был яд и амулет, которым они никогда не смогли бы воспользоваться, если бы он не сказал им, как это сделать, а этого он никогда бы не сделал. Итак, они, наконец, согласились забрать его богатство и отпустить его, и он повел их к своему дому, который находился к западу и югу от Редвуд-Крик, где в нагромождении больших скал, примерно в двадцати пяти милях от их дома, была пещера. Когда они вошли в эту пещеру-дом, они обнаружили, что у него там хранилось большое богатство, и они забрали все это домой, оставив его там с его фигурой, чтобы он собрал еще больше богатства, и больше его никогда не видели.

Индейцы кламат никогда не убивают этих диких индейцев, но во многих случаях, когда им удавалось их поймать, они почти всегда обнаруживали, что разбогатели, грабя могилы богатых людей, и что у них всегда была цель. Богатство, которое эти два индейца Мо-рек получили от этого Дикого индейца, сделало деревню Мо-рек настолько богатой, что впоследствии им никогда не приходилось просить помощи ни у кого, чтобы внести свой вклад в проведение какого-либо из великих праздников. Эти дикие индейцы, очевидно, когда-то были частью нашего отверженного народа, а в последние годы полностью исчезли, и индейцы задаются вопросом, что с ними стало. Некоторые думают, что они вернулись в племя в других местах или ушли и смешались с нынешними белыми людьми, чтобы не быть узванными ими.

ГЛАВА XXX.

КАК ЖЕЛАНИЕ ДЕВУШКИ ИЗ КОРТЕПА ИСПОЛНИЛОСЬ.

Около шестидесяти лет назад в деревне Кор-теп жила девушка по имени Ми-чер-ус-о-мэй, и ее родители уговорили ее выйти замуж за молодого человека, который жил выше по реке, в деревне Мор-эк. (Я забыл его имя.) Девушке не нравился этот мужчина, но родители продолжали уговаривать ее выйти за него замуж против ее воли. Там были две ее подружки, которые направлялись вниз по реке в Рек-уой, поэтому она села с ними в лодку или индейское каноэ и поплыла вниз по реке. Пока они скользили по дороге, Ми-шер-ус-о-мэй продолжала

мечтать, чтобы какое-нибудь дикое животное схватило ее, убило и съело. Добравшись до местечка под названием Хэй-уэй-гоу, они все разбили лагерь на берегу реки, ярдах в двадцати или больше от кромки воды. Каноэ вытащили на пологий песок, чтобы сделать его безопасным на ночь, затем они развели костер, приготовили ужин, а затем разговаривали, пока не пришло время ложиться спать. Все это время Ми-шер-ус-о-мэй желала, чтобы с ней случилось что-нибудь плохое. Три девочки застелили свою постель на ночь, чтобы все трое могли спать вместе, и когда они легли спать, Ми-шер-ус-о-мэй спала в центре, так что все уснули. Утром, когда она пропала, ее желание исполнилось. Ее забрали у двух других девочек, и при осмотре они очень ясно увидели, что дикое животное утащило ее по сухому песку к кромке воды, в реку и исчезло вместе с ней, и больше ее никогда не видели. Они подумали, что ее похитило животное вида леопард, поскольку некоторых из этих животных несколько раз видели в нижнем Кламате, и индейцы их очень боятся. Это случилось, когда я была маленькой девочкой.

ГЛАВА XXXI.

НАШ ТАБАК.

У белой расы людей, которую индейцы кламат обнаружили на этой земле, был сорняк, который они называли табаком, а мы называем его Хах-кум, и они научили их использовать его, выкуривая трубку, и выращивать, выбрав подходящее место, насыпав на землю хворост, а затем сжечь его, после чего на земле останется рыхлый слой древесной золы. Поверх этого, пока зола была еще сухой и рыхлой, они сеяли семена и защищали урожай, возводя вокруг него изгородь из кустарника. Из года в год они отбирали из лучших стеблей семена для следующего года и иногда, при необходимости, хранили семена в течение нескольких лет, потому что при правильном хранении они прорастут после длительного хранения. Единственное, что может потревожить или уничтожить урожай табака, - это олени, а они часто перепрыгивают через кустарниковую изгородь и съедают всю часть урожая, даже до корней.

Когда индеец берет трубку, чтобы закурить, он вдыхает дым и удерживает его в легких в течение десяти-пятнадцати секунд, а затем выпускает его в основном через нос, немного - через рот, а затем медленно хмыкает, произнося несколько слов отчетливо слышимым тоном. Эти слова обращены к Ва-газу, белым людям, которых мы так любили, и желают, чтобы Ва-газ дал им удачу, долгую жизнь, чтобы они могли увидеть, как они возвращаются, или чтобы они сами могли пойти повидаться с ними и быть с ними, и многие другие пожелания Ва-газу. Пожилые женщины-врачи очень свободно употребляют табак, и у них есть трубки, в которые за одно курение вмещается горсть табака, и они просят Ва-га дать им удачи в излечении больного человека. Врачи - чуть ли не единственные из курящих женщин. Индейцы обладают наиболее полным контролем над собой и могут безропотно курить один, два или три раза в день или бросить курить на неделю или дольше.

ГЛАВА XXXII.

НАШИ РУСАЛКИ.

Индейцы Клатат рассказывают о Русалке, которую, по их словам, можно было увидеть ночью, когда она приходила и садилась на камень посреди реки, в месте под названием Ка-нек. Эта скала находится в скалистом и неровном месте на реке, примерно в тридцати милях вверх по реке от ее устья и примерно в девяти милях выше того места, где проводятся Танцы в Белых оленьих шкурах. Эта скала находится посередине реки, и вода в летнее время, на низкой стадии, просто покрывает ее вершину. С каждой стороны расположены водовороты, которые индейцы использовали для ловли рыбы погружными сетями на протяжении многих поколений. Этих русалок никогда не видели больше двух одновременно, но за прошедшие поколения их видели много раз. У них были очень длинные волосы, и они были наполовину рыбами, наполовину женщинами, но неизвестно, были ли они мужчинами или женщинами. Они были похожи на женщин и часами сидели там, расчесывая свои длинные волосы, и когда они уходили, можно было видеть, как их длинные волосы плавают в воде. Индейцы говорят, что последние двадцать или более лет они их не видели и думают, что их смыло водой или что река была заполнена гравием и обломками шахт, которые их уничтожили. Они также говорят, что никогда не боялись русалок, но смотрели на них как на причуду природы. Они могли ясно видеть их в летние месяцы во время рыбалки, когда была полная луна и иногда они находились всего в нескольких ярдах от них. Этих русалок мы называем Скверт-таксами.

ГЛАВА XXXIII.

СКАЗКИ

ЖЕНЩИНА ГРЕХА.

СОТНИ лет назад молодой человек и его жена жили в так называемой деревне Ту-реп, которая расположена на южном берегу реки Клатат, примерно в шести милях от ее устья. Бар Ту-реп на реке очень большой, состоящий из пятидесяти или ста акров богатой и плодородной почвы. Жена этого человека до замужества жила в деревне Си-элт, через реку от Ту-репа на северной

стороне. Они прожили очень счастливо вместе несколько лет, он был очень добр к ней во всех отношениях и никогда не говорил сердито. Шли годы, и он начал отдаляться от нее и их дома, все больше и больше пренебрегая ею. Казалось, что в его жизнь вошла душевная близость, женщина из деревни Рек-уой, расположенной в устье реки, уводила его от жены и дома. Он находил непреодолимое очарование в ее змееподобных руках, и с течением дней он все дольше оставался в ее обществе, и ему совсем не хотелось расставаться с ней. В конце концов, его жену так часто оставляли в одиночестве и пренебрегали ею, что она заподозрила, что другая женщина отняла у нее его любовь. Она обнаружила, что ее подозрения подтвердились, поскольку теперь ее муж уделял все свое внимание женщине в Рек-вое. Жена очень опечалилась, ее сердце было разбито из-за действий и неверности своего мужа, и она удрученно принялась за свою работу, а ее отношение и внешний вид стали выражать глубокую печаль. В компании она всегда казалась подавленной, так как на ее лице всегда было одно и то же печальное выражение, из-за чего она казалась посетителям несчастной и одинокой.

Поскольку несчастная жена проводила одинокие дни в деревне Туреп, жители решили устроить большое развлечение - множество гостей собрались, чтобы повеселиться. Среди толпы был человек из деревни Урнер, которая находится в девяти или десяти милях вверх по реке, в устье Блу-Крик. Во время представления пожилой мужчина обратил внимание на одинокую жену турепа, которая показалась ему очень грустной и одинокой посреди такого веселья. Он подошел к тому месту, где она сидела, и начал разговор, обменявшись несколькими замечаниями. Он подумал, что, возможно, был неправ, обращаясь к ней так смело, и собрался уходить, но что-то странным образом всколыхнуло его внутренние эмоции, настолько сильные, что он не смог устоять перед искушением вернуться к ней. На этот раз после нескольких замечаний он набрался смелости расспросить о ее непростой жизни, поскольку, по его словам, она казалась очень одинокой. Глубоко впечатленная его обаятельными манерами и добрыми словами, она легко завоевала его доверие и с готовностью рассказала ему о своем несчастливом браке и о том, каким неверным стал ее муж. Он сразу же заинтересовался и терпеливо выслушал ее историю горя, и с его сочувственными словами утешения странные эмоции, которые давно умерли в ее груди, вновь ожили. Она стала жертвой его соблазнительных слов утешения, когда он заключил ее в свои объятия страстной любви. Поодиночке они спланировали тайное место встречи, чтобы ее муж и деревенские жители не могли знать об их тайных встречах.

Когда муж-туреп отправлялся вниз по реке в Рек-уой, чтобы насладиться любовью любимой женщины, его жена ждала, пока ночная тьма не опустится на деревню, тогда она осторожно выбиралась из своего жилища и встречалась со своим возлюбленным. От своего дома ей предстоял долгий путь вверх по Tu-ger bar, и каждый шаг, который она делала, она засыпала камнями отпечатки своих ног. Таким образом, она замечала свои следы на расстоянии по крайней мере одной мили вдоль речной отмели, и когда она достигала верхнего конца отмели, она заходила в воду, и, как и раньше, она замечала свои следы камнями, пока не садилась в лодку своего возлюбленного. Древний индеец переплывал реку с противоположного берега, сажал ее в свое каноэ и греб обратно к месту, известному как Стахвин бар. Это также большой бар, отделанный огромными секвойями. Вместе они уходили в чернильную тьму огромных секвой, где наслаждались обществом друг друга до позднего ночного часа, когда пожилой мужчина снова брал свою близкую душу в свое каноэ и возвращал ее в верхний конец бара "Туре-реп", где она оставляла его и спускалась по бару к себе домой, как и прежде, прикрывая камнями отпечатки ее ног. Она проводила эти тайные встречи с древним индейцем таким

образом каждый раз, когда ее муж бросал ее и отправлялся в Реквою. Через некоторое время ее муж заподозрил неладное в ее поступке, так как, вернувшись вечером домой, он так и не застал ее дома, хотя и был очень добр к ней. Он делал все возможное, чтобы проследить ее следы, но они всегда терялись на барной стойке, и все его усилия были тщетны. Наконец, в отчаянии он решил попробовать другие способы обнаружить ее таинственное местонахождение. Он отправлялся вниз по реке под предлогом поездки в Рек-уой, но прятался там, где мог видеть передвижения своей жены по дому. Это продолжалось некоторое время, но он не мог выяснить, в какую сторону она ушла, но в своих серьезных попытках выяснить ее местонахождение однажды ночью он увидел, как она замазывала камнями отпечатки своих ног, когда шла на встречу со своим возлюбленным. Ее позор и грех были наконец обнаружены, несмотря на все ее усилия и предосторожности скрыть свой позор от людских глаз. Это покрытие отпечатков ног камнями называется на нашем языке “Вэй-нах-ма вэй-лап-по-лах хах-элт-верм-челт”, что означает “заметание следов греха и позора камнями”. По сей день в баре Tu-реp в летние месяцы, когда вода в реке спадает, можно увидеть ряды камней, которые эта грешная женщина использовала, чтобы скрыть следы своего позора, и они выделяются странным рельефом вдоль кромки воды, где, как предполагалось, много веков назад их положила женщина греха. Индейцы указывают на эти камни как на предупреждение всем замужним женщинам, что независимо от того, насколько тайно они грешат против брачных обетов, рано или поздно их обнаружат, и их грехи будут отражаться на них на протяжении всей их жизни. Мораль этой истории состоит в том, чтобы уберечь женщин от греха, а когда они поддаются искушению согрешить, то навсегда остаются обремененными тяжелыми камнями позора, которые указывают на их грехи, и время не может стереть это.

ЧТО СЛУЧИЛОСЬ С ДВУМЯ МАЛЕНЬКИМИ ДЕВОЧКАМИ

Несколько поколений назад в деревне Ма-рип жили мужчина, его жена и их три дочери. Старшая из них была хорошим послушным ребенком, помогала своей матери всем, чем могла, в то время как двое других были непослушными, ленивыми, сердитыми и надутыми. Когда приходило время обедать, старшая ела и вела себя как настоящая леди, но две другие девочки всегда продолжали вести себя непослушно. Они забивались в угол и дулись, требуя еще того или иного блюда, а их мать продолжала говорить им, что если они не перестанут капризничать, вести себя лучше и правильно питаться, прилетит большая сова и унесет их. Они продолжали в том же духе, пока однажды ночью, действительно, не прилетела большая сова, не забрала их, не отнесла примерно на милю вниз по реке и не поместила на большой, высокий камень, откуда они не могли спуститься. Они сидели там и превратились в камень, и сидят там по сей день, и выглядят как две маленькие девочки, сидящие там наверху. Этот камень, который мы называем Хоукс-ор-рек, и матери-индейцы Клатат указывали на этих двух маленьких каменных девочек, рассказывая им эту сказку, чтобы удержать их от непослушания и заставить вести себя хорошо, воспитанно. Эти скалы находятся недалеко от реки, на северном берегу, в нижней части порогов Ма-рип.

ПРИКЛЮЧЕНИЯ КОЙОТА.

Давным-давно в Хе-мелте, местечке на реке Клатат, известном в индийских преданиях, жил Койот со своей семьей. В один прекрасный день ранней весны мистер и миссис Койот со всеми

своими детьми отправились по холмам Кламата из Хе-мелта в место на склоне горы, известное как Он-а-гэп. Это было место, куда они ходили ежегодно, чтобы собрать зеленые травы, которыми они собирались лакомиться в весенние месяцы. Семья разбила лагерь и хорошо проводила время. Они продолжали продвигаться к вершине горы, когда внезапно разразилась совершенно неожиданная снежная буря, погода стала очень холодной, и мистер и миссис Койот делали все возможное, чтобы спасти жизни своих детей, но безрезультатно. Один за другим они гибли в холодном снегу, а снег продолжал идти и падал очень быстро. Любящие родители остались опустошенными и убитыми горем во мраке шторма, поскольку они так и не смогли перезвонить своим близким. (Койот, которого мы называем Сэй-яп.) Когда они укладывали маленькие тельца в снежные могилы, мистер Койот пришел в отчаяние от своей великой потери и решил отомстить Солнцу. Солнце, утверждал он, бессердечно убило его детей, потому что отказалось светить и дарить им тепло, поэтому он сразу же отправился в одно из самых долгих путешествий, когда-либо совершенных каким-либо живым животным. Он гнался за Солнцем по горам, холмам, через каньоны, по обширным равнинам и долинам, мимо рек и озер, пока, наконец, не добрался до океана. Здесь он потерял ее, потому что она с издевательским смехом утонула в волнах и оставила его одного стоять на берегу тьмы. Тьма сомкнулась вокруг него своими могучими объятиями, и он несколько минут стоял на берегу беспокойного океана в полном отчаянии. Измученный телом и конечностями, с грустью в сердце из-за своей великой потери, он осознал истину, что он никогда в этом мире не сможет отомстить, поскольку существо его гнева было стремительным в своем полете сквозь пространство. Так он стоял на берегу, когда внезапно повернулся спиной к западу, презрительно пнув ногой в ту сторону, где зашло Солнце (его великий враг). В молчании он посмотрел на восток, а затем вдаль, на северный горизонт, и там, далеко на севере, он увидел более приятную сцену, где он похоронил свое великое бремя скорби. Пока он все еще стоял там и смотрел, он увидел семь звезд, подмигивающих ему с небес, и они продолжали подмигивать, призывая его присоединиться к ним. Внезапно он почувствовал, что поднимается с земли, как будто превратился в Ангела с крыльями, и вознесся далеко-далеко в Царство Небесное. Он взмывал все выше и выше, пока наконец не оказался среди семи звезд, и когда он достиг их, то начал танцевать и петь, потому что все они были девушками, а также сестрами. Они попросили его не продолжать петь, так как сказали, что он не умеет петь должным образом, и сказали, что научат его петь, чтобы он мог присоединиться к ним в некоторых их песнях. Поэтому ему стало лестно думать, что сестры проявляют к нему такой большой интерес, и он сразу же стал очень тщеславным, как это бывает с некоторыми узколобыми людьми, когда они оказываются в высшем кругу. Теперь он был полон энтузиазма, думая о том, как удачно ему удалось сбежать с жестокой земли в прекрасную обитель на Небесах. Он так льстил себе своим диким энтузиазмом, что считал себя очень мудрым и собирался продемонстрировать часть своего таланта перед сестрами. Когда они предложили научить его, он ответил им: “Я умею прекрасно петь; раньше, на земле, я пел для своей жены и детей, они всегда говорили, что у меня хороший голос, и я верю, что я много знаю о пении и не нуждаюсь в каком-либо обучении. Так что не обращайтесь внимания на девочек, которые меня учат, потому что у меня просто великолепный голос и я прекрасно пою”. Сестры посмотрели друг на друга и почувствовали сильное разочарование, подумав, что Койот упорствовал в том, что знает все об изящных искусствах, в то время как он практически не знал первого шага. После некоторых уговоров они решили, что никогда не смогут научить его ни одному из изящных искусств пения, потому что звезды на Небесах сильно отличались от земных. Они также рассудили, что, возможно, он был не в своем уме после путешествия на столько миллионов миль в космосе. Сестры ответили так

добродушно, как только могли: “Очень хорошо, добрый сэр, мы глубоко опечалены, обнаружив, что благодаря нашему миллиардолетнему опыту и знаниям мы не в состоянии ничему вас научить, и вы можете поступать так, как вам нравится”. Койот снова начал танцевать и петь среди своих друзей, пока не очень устал, а когда он больше не мог петь и танцевать, он начал говорить с ними прерывающимся голосом. У него закружилась голова, когда он отвлекся от песен и погрузился в мысли о самом себе. Он продолжал повторять эти слова во время танца, пока не потерял свою трубку, кисет с табаком, пояс и штаны из оленьей кожи, что заставило сестер улыбнуться и подмигнуть друг другу. Они пытались убедить его не болтать так много, но он продолжал и не обращал на них внимания. Они очень устали и им наскучила эта глупая чепуха, и старшая сестра сказала, что они присоединятся к нему в его веселье. По одному с каждой стороны от него взяли его за руки, образовали один большой круг и начали танцевать и петь вокруг него. Они тащили его все быстрее и быстрее, пока не закружили так быстро, как только могли. Его бедная голова кружилась, и он начал опасаться за свою безопасность, не зная, когда они позволят ему отдохнуть, поскольку, казалось, они кружили его веками. Они могли бы кружить его тысячу лет, и он чувствовал бы себя таким голодным и слабым, что больше не смог бы выносить такого обращения. “Ой!” - воскликнул он ужасным голосом. “Я говорю, девочки, что больше не могу скользить в ваших быстрых танцах, я боюсь, что упаду без сил и умру, или же мои кости разлетятся на куски”. - Итак, вы упадете в обморок, мистер Койот, - воскликнули девочки громким хором, - вместе с вами на землю, откуда вы пришли, поскольку здесь, на небесах, вы не самый способный ученик. Здесь, наверху, вы, должно быть, очень умны, и вы всегда были достаточно глупы, чтобы думать, что знаете все это. Мы устали от вашего разгула, так что прощайте, мы желаем вам много счастливых дней на земле и снова говорим “прощай”, - и они столкнули его с его места на Небесах. Он падал в пространстве так быстро, что не мог удержаться на ногах, и кости его тела развалились на куски и разлетелись со свистом во все стороны, но каким-то образом им удалось свалиться в кучу в Ка-нек, это очень древняя деревня и самая известная среди моего народа историями, поскольку там начинается так много замечательных историй. Кости койота некоторое время лежали, белея на солнце, недалеко от этой деревни, когда из-за сильного ливня река вышла из берегов. Поднявшиеся воды реки подхватили кости койота и отнесли их к устью реки в Рек-вое, где их выбросило на песчаный пляж. После того, как его посадили на несколько дней в песок, вырос тонкий побег, распутивший над песком свою зеленую листву. Со временем этот тонкий побег вырос в высокую ольху, а Койот и его кости превратились в дерево. Однажды пожилая женщина с корзиной для дров за спиной и каменным топориком в руке шла по пляжу в поисках дров. Ей очень понравилась эта ольха, так как она думала, что из нее получатся хорошие дрова для костра, это было именно то дерево, которое она искала в течение некоторого времени, и была довольна, найдя его. Поэтому она начала рубить его, и, к ее великому удивлению, дерево выросло из земли и исчезло в мгновение ока, а затем приняло форму Койота, который стоял перед ней. “Ай!” - закричал он громким голосом. “Уходи, старуха, как ты смеешь вот так резать меня на куски?” Старуха испугалась еще больше, чем когда-либо, выронила топор и, спасая свою жизнь, побежала обратно в деревню. Она не могла найти никакой причины для такой странной встречи и пришла к выводу, что это кто-то из индийских дьяволов пытался напугать ее. Койот, к своему великому облегчению, снова был в своем естественном теле и снова отправился путешествовать по земле. Он отважился пойти к кроликам, так как у него было желание навестить их. Добравшись до дома кролика, он обнаружил, что миссис Рэббит нет дома и там только ее маленькие дети, войдя в дом, он попросил детей дать ему что-нибудь поесть, так как он был очень голоден, так как долгое время ничего не ел. Дети были слишком малы, чтобы

понимать, что он говорит, и все они испугались и выбежали из дома. Оказавшись в безопасности снаружи, они подожгли дом в надежде сжечь Койота до смерти, а он был занят внутри, рылся на полках в поисках чего-нибудь съестного. Но на этот раз удача улыбнулась ему, и он услышал треск пламени как раз вовремя, чтобы спастись от ужасной смерти. После своего чудом спасшегося бегства он решил поехать погостить к своей бабушке в Вейчпек и медленно поднимался вверх по реке, пока не добрался до ее дома. Как только он прибыл туда, ему нужно было рассказать ей долгую историю, он сказал, что почти умер от голода, так как был в долгом путешествии без всякой еды, и попросил ее приготовить все лучшее, что она могла себе позволить, поскольку это было необходимо ему, чтобы снова набраться сил, а также сообщил ей, что многие из его двоюродных братьев приедут навестить ее. Он объяснил ей, что оставил их в нескольких милях вниз по реке, чтобы разбить лагерь на ночь, и они послали его вперед сказать ей, что они едут, и попросить его бабушку приготовить пир и быть готовой к их приезду. Она сказала ему, что есть нечего, кроме турперков, то есть гнилых желудей, которые падают на землю и поедаются червями, что ей жаль своих гостей, но это лучшее, что она могла сделать. Она сразу же принялась готовить огромные корзины с турперками, так как никогда не сомневалась, что ее внук говорит правду. Когда они были приготовлены, она поставила корзиночки на стол перед Койотом, нисколько не сомневаясь, что он оставит своим кузенам вдоволь еды. Ей и в голову не приходило, что одно маленькое существо может съесть столько за один раз, и она была сильно разочарована и унижена, когда обнаружила, что он съел все желуди, даже вылизав корзинки дочиста и досуха. Покончив с этим обильным ужином, он вздохнул с облегчением, поскольку это была первая трапеза, которую он ел более чем за сто лет, но он не мог вспомнить, как давно он впервые покинул землю, чтобы отправиться на Небеса. Его двоюродные братья не приедут, он просто хотел обмануть свою бабушку, чтобы она приготовила побольше еды, чтобы он мог пировать в одиночестве. Впервые он обманул ее очень ловко, поскольку она не сомневалась в рассказе о приезде его кузенов. После этой трапезы Койот подозвал ее и сказал: “Я собираюсь порыбачить сегодня вечером, и, если мне повезет, наши корзины будут полны к рассвету, а теперь, моя дорогая, ты можешь приготовить сегодня вечером еще большое количество терп-пекков, а завтра я помогу тебе приготовить рыбу, так как, думаю, мои кузены придут на закате. Его бабушка все еще верила, что его история правдива, но она очень устала, и после того, как он ушел ловить рыбу, она решила лечь спать, думая, что завтра у нее будет достаточно времени, чтобы приготовить турпек для двоюродных братьев и сестер, поскольку они приедут только вечером следующего дня. Когда Койот добрался до берега реки, он даже не стал притворяться, что ловит рыбу, а перепрыгивал с камня на камень и изо всех сил ушиб голову и лицо. Однажды ночью он вернулся и повторил ей жалостливую историю о том, как кто-то напал на него и жестоко избил, о том, как другие люди не позволяли ему ловить рыбу и т.д. Она терпеливо выслушала его рассказ о горе и впервые поняла, что он говорил ей неправду. После того как он закончил свой рассказ, она очень рассердилась и устроила ему суровый выговор за то, что он был таким лживым. Койот пробыл с ней недолго, так как он так утомил и раздражал ее, что она решила избавиться от него. Однажды она наняла молодого человека, чтобы тот перевез его через реку в деревню Пек-тулт, где она велела ему разбить лагерь на ночь. В ту ночь, когда стемнело, молодой человек попросил Койота лечь спать у его ног, что Койот с радостью сделал, так как он немного устал от дневной прогулки по лесу и вскоре крепко уснул. Затем молодой человек тихо встал с кровати и подкатил бревно к тому месту, где он лежал. Он сделал это, чтобы обмануть Койота, когда тот проснется, поскольку тот, скорее всего, увидит бревно и подумает, что он все еще там спит, затем он поспешил уйти и оставил его спящим в одиночестве в Пек-тулте. Ночью Койот

проснулся, огляделся и вскоре обнаружил бревно и то, что молодой человек оставил его одного. Он поспешно вскочил на ноги и побежал к берегу реки, а когда добрался туда, то увидел молодого человека, стоящего на высокой скале на противоположном берегу реки, и до хрипоты кричал ему, чтобы он приехал на своем каноэ и перевез его к бабушке. Молодой человек отказался помочь ему, что очень разозлило его, и он обзывал его всеми именами, какие только мог придумать, и умолял его в умоляющей манере, но безрезультатно. Наконец Койот пришел в такую ярость, что заорал во весь голос, что убьет его, если тот когда-нибудь доберется до него, схватил острый камень и долго бегал вверх и вниз по реке, ругаясь так быстро, как только мог, он произносил свои слова. Мужчина неподвижно стоял на камне с насмешливой улыбкой на лице и наблюдал за отчаянными усилиями Койота, когда ему показалось, что он изрядно устал, молодой человек позвал его переплыть реку, он подбодрил его и сказал, что переплыть легко. Койот тут же принял вызов, нырнул в реку и начал плыть изо всех сил, поскольку был вынужден плыть против течения. Ему почти удалось перебраться на другую сторону, когда молодой человек крикнул ему, чтобы он оглянулся на другой берег, потому что там что-то спускалось по берегу. Койот был настолько глуп, что оглянулся через плечо, и как только он это сделал, сильное течение унесло его обратно на ту же сторону, с которой он стартовал. Он немедленно предпринял еще одну отчаянную попытку переплыть реку. Он плыл и плыл, борясь с сильным течением, пока не выбился из сил и больше не стал не в силах плыть. Понимая, что скоро утонет, он снова и снова звал молодого человека, чтобы тот спас ему лодку, но тот неподвижно стоял на скале и спокойно отвечал: “Я не могу тебе помочь, потому что твой последний день на земле закончился”. Койот, издав скорбный предсмертный вопль, погрузился в воды реки и больше не поднимался.

ИСТОРИЯ о МЕДВЕДЕ.

Много лет назад индейцы воевали между собой в деревне Хоп-поу, недалеко от устья реки. Часть из них избила остальных, и те, кто потерпел поражение в битве, ушли оттуда и вернулись в горы жить, в то время как воины-победители также покинули Деревню на несколько дней в месте, известном как Си-альт.

Пока все индейцы были в отъезде, медведь забрел в деревню и зашел в один из индейских домов, где обнаружил очень большую корзину, наполненную красивыми индийскими платьями, нитками индийских денег и другими индийскими украшениями. Он был очень рад, когда обнаружил эту корзину, и начал вынимать вещи и внимательно их рассматривать. Когда он переходил к платьям, он примерял каждое из них, а затем танцевал, но, похоже, не мог найти ни одного, которое соответствовало бы его представлению о моде. Он продолжал отбрасывать платья в сторону, когда снимал их. Он хотел такое, которое гремело бы, когда он танцевал. Наконец он нашел то, что искал, потому что, когда он надел его и пустился в пляс, ракушки начали дребезжать, так как на платье их было великое множество. Когда он танцевал, к его великому удовольствию, раковины зазвенели у него в ушах, как музыка, и, вполне довольный платьем, он снял его и положил обратно в корзину со всеми остальными вещами. Закончив складывать их в корзину, он начал разгребать земляной пол и разбрасывать вещи по всему дому. Причинив весь ущерб, какой только мог, он взвалил большую корзину на плечо, направился в лес и прошел некоторое расстояние до большого дуплистого красного дерева. Он решил остановиться здесь, надел платье со множеством ракушек и начал танцевать и петь, прекрасно проводя время в полном одиночестве, так как у него не было товарищей, которые могли бы присоединиться к его веселью. Это песня, которую он пел, танцуя: Хо-вен-а-а, хо-вен-

а-а, нах-хей, нах-хей. Потанцевав некоторое время, он так устал, что больше не мог петь. Платье стало давить на него так сильно, что он выбился из сил, но ему удавалось продолжать танцевать, ему нравилось слушать музыку раковин, когда он танцевал.

Пробыв несколько дней в Си-алте, индейцы вернулись в свои дома в хоппоу. Добравшись до деревни, они обнаружили, что в одном из домов все перевернуто вверх дном и что пропала большая корзина с индейскими платьями. Они сразу же предположили, что кто-то из их врагов вернулся, пока их не было, и украл вещи, и все они бросились в погоню по горячим следам, чтобы вернуть украденные вещи. Но они не смогли найти их следов и в отчаянии отказались от погони. Некоторые из них внимательно осмотрели дом и на этот раз были уверены, что увидели медвежьи следы на мягкой земле. Теперь индейцы внимательно следили за медвежьими следами, которые привели их к большому секвойному дереву, и когда они приблизились к нему, то увидели, что оно было дуплистым и внутри было большое просторное помещение, и, заглянув внутрь, они увидели танцующего медведя, одетого в одно из платьев. Одному из мальчиков поменьше надоело наблюдать за медведем, и он спросил, может ли он подойти поближе к дереву, и индейцы постарше решили отпустить его и попросили его попытаться отобрать платье у медведя. Мальчик согласился и поднимался до тех пор, пока не побоялся подойти ближе. Теперь внимание медведя привлек мальчик, и он сразу увидел, что индейцы обнаружили его укрытие, перестал танцевать и покинул дерево, прихватив с собой индейские платья, решив отнести их в свой собственный дом, который находился на вершине дерева неподалеку. Ствол этого дерева был полым, и на вершине этого дупла медведь устроил себе жилище. Он изо всех сил тянул огромную корзину, но она была такой большой, что он не мог протащить ее через дупло к своему гнезду, и когда он увидел, что не может протащить ее, это привело его в бешенство, и он попытался выкопать дерево с корнями. Он копал так быстро, что вскоре обнаружил, что вырыл пещеру под деревом, и, устав от своих напряженных усилий, схватил корзину и втащил ее за собой в пещеру. Оказавшись там, он решил, что находится в безопасности от индейцев. Когда медведь исчез в пещере с корзиной, все индейцы отважились подойти к дереву и начали обсуждать, что они будут делать, им очень хотелось вернуть вещи, поскольку это означало большую потерю богатства, если они не смогут вернуть их снова. В конце концов они договорились, что разожгут костер у входа в пещеру и выкурят медведя из его берлоги, поэтому собрали большую охапку дров и сухих веток и развели костер. Когда он вышел, индейцы выстроились в очередь, готовые встретить его. Владельцем вещей был старик, и он занял свое место возле пещеры с натянутым луком, готовый выстрелить в медведя, но его стрела не ранила медведя смертельно, и медведь схватил его и раздавил насмерть. Затем разъяренный медведь набросился на других индейцев, но в конце концов упал на землю, утыканный стрелами. Они забрали корзину с платьями и вернулись домой скорбной процессией, поскольку один из их членов отправился в страну духов. Медведь в своем диком разгуле тоже лишился жизни.

УХАЖИВАНИЕ За МАЛИНОВКОЙ КРАСНОБОКОЙ.

Много веков назад, еще до того, как мир заселило очень много людей, Робин Краснобокий жил в одиночестве, будучи красивым молодым человеком, в великолепном особняке на реке Кламат. Этот скептически настроенный молодой человек всегда насмешливо отзывался о предложении жениться, поскольку был очень богат и держал при себе много слуг. На самом деле он держал по слуге в каждой комнате своего великолепного особняка.

Он часто отправлялся один на прогулки при лунном свете у реки или гулял ранним утром на рассвете по лесу. Юные девушки мельком замечали его, когда он проходил мимо их окон, или когда они выглядывали из кустов, восхищаясь всеми прелестями его физической мужественности. Но гордый молодой Краснобокий надменно проходил мимо них всякий раз, когда случайно встречал их, и решительно отказывался принимать какие-либо знаки внимания, которыми они так охотно его одаривали. Каждая девушка, которой случалось мельком увидеть его, воображала, что влюблена в него, и ее одинокое сердце неизменно стремилось к его любви, чтобы он мог сделать ее счастливой.

Законы древних времен сильно отличались от законов наших дней. Тогда существовало правило, что, когда молодая девушка влюблялась в юношу, она должна была сначала навестить его в его доме, а также предложить руку и сердце, если только молодой человек не предпочитал сделать это сам, тогда это было уместно. Это было верно и в случае с Краснобокой, как в былые времена, когда молодой человек отвечал на привязанность женщины взаимностью, он принимал ее любовь и делал ее своей женой. И если он не ответит на ее чувства взаимностью, то откажется рассматривать ее предложение руки и сердца.

Множество юных леди каждый день приходили в дом Краснобородого, ища любви и преданности, которыми он мог бы их одарить. У него всегда был швейцар, который объявлял о прибытии любой молодой леди, которая заходила, чтобы познакомиться с ним и пожелать объединить свое состояние с его состоянием. Обычно она имела в виду более позднее время, желая побеседовать с глазу на глаз. Краснобородый строго приказал привратнику не впускать ни одну молодую леди, которая могла бы заглянуть в дверь его особняка, и, кроме того, он никогда не мог привести ее к нему, не посоветовавшись предварительно с ним. Когда билтер объявлял Краснобородому, что в дверях стоит молодая леди, желающая взять у него интервью, Краснобородый всегда спрашивал, какого вида и цвета ее платье, и если билтер отвечал, что на ней костюм тич-ах-ме-та, ему говорили отослать ее, так как он не хотел ее видеть.

Одна за другой девушки приходили в особняк в надежде получить интервью, но, к их великому разочарованию, всех их прогоняли от двери. Можно себе представить, сколько бедных разбитых сердец последовало друг за другом, когда их отпустили от двери любви, чтобы они вышли в одинокий мир поплакать. Некоторые из этих девушек были настолько глупы, что запирались в темных камерах, чтобы их никогда не увидел мужчина, который разрушил их надежды на счастливую супружескую жизнь. Другие сострадательные души бросались в море, чтобы навсегда покончить с их ранними горестями и разочарованиями. Бедные обманутые девочки, если бы они только знали, как красногрудому небезразличны их страдания и как он издевается над ними в своем особняке, они бы никогда даже не сочли его достойным внимания. Однако многие девушки были не настолько глупы, чтобы разрушить все свое будущее счастье, но забыли насмешливого Красногрудого и искали других любовников, за которых выходили замуж и были очень счастливы.

Теперь случилось так, что все девушки в мире явились в особняк Краснобородой с целью посвататься к нему, кроме одной. Все эти девушки договорились между собой, что каждая по очереди будет навещать Красногрудого, пока он не выберет одну из них себе в жены. Теперь позвонили все девушки в мире, за исключением одной, и все остальные девушки были встревожены и гадали, какова будет ее судьба. Она была милым юным созданием с красными, как вишни, щеками, глазами, блестящими, как капли росы, и волосами, свисавшими

локонами. Было идеальное осеннее утро, когда эта горничная пришла в особняк краснобородой, ягоды мадроне созрели и алыми гроздьями свисали с ветвей дерева, наполняя атмосферу сладким ароматом росы. Небо и земля, казалось, сливались воедино, а затем растворялись в меланхолических осенних тенях. Таков был облик окружающего мира, когда эта застенчивая милая девушка с трепещущим сердцем подошла, легко спотыкаясь, по длинным лесистым аллеям к дверям особняка Красногрудой. Билетер приветствовал ее приятным “доброе утро”, поскольку ее внешность была просто сногшибательной, и велел ей подождать у двери, пока он не вернется с сообщением от своего хозяина. Объявив о своем прибытии, надменная Краснобокая сказала: “Ах! Мне наплевать на щелчок пальцев из-за самой красивой и милой девушки, которая когда-либо ходила по земле, меня волнуют не ее любовь и дружеское общение, а то, что она могла бы надеть, ее красивое платье, если оно сшито из подходящего материала, - это все, чего я хочу. Я еще раз говорю, что все они глупые юные создания, раз ищут моей любви, потому что мне некого тратить на них, вся она сосредоточена на мне и ни на ком другом”. Затем он задал билетеру тот же вопрос о том, какое платье на ней было надето. В первый раз билетерша ответила, что на ней не было платья в стиле тич-ах-ме-тах, как на всех других девушках, но на ней было красивое красное платье, украшенное гроздьями орнаментов тех же великолепных оттенков. - Боже мой! - воскликнул краснобокий. - Ты можешь немедленно выпустить ее, и он в восторге вскочил на ноги, его глаза сверкали ложной гордостью. Иди и скажи ей скорее, что она единственная девушка, которая когда-либо имела честь быть допущенной в мое присутствие. Теперь я буду добиваться ее от всего сердца и польщу ей до глубины души ради этой цели, но не ради моей жены, ты же знаешь. Ты знаешь, кто я такой, так что смотри, не переубеждай ее. Бедная маленькая девочка, бедная маленькая глупая девочка, стыдно обращаться с ней так жестоко, но я ничего не могу поделать, когда на ней такое соблазнительное платье красного цвета, наконец-то красного, моего любимого цвета, и этот цвет будет у меня.

Минуту спустя милую застенчивую служанку, которой едва исполнилось три сезона, провели в его залы и великолепные апартаменты, в которых она предстала перед краснобородым. Ее сердце на несколько мгновений перестало биться, когда он встал и элегантно поприветствовал ее. Он был намного красивее, чем она когда-либо мечтала о мужчине, и впервые в жизни ей показалось, что она по уши влюблена. Затаив дыхание, она вспомнила истории других девушек, которые были до нее, и теперь вряд ли могла винить их за безумные действия по саморазрушению из-за такой яркой личности. Краснобородый встретил девушку сердечным приветствием, полным лести, и выпроводил швейцара из апартаментов, чтобы они могли наедине спланировать будущее. Галантно он преклонил колени у ног прекрасной девушки и излил ей всю меру своей любви, своим элегантным и повелительным языком он представил в ее воображении, как он прогнал от своей двери столько других девушек, которые пришли искать его в качестве своего возлюбленного. Как он поступил, потому что никогда не умел любить и знал, что однажды найдет свою единственную настоящую любовь, которой, как он верил, была она, поскольку он никогда не испытывал чувства любви, пока впервые не взглянул в ее ясные глаза. Его нежный голос звучал в ее ушах так нежно, а прикосновение его пальцев было волшебным, как само Небо. Ее щеки покраснели еще сильнее, чем когда-либо, когда она слушала его нежные слова преданности. Она застенчиво прошептала “да”, когда он встал и прижал ее к своей груди, и они вместе приготовились к брачным клятвам. Они оба согласились, что обменяются свадебными клятвами на следующее утро, затем он взял ее за руку и провел в красивую комнату, где, он сказал, что она может провести ночь в мирных снах, а затем он ушел,

оставив ее одну в ее комнате, и он сказал ей, что эта комната всегда будет ее собственной комнатой, где она сможет уединиться и найти утешение в одиночестве. Оставшись одна, она долго сидела неподвижно, мечтая о блаженном будущем, которым она будет наслаждаться с мужем, за которым так многие пытались ухаживать, но так и не смогли завоевать, потому что он любил только ее.

Наступила ночь с ее тенями, и она почувствовала, что очень устала, так как ее бедный мозг находился в постоянном напряжении с тех пор, как она встретила Красногрудого. Устало она сняла свое красивое платье и аккуратно положила его на стул рядом с кроватью, а затем спрятала лицо под шелковыми одеялами. Вскоре в стране снов она проснулась только утром, а солнце стояло уже высоко в небе. Платье, которое она надела, было украшено прекрасными блестками ягод мадроне, которые отливали темно-красным. Пока девушка спала, Красногрудый тихонько прокрался в комнату и сожрал прекрасное платье, и всю ту ночь он лакомился ягодами и украшениями платья. Проглотив последнюю ягоду, он тихонько подкрался к спящей красавице и бросил прощальный взгляд на ее невинное личико. Затем он превратил свой особняк в унылый остров осенней сырости и улетел птицей. С тех пор краснобокий никогда больше не появлялся на земле как человек, но с тех пор был на земле как птица.

Печальна была девушка, которая, проснувшись в то утро, обнаружила, что ее ждет только ужасное разочарование. Она не находила в своем сердце утешения, но скорбела, горькая скорбь, которая не имела сострадания к ее ожесточенной душе. Оглядевшись в своем одиночестве, она увидела, что Краснобородый обманул ее, и что он эгоистично съел ее красивое платье, все, что она смогла найти от него, - это уродливые полосы, которые удерживали украшения на своих местах, и вот, эта девушка, такая юная и прекрасная, и когда-то такая красивая, сбежала по сырым проходам, плача оттого, что на нее обрушился зимний холод и оставил ее одинокой, без одежды.

Мораль этой истории такова, что молодым женщинам следует проявлять осторожность в ухаживании за красивыми молодыми мужчинами, чтобы их не обманули и не оставили в одиночестве.

ДОКТОР МЕДВЕДЬ И МИССИС СКУНС.

Давным-давно отец и мать-скунсы (ва-челт) растили семью из двух детей, и у них не было еды. Старики были в большом затруднении, не зная, что делать, поскольку все они умирали с голоду. Мать очень беспокоилась за свою семью, и однажды ей в голову пришел хороший план, как раздобыть что-нибудь поесть. Поэтому она объявила своей семье, что прикинется больной и попросит медведя (чи-ур-ра) прийти и вылечить ее. Ее муж и дети были в восторге от ее плана, и миссис Скунс предупредила своих детей, чтобы они вели себя очень тихо, когда мистер Медведь придет лечить ее, поэтому она легла спать, притворившись очень больной, в то время как мистер Скунс пошел за доктором Медведем и нашел его дома. Доктор сразу же проводил мистера Скунса к постели его жены и, войдя в комнату, начал расспрашивать миссис Скунс о ее болезни, на что она ответила очень слабым голосом, притворившись, что чувствует себя очень несчастной, и попросила своих детей отойти в другой конец комнаты и вести себя очень тихо, так как она хочет, чтобы доктор Бир осмотрел ее. Дети сразу отошли в другой конец комнаты, так как мать предупредила их, чтобы они сидели очень тихо, так как она собиралась плеснуть

мускусом Медведю в морду и ослепить его. Медведь начал готовить вещи для доктора миссис Скунс, и когда он был почти готов осмотреть ее, дети стали очень встревоженными и беспокойными, начали перешептываться друг с другом и устраивать большой тет-а-тет о том, какой обильный ужин у них будет, когда их мать убьет Медведя. Они так много шептались, что Медведь заподозрил неладное в их действиях и внимательно прислушался, и его острые уши уловили несколько слов из их разговора о том, что собирается делать их мать. Он начал двигаться к двери, чтобы уйти, когда мать-Скунс увидела, что он вот-вот уйдет, и изо всех сил швырнула мускусную струю Медведю в морду, но она не попала ему в глаза, и он благополучно убежал. Миссис Скунс очень рассердилась на своих детей, которые испортили ее планы из-за чрезмерного беспокойства и слишком большого количества разговоров шепотом. Вместо того чтобы получить медвежатину, как они ожидали, они оба получили хорошую взбучку от своей матери, которая преподавала им урок на будущее.

КАК ЖИВОТНЫЕ ПОКОРИЛИ ЛУНУ.

Много лет назад произошло полное лунное затмение, которое длилось несколько дней и ночей. Ночь оставалась такой темной, что люди и животные не могли видеть, что происходит, поэтому все животные животного царства держали совет и решили сожрать Луну, так как она стала бесполезной планетой и не давала им света ночью. Животные поднялись с земли на Луну и начали ожесточенную битву, чтобы завоевать и пожрать ее, и после долгой борьбы луна потеряла равновесие в небесах и упала на землю. Он обрушился на землю в районе Ка-нек на реке Клатат, где воды бурлят и бросаются в страшные пороги. В нижнем конце этих порогов, где есть большая круглая впадина в суше, на южной и западной сторонах реки, находится место, где, как предполагается, луна ударилась о землю, когда животные сбросили ее с небес. Пока животные и змеи боролись с луной в Ка-неке, именно тогда лягушка выступила вперед и возразила, сказав, что они не должны поглощать луну полностью, так как в будущем она понадобится им, чтобы освещать мир ночью. Послушавшись мудрого совета лягушки, все они согласились позволить ей вернуть луну на прежнее место. Поэтому лягушка сразу же начала собирать всю кровь луны и сплавлять ее вместе с другими ее остатками, и когда она выполнила свою задачу, все рептилии и животные оказали свою помощь в попытке вернуть луну обратно на небеса, чтобы она снова засияла. Великое множество животных истощилось в своих могучих усилиях, поскольку они не могли даже сдвинуть его с места покоя на земле. Все они так устали, что уже были готовы в отчаянии отказаться от этого занятия, когда маленький муравей (ха-пут) вышел вперед и предположил, что он в состоянии это сделать. Толпа разразилась хохотом над муравьем и насмеялась над ним, говоря: “Ах ты, маленький ха-путик, что такое маленькое ничтожество, как ты, может сделать с огромной луной?” Однако маленький муравей увидел возможность показать свою огромную силу, даже если бы он был маленьким, и бросился в толпу и прошел прямо под луной, луна сразу же начала подниматься с земли, и одним могучим усилием маленький ха-пут забросил луну обратно в небеса, где она с тех пор и оставалась.

Индейцы клатат всегда замечают, что в полнолуние темное пятно на ее поверхности (известное белому человеку как “человек на луне”) - это лягушка на луне. Всякий раз, когда происходит лунное затмение, говорят, что огромная лягушка пытается проглотить луну.

ЖЕЛУДЬ.

Много лет назад несколько семей осенью, в последней половине октября или ноября, собирали желуди для еды. (Когда семьи устраиваются в своих желудевых лагерях, все отправляются собирать желуди каждый день, когда они падают с дерева, используя большие корзины, чтобы положить их в них и отнести в лагерь, вечером, когда все собираются в домике для лагеря и вечерняя трапеза заканчивается, все члены семьи, мужчины, женщины и дети, занимают свои места и начинают снимать кожуру, чтобы достать мясо или сердцевинки. Это делается зубами, и удивительно, насколько опытными мы становимся в этом, и редко бывает, чтобы зернышко было размято или помято. Эти ядра почти всегда разделены на половинки, иногда на три части, а иногда и на четыре части, и найти одно, разделенное на четыре части так же, как оно росло в скорлупе, - явление нечастое. На внутренней стороне внешней скорлупы имеется очень тонкая кожа, которая покрывает ядро или мякоть желудя.) Молодая индианка собирала желуди со своей корзинкой, и когда она шла со своей корзинкой, собирая желуди, она так часто, как только могла, брала несколько штук в рот, раскалывала кожуру, вынимала сердцевину и клала ее в корзину к тем, которые не были очищены от кожуры. По пути она случайно открыла одну, где ядро было разделено на четыре части, что сразу же показалось ей очень забавным, поэтому она поставила свою корзинку и, взглянув на нее, сняла внешнюю оболочку и сделала из нее аккуратную маленькую колыбельку, затем она взяла внутреннюю часть кожуры и сделала красивый комплект детской одежды, после того как она сделала это, она взяла целое ядро, накрыла одеждой и положила его в колыбель, которую она сделала из оболочки. Когда все было закончено, она посмотрела на него, а затем положила в дупло дуба и продолжала собирать желуди, пока не пришло время возвращаться в лагерь. Когда им всем пришло время возвращаться по домам, она забыла, что натворила. Однажды, когда она готовила желудевую муку, она услышала шум позади себя, кто-то сказал "мама, мама", и, оглянувшись, она увидела маленького мальчика, и как только она увидела его, то поняла, что он был сделан из желудя, который она приготовила и оставила в дупле дуба. Она подняла Са-куан или пестик в своей руке и попыталась поймать мальчика, но он убежал от нее, и она последовала за ним, и гонка продолжалась, пока мальчик не добрался до края океана, где в лодке был мужчина, поэтому мальчик прыгнул в лодку, мужчина оттолкнул лодку, и они вместе отправились в море, и благополучно выбрались, когда девочка добралась до берега, она швырнула в них каменный пестик, и он упал в море, а его верхушка торчала и находится там по сей день.

Любой индеец расскажет своему белому брату эту историю как истинную часть своей религии, так спокойно и серьезно, как если бы это была правда и, возможно, некоторые представители низшего класса действительно верили в это, хотя это всего лишь сказка.

Это скала, которая находится в океане примерно в восьми или десяти милях от суши, в настоящее время от Орика или устья Редвуд-Крик. Эту скалу белый человек называет Реддинг-Рок, индейцы кламат называют ее Са-куан-оу. Истинные факты, касающиеся этой скалы, рассказаны в предыдущей главе.

ГОЛУБАЯ СОЙКА.

Однажды утром старая мать-олениха готовила кашу на завтрак своей семье, и пока она ее готовила, она сломала ногу, а затем, помешивая, позволила костному мозгу попасть в кашу. Это сделало кашу очень вкусной и маслянистой. Голубая сойка, случайно оказавшаяся рядом в

то время, наблюдала, как оленька готовила кашу, и видела, как она сломала ногу и смешала кабачковый жир с кашицей, а когда каша была приготовлена, Голубая сойка попробовала ее и нашла очень вкусной. В тот день, когда Голубая Сойка вернулась домой, она решила, что приготовит кашу из желудей таким же образом, поэтому, приготовив кашу, она сломала ногу, чтобы достать костный мозг, который размешала в каше, но, к ее великому разочарованию, субстанция, которую она взяла из своей лапки, была не маслом, а кровью, и когда она увидела, какой кровавой получилась ее каша, и это испортило ее, она очень разозлилась из-за своей простоты, поэтому она сразу же ополчилась на себя и вырвала все перья из своего хвоста и воткнула их в макушку, и с тех пор Голубая сойка носит узел на макушке. из перьев на голове.

СКОРБНОЕ ВОРКОВАНИЕ ГОЛУБКИ.

Голубь (Ах-роу-ви) со времен всемирного потопа считался у индейцев кламат священной птицей. Они носят символ голубя в своем церемониальном богослужении в священной ложе и поклоняются птице как божественному существу. Вокруг этой маленькой птички сплетена трогательная история о том, почему она так много воркует и всегда кажется такой печальной.

Давным-давно семья голубей устроила себе дом и гнездовье на ровном участке земли, примерно в полумиле от деревни Печ-ван на северо-восточной стороне. На этом похожем на скамейку участке земли на склоне холма рос очень большой живой дуб, а рядом с этим деревом бил небольшой источник воды, остальная часть равнины была покрыта травой. В маленькой защищенной бухточке на этой равнине голуби устраивали гнезда и растили свои семьи. Когда голубята становились сильными и достаточно большими, чтобы летать, они все взлетали на живой дуб. Там они прятались среди ветвей, когда опасность была близка, и каждую ночь все семьи устраивались на ночлег среди ветвей деревьев. В это время появился красивый молодой самец Голубя, который объявил о своих намерениях отправиться вверх по реке в Вейчпек и, находясь в гостях у друзей, отправился с беспутными товарищами, которые научили его играть в индейские карты, которые делаются из маленьких палочек и называются пара-кау, и в игру ва-чу. Игра стала настолько увлекательной, что он провел остаток своего времени за азартными играми и не осознавал, что оставил дома больную бабушку и что она хотела, чтобы он немедленно вернулся домой. Он был так глубоко заинтересован игрой, что не обратил никакого внимания на сообщение и продолжал играть в карты. Позже он получил сообщение, что его бабушка умерла, но в разгаре игры это показалось ему всего лишь безумием, и он продолжал играть, не обращая внимания на слова посыльного, который продолжал повторять слова о том, что его бабушка умерла, пока ему не удалось отвлечь внимание юного игрока. Молодой игрок печально оторвал взгляд от своих карт и сказал: “Сейчас я буду тасовать карты снова и снова, да, тасовать их снова и снова. Моя бабушка умерла, и чтобы весь мир знал, что я глубоко скорблю о ее потере, я буду ворковать среди одиноких кустов скорбным воркованием разбитого сердца, жалобным воркованием горя, которому не будет конца, пока я жив ”.

Прекрасная мораль этой истории состоит в том, чтобы научить и запечатлеть в умах детей, что они не должны впадать в беспутство, пренебрегая уважением и лелеянием своих бабушки любить их так же нежно, как своих собственных матерей, и даже больше по отношению к старости. Индийские матери рассказывают эту историю своим детям и плачут, как голубки, повторяя слова: Ви-пу-пу, ви-пу-пу-пу-пу, ви-ви-ви-ви-пу-пу. Таким образом, проиллюстрируя,

что они могут стать очень печальными, если не будут добры и внимательны к пожилым людям и не сделают их закатные годы яркими и жизнерадостными.

Я мог бы привести достаточно этих сказочных историй, чтобы написать книгу. Все классы моего народа могут при встрече со своим белым братом сесть и рассказать ему эти сказки, как часть нашей религии, с огоньком в глазах, и позволить ему пройти дальше. Некоторые из наших сказок частично основаны на правде, а затем придаются воображаемому смыслу, чтобы сделать их длиннее.

КОНЕЦ.

Примечания переписчика:

- Пустые страницы были удалены.
- Очевидные опечатки были незаметно исправлены; 2 случая перевернутой буквы "e" были расценены как ошибки, в одном было просто слово "эти", в другом была перевернутая буква "s" в той же строке.
- Варианты расстановки переносов были стандартизированы.